

Б. А. Шаббаев

**АФРИКА:
из прошлого
в будущее**

Б. А. Шабаев

АФРИКА: из прошлого в будущее

Лене Цейтлин
с самыми
цветами
пожеланиями
и Б. Шабаеву
Москва, 1987.

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (*председатель*),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Шабаев Б. А.

Ш12 Африка: из прошлого в будущее. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

184 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Путевые очерки журналиста-международника рассказывают о сложных социально-экономических проблемах становления и развития независимых государств Тропической Африки. Опираясь на живой, конкретный материал, почерпнутый непосредственно в африканских странах, автор показывает роль и значение традиционного и современного в развитии африканского общества, в преодолении отсталости и утверждении прогрессивных тенденций общественной жизни.

Книга иллюстрирована.

Ш 0803000000-039 36-84
013(02)-84

ББКл8(6)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сначала была Африка. Здесь, как утверждают ученые, возник род человеческий. Ведь именно в африканской земле антропологи обнаружили наиболее древние останки *Homo habilis* — «человека умелого», жившего 5,5 миллиона лет назад.

Положивший начало этим сенсационным открытиям известный английский антрополог Льюис Лики писал: «На Африканском континенте возник основной ствол развития, от которого в конечном итоге ответвились человекообразные обезьяны, а также сам человек, каким мы его знаем сегодня». Крупный африканский общественный деятель бывшей британской колонии Золотой Берег Кейсли Хейфорд задолго до находок Л. Лики назвал Африку «колыбелью мировых систем и философий, кормилицей религий всего мира».

А если оставить в стороне историю и обратиться к дням текущим? Достаточно открыть любую ежедневную газету или включить радио — и вы наткнетесь на сообщение о событиях, которые происходят на этом материке и эхом разносятся по земному шару. На протяжении всего лишь полувека мир второй раз переживает «африканский бум». Если на рубеже 20—30-х годов он был вызван негритянской культурой, открывшейся перед Европой во всем своем красочном своеобразии, то сейчас живой интерес вызывают повсеместно социальные, экономические и политические проблемы Африки.

Что ж, в этом нет ничего удивительного! На наших глазах африканские народы, которые колонизаторы столетиями рассматривали всего лишь как неразумных и диких «детей природы», превратились в полноправных и активных творцов современной истории. Сбросив ненавистное колониальное ярмо, они громко и уверенно заявили о своем праве не только определять собственную судьбу, но и участвовать в решении проблем, затрагивающих судьбы человечества.

В историческом споре между противоположными по своей сути системами — социализмом и капитализмом — Африка не может остаться в стороне, как бы ни стремились некоторые теоретики «африканской исключительности» отгородить ее от всего нового и прогрессивного с помощью отживших традиций и представлений.

И действительно, об Африке сейчас говорят и пишут больше, чем когда-либо прежде. И все же в значительной степени прав известный африканский поэт и политический деятель Леопольд Сенгор, утверждавший, что «из всех частей Старого света Африка — самая загадочная». Такой она остается даже для тех, кто занимается африканистикой всю жизнь.

Однако прийти к этому выводу гораздо легче, чем ответить на бесчисленные вопросы, которые то и дело ставит перед учеными и журналистами, перед политическими и религиозными деятелями африканская действительность. Но сегодня этих вопросов уже меньше, чем было вчера, можно не сомневаться, что завтра их число еще более сократится.

Неизмеримо обогатились наши знания об Африке. В далеком детстве остались для многих из нас представления о ней, составленные по известному стихотворению Корнея Ивановича Чуковского: «Не ходите, дети, в Африку гулять: в Африке гориллы, злые крокодилы...».

Многое изменилось с тех пор, как были написаны эти шуточные строчки. Изменилась прежде всего сама Африка. Рухнул не пресловутый «железный занавес», которым буржуазная пропаганда пугала обывателя, а вполне реальный заслон, с помощью которого колонизаторы пытались отгородить этот континент от остального мира и от идей социализма. И теперь дети и внуки «дедушки Корнея» смело «ходят» в Африку, только не «гулять», а работать: врачами и геологами, преподавателями и строителями, механизаторами и сталеварами. Работать и обучать своему мастерству африканцев.

Заметно поубавилось в Африке горилл и крокодилов. Теперь, чтобы увидеть их, лучше отправиться в заповедник, а надежнее — в зоопарк. Но страстных любителей экзотики можно утешить: летающей и ползающей нечисти вроде термитов и мух цеце, змей и скорпионов в африканских странах еще достаточно для того, чтобы попортить человеку кровь, а иногда подорвать и здоровье. Хотя и в отношении здоровья в Африке многое изменилось к лучшему: увеличилось число врачей и больниц,

эффективнее используются средства борьбы с болезнями; теперь реже, чем прежде, возникают эпидемии, снизилась общая заболеваемость.

Но одна болезнь пока не поддается лечению, хотя известна она еще со времен Ливингстона. Ее бесполезно искать в учебниках по тропической медицине. Болезнь эта — сама Африка. Кто хоть раз там побывал, услышал шелест пальмовых листьев, шум океанского прибоя, кто под неумолчный звон цикад любовался Южным крестом на ночном небе и вдыхал горькую пыль африканских дорог, того неудержимо тянет туда вновь. «Африка — неизлечимая страсть», — пишет советский журналист Владимир Корочанцев, который много лет жил и работал в различных странах этого континента.

Чем же так привлекает Африка, что заставляет всегда помнить ее, желать с ней новой встречи? Может быть, красота ее природы? Но вот английский натуралист Лесли Браун, исколесивший Африку вдоль и поперек, свидетельствует, что «красивых пейзажей здесь меньше, чем на других континентах». Тогда, может быть, люди, сами африканцы? Однако великий гуманист Альберт Швейцер, которого невозможно заподозрить в недостатке любви к ним, не раз сетовал на сложность «приобщения к духовному миру негра» и проистекающие отсюда трудности, отравляющие жизнь европейца в Африке.

И, несмотря на это, Лесли Браун провел в Африке свыше четверти века, посвятив многие годы глубокому и разностороннему изучению ее природы. Альберт Швейцер отдал Африке и африканцам более полувека подвижнической жизни. Он не только лечил людей от физических недугов, но и служил для них, как и для всех, с кем соприкасался, образцом высокой нравственности и гуманизма. Четырнадцать раз по различным причинам А. Швейцер покидал свою больницу, затерянную в чаще тропического леса, и четырнадцать раз возвращался в нее вновь.

Так, может, и не нужно искать ответ на вопрос, чем вызвана эта «болезнь» — Африка? Может быть, как во всякой любви, нужно довериться только сердцу, которому, как известно, не прикажешь?

Именно эти мысли волновали автора, когда он писал данные очерки. Ему хотелось не просто рассказать о своих впечатлениях от знакомства с пятнадцатью африканскими странами, но и поделиться с читателями возникшими размышлениями. Естественно, что они навеяны личным отношением автора к событиям и людям, о кото-

рых пойдет речь, а потому могут показаться спорными.

В очерках будет рассказано о ряде стран. В колониальном прошлом и в нынешней жизни у них много общего, но много и различий, зачастую весьма существенных. Одни, как, например, Сенегал или Гамбия, получив независимость, не прикрыли дверь, через которую к ним проникает не только западный капитал, но и «западный дух». Другие — Эфиопия, Мадагаскар, Сейшелы — в суровой и повседневной борьбе отстаивают право на независимость и основанное на справедливости и равенстве общественное устройство. Но там и тут происходит незаметная на первый взгляд, всегда острая и бескомпромиссная борьба старого с новым, отживающего свой век прошлого с грядущим. Каким-то оно будет?

Вопрос далеко не праздный, не простой. Учитывая это, автор и старался использовать только такие факты, документы и собственные записи, которые помогают понять сегодняшний день Африки и, насколько возможно, заглянуть в день завтрашний.

ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ ВЕКА ЭВОЛЮЦИИ

Какими бы отрывочными и противоречивыми сведениями об Африке ни располагал человек, отправляющийся туда впервые, он заранее знает одно: там жарко. Но, оказывается, и эта истина относительна.

Выходя из самолета, например, в Бамако, невольно замедляешь шаг на первых же ступеньках трапа. Впечатление такое, что перед тобой вдруг распахнулась паровозная топка. Ощущение тем более сильное, что ты всего несколько часов назад в аэропорту Шереметьево поживался от февральской стужи. Здесь же, под брюхом у Сахары, воображаемые картины дантовского ада начинают обретать зримые черты реальности. Так и кажется, что стоит чертям-истопникам чуточку поддать жару, как еще при жизни испытаешь все муки грешников, откомандированных в преисподнюю.

Раскаленный добела воздух недвижим и вроде бы даже звенит. А может быть, это от шума в ушах? С трудом преодолеваешь расстояние между самолетом и зданием аэровокзала, в котором лениво вращающиеся под потолком лопасти вентиляторов производят впечатление едва ощутимого дуновения ветерка. Впрочем, вентиляторы, может быть, и ни при чем: легкое движение воздуха создают несметные полчища мух, которые предпочитают транзитный зал аэропорта невыносимому солнцепеку.

Заняв вновь место в прохладном салоне воздушного лайнера для продолжения полета, чувствуешь себя солдатом, прошедшим боевое крещение. Расплата за такую самонадеянность не заставляет себя долго ждать. Через каких-нибудь полтора часа самолет заходит на посадку в следующей африканской столице — Конакри.

Взору открываются синие просторы океана, окаймленный белой полоской прибоя, утопающий в густой зелени берег, стройные пальмы, трепещущие под порывами ветра. Столь радующая глаз картина обещает отдохновение от адского пекла в Бамако. Но стоит лишь выглянуть

наружу, как всего тебя обволакивает липкая испарина, а влажная духота не позволяет вздохнуть полной грудью. Впрочем, любому, кто захотел бы испытать подобные ощущения, не обязательно лететь в Конакри: достаточно войти, не раздеваясь, в парное отделение русской бани, когда там только что плеснули ковш воды в раскаленную каменку.

Чувствуя, как по спине бегут ручейки пота и с каждым шагом тяжелеет, пропитываясь влагой, костюм, бредешь по летному полю и вспоминаешь, как о благодати, даже не о московском снеге, а о сухой бамаковской жаре. На встречающих друзей, деятельных, радующихся встрече со «свежим» земляком, глядишь с недоумением: чем они дышат и почему не обливаются потом? И напрасно.

Напрасно, потому что еще в первой половине прошлого века авторы «Учебной всеобщей географии», опубликованной в Санкт-Петербурге, писали: «Человек может жить во всех странах земного шара: тело его мало-помалу принимает свойство, приличное обитаемой им земле... опытом и навыками научается переносить всякий климат».

В справедливости этих слов убеждаешься быстро. Достаточно сбросить с плеч тяжелое творение московского портного и облачиться в «приличное обитаемой земле» легкое одеяние, достаточно окунуться в повседневные дела и заботы, как вдруг обнаружишь, что ты перестал обращать внимание на жару и влажную духоту. А потом настанет такое время, когда в Африке будешь мерзнуть. Отправляясь вечером к океану подышать свежим морским воздухом, надеваешь, как на лыжную прогулку, шерстяной свитер.

В тропиках нет привычной для жителей умеренных широт смены времен года, здесь лишены смысла такие понятия, как лето и зима, весна и осень. Чередование времен года определяется в этой зоне не температурой, колебания которой весьма незначительны, а режимом выпадающих осадков.

В простирающейся от атлантического побережья Сенегала до эфиопских нагорий полосе африканской саванны резко различаются два сезона: сухой и дождливый. Время наступления каждого из них и продолжительность меняются в зависимости от того, насколько данный район удален от экватора и морского побережья. На большей части этой обширной зоны дождливый сезон

приходится на «летний», по нашим понятиям, период и длится 3—5 месяцев. А с ноября по апрель — май не выпадает практически ни капли дождя.

В эти «зимние» месяцы над саванной дует ветер из Сахары, «харматтан», несущий не только сухой жар пустыни, но и мельчайшую пыль, проникающую всюду. В такие дни серо-желтая мгла, сквозь которую с трудом пробиваются солнечные лучи, плотно укутывает землю; рубашки приходится тогда менять по несколько раз в день.

Еще А. Швейцер подметил, что о дождях и хорошей погоде в Африке говорить не принято. Действительно, африканские тропики — поистине райское место для службы прогнозов: никаких неожиданностей погода ей тут не сулит. Прожив здесь хотя бы полгода, вы сможете сами ее предсказывать с точностью, близкой к 100 процентам.

Во время сухого сезона, собственно говоря, и предсказывать-то нечего: изо дня в день на безоблачном небе сияет солнце, направление ветра и температура отличаются завидным постоянством. Так проходят месяц за месяцем. Беспощадное солнце испепеляет все вокруг, и земля приобретает унылый желто-бурый цвет, кое-где перемежающийся с красными пятнами выходящего на поверхность латерита.

Неизменная погода сухого сезона сначала даже радует: можно, не опасаясь дождя, отправиться в выходной день на пляж, можно проехать на автомашине по проселочной дороге в любое место, можно устраивать под открытым небом выставки и киносеансы, можно, наконец, отдохнуть от неумолчного шума кондиционеров, которые в сезон дождей практически не выключаются. Но проходят дни, недели, месяцы, и начинаешь ощущать, что это вечно голубое небо, щедрое солнце, неизменная 30-градусная жара иссушают не только землю, но и душу, начинают действовать на нервную систему. Душа все настойчивее «просит бури», жаждет хоть каких-нибудь перемен.

И первые признаки долгожданной бури появляются на небе; все чаще возникают огромные кучевые облака, радуя глаз причудливыми нагромождениями. Океан темнеет, покрывается белыми барашками, которые сливаются на горизонте с облаками. Но к полудню ветер стихает, облака рассеиваются, а жара становится невыносимо тяжелой. Впечатление такое, будто сама природа, затаившись, томительно ожидает перемен.

И в один прекрасный день они наступают. Кучевые облака прямо на глазах уплотняются, образуют огромную фиолетовую тучу, охватывающую полнеба. Резкие порывы ветра вздымают тучи пыли, песка вместе с городским мусором. Со звоном вылетают стекла из рам открытых окон. Ночная мгла быстро опускается на землю, хвостатые молнии прорезают небосклон параллельно горизонту, орудийными раскатами гремит гром. И наконец на иссушенную многомесячным зноем землю обрушиваются потоки воды.

Выражение «пошел дождь» к этому ливню неприменимо. За его сплошной, непроницаемой завесой скрывается противоположная сторона улицы; автомобильные «дворники» не в силах справиться со своей задачей, и водители машин предпочитают остановиться и переждать разгул стихии. К тому же в считанные минуты мостовые, тротуары, газоны скрываются под бурлящими потоками воды, так что все равно не видно, куда ехать.

Такие торнадо, как называют здесь грозовые шквалы, столь же интенсивны, сколь и быстротечны. Через 30—40 минут небо светлеет, порывы ветра стихают и солнечные лучи вновь озаряют залитую водой и усыпанную сломанными ветками деревьев и кустарников землю. Пускаются в путь, или, вернее сказать, «вплавь», переживавшие непогоду автомашины, объезжая стайки веселых ребят, которые с восторгом плещутся в воде прямо на проезжей части улицы.

Кстати, почти любой мальчуган в Дакаре, не задумываясь, скажет вам, что первый ливень прольется, скорее всего, 14 июля — в день взятия Бастилии, национального праздника Франции. Сомневается обычно в этом только персонал французского посольства, решая каждый год одну и ту же проблему: проводить ли дипломатический многолюдный прием на лужайках посольского сада или же в помещении. Замечено, что всякий раз в этот день ярко светит солнце, ничто не предвещает ненастья и длинные столы с напитками и закусками накрываются под открытым небом. Но многие из приглашенных, умудренные опытом, прихватив тарелочку с закусками и бокал вина, предпочитают тесниться в душных залах. И предусмотрительность окупается сторицей: им не приходится в разгар приема спасаться бегством от мгновенно налетевшего торнадо.

Последний же дождь сезона по злой иронии судьбы омрачает жизнь сотрудникам советского посольства, ибо

имеет обыкновение проливаться на землю 7 ноября. И они с надеждой смотрят на небо, ломая голову над решением той же проблемы: где следует принимать сотни приглашенных на прием гостей? В Дакаре по этому поводу даже шутят, говоря, что «ивернаж» — так называют здесь жаркий и дождливый сезон года — «открывает» французское посольство и одновременно «закрывает» — советское.

Надо сказать, что радость и облегчение после утомительного сухого сезона приносят лишь первые ливни. С их приходом устанавливается в Дакаре настолько влажная и жаркая духота, что даже привычные ко всему местные жители стараются меньше двигаться и экономно расходовать силы. Пропитанный испарениями воздух недвижим, учащенное дыхание поверхностно, а сердце при малейшем напряжении, кажется, готово выскочить из груди.

На время «ивернажа» все, кто может себе это позволить, стараются уехать подальше: в Европу, Северную Африку или на Канарские острова. Закрываются многие магазины, парикмахерские и мелкие предприятия. В учреждениях, которые продолжают функционировать, меняется распорядок дня: работа начинается рано утром и заканчивается к 13—14 часам дня. Редеют потоки машин на улицах, ритм жизни замедляется, и кажется, будто город впал в спячку.

Зато оживляется бесчисленная африканская нечисть: комары и тараканы, мухи и термиты, песчаные блохи и очень маленькие черные жучки, распространяющие ужасающую вонь, если их ненароком раздавишь. Спасения от этих насекомых нет: часть из них ухитряется попасть даже в холодильник. Иной раз за день изведешь несколько флаконов аэрозолей против насекомых, а потом обнаруживаешь тараканов у себя под подушкой, а комаров в наглухо закрытом помещении.

Об этой изнурительной войне Альберт Швейцер в свое время писал: «О, сколько сил приходится затрачивать в Африке на борьбу с ползучими насекомыми! Сколько времени приходится терять на меры предосторожности! И какое бессильное отчаяние охватывает тебя, когда видишь, что они тебя еще раз перехитрили!».

С той поры условия жизни в Африке, а тем более в крупных городах, неузнаваемо изменились. Человек вооружился, если верить рекламным этикеткам, «самыми эффективными» средствами борьбы с насекомыми всех

видов. Но, как и у А. Швейцера в габонских джунглях, у людей не раз опускались руки перед ними.

С наступлением дождливого сезона саванна преобразуется. Еще вчера опаленная солнцем, пыльная, покрытая ломкой, как солома, травой, она чуть ли не за день — два покрывается изумрудным ковром из свежей и сочной растительности. Попав в эту пору в саванну, с особой силой ощущаешь всюду пробуждение жизни и не устаешь восхищаться ее бесконечным многообразием.

Земля и воздух пропитываются влагой. Вечерами можно очутиться под дождем при безоблачном небе. Мельчайшая водяная пыль кисеей опускается на землю, в то время как небосвод усыпан крупными южными звездами. Дело в том, что даже незначительного понижения температуры после захода солнца здесь достаточно для конденсации влаги, которой перенасыщен воздух.

Проходят недели, месяцы, и в пропитанном испарениями неподвижном воздухе начинают ощущаться первые струи ветерка. Скапливающиеся в небе тучи по-прежнему полыхают зарницами, доносятся глухие раскаты грома, но ливни проливаются все реже. Возвращается сухой сезон.

Под лучами солнца и от жаркого дыхания «харматтана» быстро испаряется накопившаяся в почве влага. Растительность приобретает желто-оранжевую окраску, а деревья, готовясь к длительной засухе, спешат сбросить листву. Шуршащим ковром она устилает землю. И вновь саванна преобразуется, превращаясь в пороховой погреб, где достаточно одной искры, чтобы все вокруг вспыхнуло.

Пожары в иссушенной зноем саванне — это зрелище, которое столь же трудно описать, как и забыть. Вряд ли можно еще где-нибудь увидеть более жуткую картину неукротимого, дикого буйства огня. С глухим, каким-то утробным гулом, переходящим в оглушительный рев, катит сплошной стеной огненный вал, достигающий десятки метров в высоту. В считанные мгновения обращает он в черную, дымящуюся гарью пустыню десятки и сотни гектаров земли.

Охваченное смертельным ужасом, все живое спасается бегством, не разбирая дороги, позабыв о видовых различиях и соперничестве. Антилопы и кабаны несутся рядом с гепардами, зайцы скачут вместе с каракалами. Множество животных, особенно мелких, гибнет в огне, не успев вырваться из зоны пожара.

Остановить огненный вал невозможно, бороться с ним — бессмысленно. Трудно даже представить себе, что всепожирающее пламя может иссякнуть. Пожар чаще всего гаснет только тогда, когда изменивший направление ветер погонит огненный вал в обратную сторону, на уже выжженную землю.

Участки саванны, по которым промчался пожар, производят удручающее впечатление. Своей полной безжизненностью, обугленными головешками на пепельно-серой земле, оставшимися от сгоревших деревьев, они напоминают фантастический инопланетный пейзаж. Сама мысль, что жизнь здесь может когда-нибудь возродиться, представляется сплошной химерой. Но, такова уж всепобеждающая сила африканской природы, стоит только первым тропическим ливням оросить почву, как саванна вновь зазеленеет. Наблюдая из года в год эти чудесные превращения, всякий раз вспоминаешь легенду о птице Феникс и задаешь себе вопрос: не здесь ли она родилась?

Лесли Браун и некоторые другие натуралисты считают, что пожары поддерживают зыбкое равновесие между деревьями и травянистым покровом в африканской лесостепи. Опаливая взрослые деревья и уничтожая подрост, они расчищают площадь для трав и кустарников, которые каждый год возобновляются из уцелевших корневищ. Среди деревьев выживают лишь те, которые способны устоять перед пожарами. Так сохраняется типичное для этой природной зоны сочетание редколесья с обширными пространствами травостоя.

Пожары в саванне возникают по разным причинам, но чаще всего их виновником оказывается человек — африканский крестьянин. Для него они служат и средством борьбы с наступающими на посевы дикорастущими травами и кустарником, и способом восстановления плодородия истощенной почвы. Крестьяне расчищают часть выжженной площади, оставляя золу как удобрение, и используют ее под культурные посевы до полного истощения.

Среди специалистов существуют различные мнения относительно эффективности подсечно-огневой системы земледелия в саванне. Одни, как Л. Браун, видят в ней наиболее рациональный способ ведения хозяйства. Другие возражают, указывая на усиливающуюся эрозию почвы, оскудение животного мира и наступление пустыни.

Не будучи специалистом в этой области, замечу, что стоящие до сих пор перед глазами страшные картины

бушующего мсря огня и опаленной безжизненной земли невольно заставляют думать, что природа без вмешательства человека вряд ли избрала бы столь жестокое и расточительное средство для поддержания равновесия.

Слов нет, при существующем низком и примитивном уровне производительных сил африканской деревни крестьянину не остается ничего другого, как следовать традиционным способам земледелия, которые складывались веками. Но сам этот уровень развития производительных сил никак нельзя считать «совершенным» и тем более неизменным. В ускорении темпов его роста лежит корень решения и сельскохозяйственных, и экологических проблем континента.

В Африке, даже когда живешь и работаешь в большом городе, не замечать этих проблем, оставаться от них в стороне невозможно. И дело тут не только в том, что, несмотря на стремительный рост урбанизации, подавляющая часть населения продолжает жить в деревне и занята в сельском хозяйстве. Сам город, каким бы он ни был большим и современным, связан тысячами нитей с деревней и во многом зависит от состояния ее «здоровья». В то же время между ними часто пролегает, казалось бы, непреодолимая пропасть.

О ней известный африканский историк, вольтийский профессор Жозеф Ки-Зербо сказал так: «Какой-нибудь старец, который бредет порой полсотни километров по затерянному в зарослях тропинкам, чтобы добраться до африканского города, преодолевает не просто определенное геометрическое пространство, но целую историческую дистанцию, исчисляемую иногда несколькими веками эволюции». Трудно, на наш взгляд, более образно и точно выразить, пожалуй, самый поразительный из многочисленных контрастов Африки — контраст между современным городом и патриархальной деревней.

Крупный африканский город, будь то Абиджан или Аккра, Дакар или Лагос, Киншаса или Найроби, поражает даже видавшего виды путешественника ультрамодернистской архитектурой небоскребов, роскошью отелей и магазинов, великолепием центральных проспектов и парадных набережных. По вечерам они озаряются разноцветием пляшущих огней рекламы и ярко освещенных подъездов кинотеатров и ресторанов, ночных клубов и баров. Вы можете здесь посмотреть только что вышедший на экраны Европы или США кинофильм, отведать доставленные самолетом наисвежайшие устрицы или

омары, не говоря уже об изысканных напитках. Любители более острых ощущений тоже не остаются без внимания, о чем оповещают рекламные щиты, установленные у соответствующих заведений. По улицам этих африканских городов скользят, шелестя шинами, лимузины самых дорогих и престижных марок. Любой сноб, имея деньги, может устроиться здесь с не меньшим комфортом, чем в известных столицах мира.

Принято считать, однако, что человек, который живет в таком африканском городе, но ни разу не ступил за пределы его центральных кварталов, так и не увидит Африку. Согласиться с этим утверждением можно, но с одной поправкой: он не увидит *всю* Африку в ее удивительном своеобразии. Ибо современные, фешенебельные городские кварталы — тоже Африка. Они возведены на ее земле и руками ее рабочих, в них живут, а тем более работают, не только иностранцы. А в роскошных автомобилях разъезжают в основном тоже африканцы. Европейцы с некоторых пор предпочитают не привлекать к себе внимания излишней роскошью.

Конечно, это лишь один облик Африки и отнюдь не самый типичный. Чтобы увидеть другой, достаточно вернуться за угол. И мир тотчас меняется до неузнаваемости.

Обшарпанные, полуразвалившиеся одно- и двухэтажные дома залатаны как придется и чем придется. С наступлением темноты они освещаются керосиновыми фонарями и коптилками. Водопровод заменяют здесь водоразборные колонки: одна на несколько кварталов; канализацию — зловонные сточные канавы, полные нечистот. Роскошные магазины с зеркальными витринами и кондиционированным воздухом уступают место маленьким и грязным лавчонкам, где по соседству с бочкой керосина свалены мешки с рисом, а на полках годами пылятся рулоны полуистлевших тканей.

На пустырях и в тесных проходах между строениями ютятся всевозможные мастерские. Под открытым небом строчит что-то на швейной машине портной, под ноги ему ложится, завиваясь, стружка из-под рубанка столяра. Здесь же, усадив клиента на ящик, бойко пощелкивает ножницами парикмахер. Производя невероятный грохот и шум, стучат молотками по кузову допотопного рыдвана жестянщики, тщетно стараясь выправить его мятые проржавевшие бока. А на узких улочках, в грязи и пыли, копошится полуголая детвора. Всюду, куда ни

бросишь взгляд, ползают жирные мухи, которые, кажется, и летать-то давно разучились...

Но и это не самые нижние ступеньки городской нищеты. Чтобы спуститься еще ниже, надо набраться мужества и углубиться в лабиринт кварталов этой части города. Постепенно дома, убогие и давно непригодные для жилья, кончаются. И начинаются подлинные трущобы — «бидонвили».

Здесь нет уже не только домов, но и вообще жилищ в общепринятом смысле этого слова. Их заменяют прилепившиеся друг к другу невероятные конструкции, созданные из разбитых ящиков, обрезков жести, кусков толя, обломков шифера. Дверные проемы закрыты либо грязной мешковиной, либо пучком сухих пальмовых ветвей.

Как раковые опухоли, разрастаются такие человеческие муравейники вокруг африканских городов. Они-то и служат наглядным и уродливым проявлением связи города и деревни, ибо в таких трущобах оседают десятки тысяч сельских жителей, покидающих родные места. По разным причинам устремляются они в город: одни — в поисках лучшей жизни, другие — из-за куска хлеба или горстки риса, если на их деревню обрушился голод. Часто молодежь бежит от беспросветной нужды, от закостенелой, регламентированной до мелочи вековыми обычаями сельской жизни, которая сковывает волю молодых по рукам и ногам тиранической опекой старших. Бегут, надеясь на лучшее, а попадают в «бидонвили», где нет ни работы, ни жилья. Сюда же город выбрасывает и тех, кто не смог удержаться «на поверхности», закрепиться в кварталах бедноты, в которых люди живут хотя бы под крышей.

Город старается отгородиться от трущоб и сделать вид, что они к нему не имеют никакого отношения. При чем отгородиться в буквальном смысле слова: основная магистраль, ведущая из Дакара в глубь страны и в аэропорт, пересекает этот огромный район сосредоточения крайней нищеты, но проезжающий по ней автомобилист не увидит его за высоким железобетонным забором, протянувшимся на несколько километров.

Здесь, как в гигантском котле, перемешивается все: различные этнические группы и кланы, веяния нового из близких кварталов городского центра и вековые обычаи, принесенные из деревенской глуши, надежды и отчаяние, случайная удача и горькое разочарование. А в результа-

тѣ образуется неустойчивый и взрывоопасный человеческий сплав, подверженный стихии самых необузданных действий.

Они — эти люди — никто. Статистика не относит их даже к безработным и зачастую не включает в активное население. В своем большинстве эти люди никогда и нигде не работали по найму. На них не распространяются законы о труде и пособия по социальному страхованию даже там, где они официально существуют. Обитатели «бидонвилей» не знают, что такое документ, удостоверяющий личность. И полиция, и медики предпочитают сюда не заглядывать. Да и кто может найти человека в этом муравейнике, где «улицы» не имеют названий, а «дома» — номеров?

Как и чем живут эти обездоленные, никому не нужные люди? От экономистов и социологов, работников муниципалитетов и профсоюзных активистов чаще всего приходилось слышать в этой связи упоминания о пресловутой африканской «солидарности»: взаимопомощи и взаимовыручке сородичей, земляков, членов одной касты или клана. Допустим. Но тогда остается открытым вопрос: как, хотя бы в том же Дакаре, несколько десятков тысяч африканских рабочих и служащих, получающих мизерную зарплату и обремененных собственными семьями, могут прокормить всю эту массу обитателей трущоб, лишенных всякого источника дохода? А ведь она насчитывает не одну сотню тысяч душ. Ответ, видимо, заключается в том, что городские люмпены живут, а точнее, влачат существование ниже всякого порога нищеты, который только можно вообразить.

Но связи африканского города с деревней не ограничиваются только городскими трущобами: они глубже и шире.

В Сенегале, скажем, виды на урожай арахиса волнуют не только крестьян. Будет хороший урожай — появится работа у тысяч рабочих маслобоен в Дакаре и Каолаке. В противном случае многие из них окажутся за воротами в безнадежных поисках заработка. И так обстоит дело не только с маслобойнями: по меньшей мере две трети сенегальских промышленных предприятий, сосредоточенных главным образом в Дакаре и его окрестностях, заняты переработкой местного сельскохозяйственного сырья. Поэтому любой «сбой» в деревне незамедлительно откликается эхом в городе.

Заметно увеличиваются толпы людей, осаждающих

каждое утро ворота дакарского порта, где грузчиков нанимают на работу поденно. Резко возрастает число просителей, обивающих пороги всевозможных контор, офисов и частных квартир в богатых районах, готовых наняться на любую работу и на любых условиях. А «настырность» мальчишек разных возрастов, которые караулят дюжинами у дверей магазинов, чтобы выхватить у хозяйки сумку с продуктами и пронести ее за гроши хотя бы несколько шагов, переходит мыслимые границы. Эти же ребята стайками собираются возле мест, где можно поставить на время автомашину, и стоит вам туда сунуться, как они наперебой предлагают «услуги»: «я буду караулить, патрон!». Отказываться от «услуг», за которые положено платить гроши, нельзя. Иначе вы рискуете, вернувшись, обнаружить машину поврежденной этими же «сторожами».

Имеются и другие признаки неблагополучия в деревне. Если вдруг высокопоставленные деятели — министры, депутаты парламента, члены Верховного суда или различных правительственных комиссий — отменяют назначенные заранее встречи и на несколько дней выезжают из города в отдаленные районы страны, значит, положение в них обострилось, возникли трудности, которые невозможно преодолеть усилиями только местных органов власти. Чаще всего в таких случаях упоминается засуха, реже — проливные дожди, затопившие посевы.

Но, как бы чутко город ни реагировал на «температуру» деревни, сложные и многообразные проблемы крестьянской жизни нельзя познать, не выбираясь за городскую черту.

Это, казалось бы, общеизвестная истина приобретает в Африке особую цену именно потому, что город и деревня существуют как бы в разных измерениях, в разных, по выражению Ж. Ки-Зербо, исторических эпохах. Этим зачастую определяются различия не только в подходе к решению стоящих перед деревней проблем, но и в понимании их природы. То, что представляется разумным и эффективным предпринять с точки зрения горожанина, оказывается неприемлемым для крестьянина или наоборот.

Постигнув эту истину, начинаешь искать любую возможность для того, чтобы попасть в африканскую «глубинку» и собственными глазами увидеть, как и чем живут там люди.

«Если вы не были в Казамансе, то считайте, что не видели Сенегала», — говорят в Дакаре любому иностранцу. Эту фразу слышишь настолько часто, что в конце концов начинаешь ей верить. А потом наступает такой день, когда, отложив все дела и заботы, нагружаешь багажник автомашины самым необходимым и отправляешься в путь. Впереди — четыреста пятьдесят километров, отделяющих Дакар от Зигиншора, главного города провинции Казаманс, которая прочно удерживает за собой репутацию самой своеобразной части страны.

Дорога по саванне кажется в начале пути монотонной: перед глазами разворачивается слегка холмистая равнина с серовато-бурой, выжженной солнцем во время сухого сезона высокой травой, редкими акациями и баобабами с могучими стволами и склеротически узловатыми, лишенными листьев ветвями. Как мертвые великаны, возвышаются они тут и там, и трудно поверить, что с первыми обильными дождями эти исполины проснутся, зазеленеют и выбросят диковинные цветы.

Возвышающиеся по сторонам дороги красноватые термитники достигают пятиметровой высоты, они вызывают в воображении образы полуразрушенных башен рыцарских замков и несколько оживляют однообразие пейзажа. А там, где широкими зонтами раскинули свои кроны паркии, почти наверняка притаилась деревня, разглядеть которую можно лишь вблизи: настолько конусообразные крыши ее хижин сливаются с выгоревшей придорожной травой. О приближении деревни водителю говорят и другие признаки. На пути то и дело начинают встречаться горбатые зебу, величественно несущие большие лирообразные рога, а также облезлые, вечно голодные собаки.

На проезжей части дороги нередко попадают трупы домашних животных, растерзанные грифами до неузнаваемости. Столкновение с этими уродливыми санитарями африканских саванн не сулит ничего хорошего. Крупные и жадные охотники за падалью имеют обыкновение невозмутимо справлять свою тризну и разлетаются в разные стороны, тяжело взмахивая крыльями, лишь в последний момент, когда проезжающая машина уже поравнялась с ними.

К внимательности и осторожности на узкой и практи-

чески лишенной обочин дороге призывают не только печальный опыт других водителей, но и придорожные плакаты, часть которых выполнена с претензией на юмор. «Больше ста километров в час — больше крови ожидает вас» — гласит один. «Сохраняйте контроль над машиной» — советует другой, на котором изображен вконец перепуганный кучер, едва удерживающий поводья взбесившейся лошади.

По мере приближения к Гамбии пейзаж становится все более живописным и разнообразным, а качество дороги существенно ухудшается. И когда машина подскакивает на очередном ухабе, водителю и пассажирам становится ясно, что на такой дороге и при сорока километрах в час можно сломать машину. Навстречу по узкой ленте асфальта с ревом, дребезжанием и скрежетом катят грузовики различных марок. Большинство из них в таком состоянии, что диву даешься, как это они не разваливаются на ходу.

Кабины — без дверей, моторы — без капота, перевязанные вдоль и поперек проволокой и веревками, эти ископаемые автомобильного века нагружены до предела всякой всячиной; поверх груза, кроме того, гроздьями висят люди. За что и как они держатся — постичь невозможно.

В украшении таких «транспортных средств», от одного вида которых инспектор ГАИ мог бы лишиться дара речи, их водители проявляют чудеса изобретательности. Неважно, что обзор дороги для них ограничен до предела яркими иллюстрациями из журналов и различными подвесками-талисманами. Главное, чтобы ни у кого больше не было столь причудливо размалеванного «экипажа», украшенного в придачу запоминающейся надписью на боках: «Со мной не пропадешь» или «Где я — там удача» — и тому подобными оптимистическими изречениями. Чаще же всего в этих надписях поминается имя божье, и едва ли не каждый второй водитель утверждает, что он состоит в особых и привилегированных отношениях со всевышним. Ну, а если у этого транспортного средства, к которому как нельзя лучше подходит определение «источник повышенной опасности», на полном ходу отвалится колесо — такое тоже случается, — то остается лишь молить бога, чтобы это не произошло непосредственно перед вашей машиной.

Но вот дорожный указатель извещает, что вы въезжаете в деревушку Кёр Айиб, а это уже граница. Пред-

стоят таможенные формальности сперва на сенегальской, потом на гамбийской стороне. На второй, правда, они сводятся к минимуму: таможенный чиновник, сидя на стуле, вполне удовлетворяется тем, что бросает, не читая, в ящик стола заполненную проезжим примитивную анкетку. На то есть весьма веские причины.

По образному выражению Жозефа Ки-Зербо, Гамбия напоминает банан, застрявший в горле у Сенегала. Взгляда на географическую карту достаточно, чтобы убедиться в точности этого сравнения. Вытянувшись на 350 километров узкой полосой — всего от 20 до 60 км в поперечнике — по обоим берегам реки, от которой страна получила свое название, она как бы разрезает Сенегал на две неравные части и отделяет влажный, плодородный юг — провинцию Казаманс — от полузасушливого сахельского севера, включающего и промышленную зону Дакара. Но если отвлечься от географии и задуматься над экономической сутью сенегало-гамбийских отношений, то выражение профессора Ки-Зербо стоило бы несколько перефразировать: не как банан, а как кость застряла Гамбия в горле ее соседа.

Жизнь более чем пятисот тысяч гамбийцев неразрывно связана с Сенегалом, но связи эти уходят своими корнями в колониальное прошлое обеих стран. Гамбия извлекает немалую выгоду из своего географического положения: сухопутное сообщение между двумя частями Сенегала осуществляется только через ее территорию, по одной из двух дорог, пересекающих страну с севера на юг. И обе они имеют только паромные переправы через полноводную Гамбию — в местечке Балингора, что на трансгамбийской дороге, и в столице республики Банжуле. За переправу — а в день реку пересекают сотни автомашин — приходится платить значительные суммы. Таможенные формальности, весьма строгие, когда речь идет о перевозке грузов, надолго задерживают автомобили по обе стороны границы, не говоря уж о том, что старенькие паромы не в состоянии принять на свои натруженные спины больше двух-трех мастодонтов с эмблемами «Берлиё» или «Мерседес» на радиаторах. Вот и скапливаются они в Балингоре, через которую идет основной грузопоток, ожидая переправы порой по двое суток.

Сенегальская сторона постоянно ведет разговоры о необходимости построить мост через реку. Не проходит года, чтобы очередной проект не обсуждался на различных уровнях: от министерских кабинетов до придорож-

ных кафе, где шоферы коротают время в ожидании переправы через реку. Финансовую помощь для строительства моста в разное время предлагали и Франция, и Англия, но воз и ныне там: у въезда на допотопный паромчик. Что касается причин подобной нерасторопности, то в Сенегале утверждают, будто гамбийцев вполне устраивает нынешнее положение и поэтому они не соглашались с условиями предполагаемого строительства и эксплуатации будущего моста.

Еще больше, чем от транспортных неувязок, страдает сенегальская экономика от контрабанды, широко практикуемой по обе стороны границы.

Балингора, где находится паромная переправа транзитного автотранспорта через Гамбию, хотя и отмечена на карте как населенный пункт, напоминает скорее своеобразный «Универсам», протянувшийся на сотни метров по обе стороны упирающейся в реку дороги. В маленьких, тесно прилепившихся друг к другу лавчонках есть буквально все: полотенца и белье с клеймом «Made in China», индийский чай и английские ткани, французская косметика и западногерманская эмалированная посуда, японские транзисторы и гонконгские детские игрушки. Все это в несколько раз дешевле, чем в соседнем Сенегале. И никакой водитель грузовика или транзитный пассажир не может удержаться от соблазна. Любой сенегалец, отправляясь в путь через Гамбию по своим или казенным надобностям, берет с собой не только всю имеющуюся наличность, но еще влезает в долги, не говоря уж о заказах многочисленных родственников и друзей. До поздней ночи не закрываются лавочки Балингоры, а бесстрастная статистика подсчитывает понесенные Сенегалом убытки. Известно, например, что из 100 проданных в Сенегале транзисторных радиоприемников лишь пять попадают в страну официальным путем, т. е. с уплатой таможенных пошлин; остальные привезены контрабандой из Гамбии.

Но если бы речь шла только о транзисторах или губной помаде, проблема контрабандной торговли через сенегало-гамбийскую границу вряд ли занимала бы столь заметное место в официальных документах и выступлениях сенегальских руководителей. А они утверждают, что наносимый контрабандой ущерб составляет ежегодно не менее 5 миллиардов западноафриканских франков. Из чего же складывается эта ощутимая для сенегальской экономики сумма?

Гамбия, как и Сенегал, в годы колониального господства была превращена бывшими хозяевами страны в плантацию по выращиванию арахиса, 90% которого шло на экспорт. Английская компания «Гамбия ойлсидс маркетинг борд», которая контролировала сбор урожая, очистку, переработку и вывоз из страны земляного ореха, выплачивала своим акционерам завидные дивиденды. И, хотя маленькая Гамбия не могла тягаться со своим соседом по объему валового сбора этой культуры, она выдерживала сравнение с ним в отношении показателей доходности основной отрасли экономики обеих стран.

Каждый год, когда наступает пора сбора арахиса, сенегальская государственная заготовительная организация устанавливает закупочную цену на него; в Гамбии эта цена оказывается неизменно несколько выше. В результате сенегальским крестьянам, живущим близ границы, становится выгоднее продавать урожай в соседнюю Гамбию. Спустя же несколько месяцев, когда французские маслобойни, находящиеся в Сенегале, начинают задыхаться от нехватки сырья, арахис из Гамбии перепродается им, но уже по более высоким ценам мирового рынка и помимо сенегальской казны в лице упомянутой выше заготовительной организации.

В связи с проблемой «арахисовой контрабанды» в Сенегале часто говорят о невозможности обеспечить прочную охрану границы, протянувшейся на многие сотни километров по тропическим зарослям, болотам или нехоженой саванне. Такие разговоры невольно вызывают в воображении хрестоматийный образ контрабандиста, который темной ночью пробирается по тайным тропам с мешком товара за спиной. Но если бы земляной орех переправлялся через сенегало-гамбийскую границу действительно таким способом, то выручки от каждого благополучно доставленного мешка едва ли хватило бы на бутылку пива или две пачки дешевых сигарет.

В действительности же сенегальский арахис переправляется в Гамбию на многотонных грузовиках по дорогам, нанесенным на все туристические карты. Как такой груз минует среди бела дня таможенные посты, остается загадкой. Разгадать ее, конечно, не так сложно, но лучше воздержаться от проявления нескромности, особенно неуместной там, где дело касается деликатных пограничных проблем между суверенными государствами...

Пересекая в обоих направлениях Гамбию, мы не наблюдали, как перегружают арахис с автомашин на

плоскодонные барки, на которых доставляют его по реке к месту складирования или переработки. Зрелище это, прямо скажем, захватывающее. Грузчики — и убеленные сединами старики, и поигрывающие тугими бицепсами молодые парни — принимают с борта грузовика высокие, едва ли не в рост человека, мешки на голову и, балансируя с ловкостью цирковых канатоходцев по узенькой доске, избегают на борт барки. У открытого люка они одним движением сбрасывают свою ношу на подставленные руки двух товарищей, которые с непостижимой ловкостью, буквально на лету, развязывают мешок и высыплют его содержимое в чрево утлой посуды. Рядом с люком растет гора пустых мешков, по числу которых потом будет производиться расчет с артелью грузчиков. В воздухе стоит пыль столбом, лоснятся на обжигающем солнце покрытые потом обнаженные тела артельщиков, однако ритм работы не снижается до тех пор, пока не ляжет на кучу последний пустой мешок. Когда нагруженная барка отчаливает, ее борта едва возвышаются над водой, и кажется, что малейшей волны достаточно, чтобы отправить и лодку, и ее содержимое на дно реки. Но, судя по всему, гамбийские шкиперы — мастера своего дела, поскольку рейсы обычно заканчиваются благополучно.

Из рассказанного выше может сложиться впечатление, что маленькая Гамбия только тем и живет, что подрывает экономику беззащитного Сенегала. На самом же деле все обстоит гораздо сложнее. Этим и объясняется в конечном счете нерешенность многих проблем в отношениях между двумя странами.

Какому бы из двух образов Гамбии — банана или кости в зубах у Сенегала — мы ни отдали предпочтение, оба они связаны с челюстями. А крепкие челюсти, как известно, перемалывают и кости, что уж говорить о банане! Гамбийская экономика значительно в большей степени зависит от Сенегала, чем сенегальская от Гамбии. Зависимость эта начинается с отсутствия в Гамбии глубоководного порта и международного аэропорта, способного принимать современные воздушные лайнеры. Поэтому основной поток гамбийских экспортных и особенно импортных грузов, как и вообще транспортные связи Гамбии с внешним миром, идет через Дакар, что ощутимо отражается на экономике страны, ориентированной на внешнюю торговлю. Это обстоятельство в немалой степени тормозит также развитие туризма, которому в последние годы гамбийское правительство уделяет все большее

внимание как важному источнику поступления иностранной валюты. С каждым годом все энергичнее внедряются в гамбийскую экономику и сенегальские филиалы крупных французских банков, страховых компаний, торговых фирм, а на гамбийский рынок все шире проникают товары сенегальского производства: спички и мыло, мука и напитки, обувь, цемент и прочие товары.

Так, в сложном переплетении взаимозависимости и соседствовали эти две страны, населенные людьми одного рода-племени, говорящими на одних и тех же языках и часто связанными узами кровного родства.

Эти строки о Гамбии и ее сложных взаимоотношениях с единственным соседом были уже написаны, когда в августе 1981 года из Дакара и Банжула стали поступать сообщения, из коих можно было понять, что сенегальские «челюсти» все-таки сомкнулись, поглотив неподатливую гамбийскую «кость». И появилось сомнение: а нужны ли теперь читателю все эти рассуждения, навеянные когда-то нудным ожиданием парома в Балингоре? Но, поразмыслив, я решил ничего не менять: все сказанное ранее — это предыстория разыгравшихся позже событий, без которой трудно уяснить их суть.

В августе 1981 года в отсутствие гамбийского президента Д. Джавары, отправившегося в зарубежное турне, в Банжуле была предпринята попытка государственного переворот. Правительству были предъявлены обвинения в коррупции, злоупотреблении властью и распродаже национального достояния западным монополиям. Под предлогом оказания помощи уже низложенному президенту сенегальские войска вступили в Гамбию и после упорных, кровопролитных боев подавили сопротивление инсургентов. Власть Д. Джавары была восстановлена, и тому ничего не оставалось, как согласиться на создание конфедерации Сенегамбия. В ее рамках были объединены и поставлены под сенегальский контроль силы безопасности и армейские подразделения обеих стран.

В Париже и Лондоне это решение было воспринято положительно, чего нельзя сказать о широких кругах общественности Гамбии и Сенегала. Впрочем, их мнением никто не интересовался, хотя возражения против такого «слияния» высказываются по обе стороны границы. Многие склонны считать его «объединением под дулом пистолета», а оно не может быть устойчивым, скорее наоборот — породит лишь дополнительные и труднопредсказуемые сложности в отношениях между народами-со-

седями. Но не будем гадать, как сложатся эти отношения и насколько жизнеспособной окажется новоявленная конфедерация. Тем более что настала пора продолжить наш путь в Казаманс.

УРОКИ ГРАФА ИЗ КАЗАМАНСА

Звучно шлепнувшись бампером о настил, машина взбирается на паром, и вот уже торговая шумиха Балингоры остается позади. А впереди расстилается гладь реки, плавно катящей свои воды среди заросших зеленью берегов. И сердце замирает от того, насколько все это напоминает родные среднерусские места: ну, прямо Ока, скажем, где-нибудь под Муромом. Сколько бы раз потом ни приходилось пересекать Гамбию у Балингоры, чувство это неизменно возвращалось. Поистине неисповедимы пути ностальгии, и никому не дано предугадать, где, когда и по какому поводу вдруг остро кольнет она тебя в душу...

К африканской действительности возвращает служитель с сумкой через плечо, в линялых шортах и латаной-перелатаной, давно и безвозвратно утратившей и цвет, и форму гимнастерке неведомой армии. Просунув голову в окно машины и цепким взглядом охватив пассажиров, он просит оплатить перевоз. Получив деньги, как правило, «забывает» выдать билет неосмотрительному туристу. И тогда жертве его «забывчивости» приходится заплатить вдвое больше контролеру при выезде с парома. Квитанция об уплате штрафа за «безбилетный» проезд тоже не предусматривается.

И снова тамежни, но уже в обратном порядке: сперва гамбийская, потом сенегальская. Оставшиеся до Зигиншора полторы сотни километров пролетают уже веселей: после нудного ожидания и волокиты на переправе само движение вперед доставляет удовольствие, да и местность вокруг становится все живописней, а растительность разнообразней и богаче. Перед самым Зигиншором — снова паром, на сей раз через реку Казаманс, на другом берегу которой и находится город. В отличие от гамбийского этот паром работает быстро и четко, строго соблюдая расписание, да и выглядит он вполне современно.

Если бы не водонапорная башня, торчащая над тем-

но-зелеными кронами деревьев, то Зигиншор с противоположного берега реки вообще был бы неразличим. Перед приезжающими с бедного растительностью и влагой сенегальского севера этот тихий, провинциальный городок предстает как оазис в пустыне, сулящий отдых и покой. Доброжелательные и неторопливые жители, пронизанная лучами солнца буйная тропическая флора и широкая, величавая река, вдоль которой вытянулись городские кварталы, создают неповторимое очарование Зигиншора, воспетое на разные лады в туристических путеводителях. И еще гостиница «Обер». Утверждают, что подобной нет не только в Сенегале, но и во всей Западной Африке. Что ж, проехав ее из конца в конец, могу согласиться с тем, что в этом утверждении есть доля правды. За внешне скромным фасадом здания гостей здесь действительно ожидают все необходимые для хорошего отдыха удобства, редкая для Африки чистота, превосходная кухня и, главное, какой-то домашний уют, создаваемый ненавязчивой, но постоянной заботой о постояльцах.

Даже в очень жаркий полдень улицы Зигиншора погружены в глубокую тень. Верхний ярус защитного растительного покрова образуют монументальные фромаже — «сырные деревья», если перевести на русский их название с французского языка. Сыры на этих сероватобурых исполинах с глубокими складками коры у основания ствола, конечно, не растут, как не растут и булки на «хлебных деревьях», но мягкая древесина и легкие, как пух, волокна, обволакивающие плоды фромаже, находят широкое применение. Из складок ствола, если их выпилить, получают готовые двери и столешницы, а волокна служат превосходной набивкой для подушек. В деревьях Казаманса фромаже часто служит «деревом совета»: именно под его раскидистой кроной происходят знаменитые африканские «палабры» — обсуждения животрепещущих вопросов жизни общины, затягивающиеся иногда на несколько дней.

Под сенью фромаже, образуя как бы второй ярус спасительной тени, уютно чувствуют себя фламбуайаны — «пламенеющие деревья». Вот они-то вполне оправдывают свое название, ибо в пору цветения густые, куполообразные кроны этих деревьев так плотно покрыты яркими пурпурно-алыми цветами, что за ними не видно листья. На побережье Гвинейского залива фламбуайаны называют еще «могилой белого человека». Столь мрачное наименование они получили за то, что цветут в раз-

гар влажного и жаркого периода года, когда тропическая лихорадка собирала обильную жатву среди непривычных к такому климату людей. Но с некоторых пор белый человек вооружился таблетками «нивакина» или «дилагила», обзавелся кондиционерами и холодильниками и теперь может безбоязненно любоваться буйной кипенью «пламенеющих деревьев».

Пальмы и акации, густой кустарник дополняют зеленый убор Зигиншора, почти совсем скрывая от глаз его невысокие — в один-два этажа — дома. Исключение составляет лишь набережная с длинными рядами складов и магазинов, построенных на заре колониальной эры. Многие из них давно и, похоже, окончательно закрыли свои двери и теперь служат лишь напоминанием о тех временах, когда Зигиншор был важным центром колониальной торговли и экспансии. Здесь, в опустевших торговых кварталах, город вдруг начинает казаться киносъемочной площадкой, вызывая в памяти кадры приключенческого фильма «Пятнадцатилетний капитан».

Зигиншор в отличие от оживленных и шумных Дакара или Каолака производит впечатление города, впавшего в спячку. Днем улицы его пустыны, лишь изредка проедет автомашина или проскрипит повозка, да ненадолго огласят их звонкие голоса школьников, разбегающихся после занятий по домам. Даже традиционно шумный и суетливый африканский базар выглядит здесь необычно: укрывшись от палящего солнца под зонтами всех мастей и калибров, торговки лениво взирают на редких покупателей, интересующихся снедью, разложенной на прилавках или прямо на земле. Только неумолчно жужжат, как бомбовозы, жирные золотисто-зеленые мухи, нарушая сонную тишину.

Лишь вечерами, когда спадает дневной зной, заполняются террасы кафе и баров. Толпа молодежи собирается у ярко освещенного подъезда кинотеатра, из распахнутых окон доносятся звуки музыки. Немногочисленная европейская колония — главным образом французские коммерсанты, преподаватели, технические специалисты — собирается на традиционный вечерний аперитив в баре местного аэроклуба. За бокалом виски или перно здесь обсуждаются дневные новости, городские сплетни, условия заключенных или еще намечаемых коммерческих сделок. Излюбленная тема разговоров — это «нерадивые африканцы». Каких только небылиц ни услышишь тут от местных острословов, смакующих любой действительный

или мнимый промах местных и центральных властей! Потом вся компания перебирается в сад гостиницы «Обер», где накрыты столы для ужина.

Вечерами этот ресторан служит своеобразным клубом местной — и европейской, и африканской — элиты. Вот здесь и начинаешь чувствовать, что за внешними сонливостью и беззаботностью в Зигиншоре кроется напряженная жизнь, кипят страсти, порожденные актуальными проблемами сегодняшнего и завтрашнего дня, сталкиваются порой прямо противоположные мнения. Но понять эту жизнь далеко не просто, как не просто разобраться в хитросплетении традиций и новаций, прожектерства и кропотливой работы энтузиастов обновления Африки, которая уже приносит вполне ощутимые плоды. И очень может быть, что многое в Казамансе осталось бы непонятным, если бы не одна любопытная встреча с человеком необычной судьбы, положившая начало долгому и доброму знакомству.

Нанеся, как положено, визит вежливости губернатору провинции в первый приезд в Казаманс, мы получили любезное приглашение сопровождать его в поездке по окрестностям Зигиншора, которую местные власти устраивали для именитых гостей из столицы, прибывших по воле случая в один и тот же с нами день. Когда на следующее утро участники этой экскурсии рассаживались по машинам, всеобщее внимание невольно привлек один господин странной наружности. Это был пожилой, тучный европеец с одутловатым лицом, в мятых, не первой свежести холщовых брюках и такой же рубашке навыпуск, в шляпе, давно утратившей и цвет, и форму, и в сандалиях на босу ногу. Подобная небрежность в одежде обычно несвойственна европейцам в Африке. Именно поэтому она бросилась в глаза собравшемуся воедино по такому официальному поводу и местному, и столичному начальству, одетому, кстати сказать, в полном соответствии с протоколом.

Наше удивление еще больше возросло, когда выяснилось, что именно этот господин будет гидом экскурсантов. И действительно, он со знанием дела рассказывал гостям о достопримечательностях района. На вопрос, кто же это такой, последовал неожиданный ответ, что это граф Жак де Сан-Сен, потомственный французский аристократ. Лет сорок назад он покинул родину и обосновался здесь, в Зигиншоре. Как этнограф-любитель граф занимается изучением африканского искусства и обычаев

местных племен, а на жизнь и пополнение своих коллекций он зарабатывает изготовлением на продажу мебели из твердой, как железо, древесины пальмы ронье. Где бы ни останавливалась наша кавалькада, колоритного графа неизменно окружала толпа деревенской детворы, которую он щедро одаривал леденцами, извлекаемыми из карманов его широченных штанов.

К числу достопримечательностей Казаманса, привлекающих внимание не только туристов, но и специалистов, изучающих материальную и духовную культуру африканских народов, относится традиционная архитектура жилищ у населяющей провинцию народности диола. О неповторимом устройстве этих жилищ мы читали в различных книгах, включая наш энциклопедический справочник по Африке. Но представить себе, что первое очное знакомство с архитектурой диола состоится под руководством отпрыска одной из старейших аристократических семей Франции, было, разумеется, немислимо.

Жак де Сан-Сен показал нам в укывшейся во влажном тропическом лесу деревне Мломп знаменитые «двухэтажные хижины». Укоренившееся в названии этих построек определение «хижины» не соответствует действительности. Оно отражает скорее пренебрежительное отношение некоторых европейцев к строительному искусству африканцев. Парадокс этих «двухэтажных хижин» состоит в том, что они резко отличаются от традиционной, наиболее распространенной в Африке архитектуры и в то же время удивительно напоминают привычные деревенские глинобитные дома в степных районах юга России.

Прямоугольные, а не круглые, как обычно, жилища сооружены из необожженной глины, бревна используются только для потолочных перекрытий. Двускатная крыша покрыта соломой, весь дом сооружен без единого гвоздя. На первом этаже находятся большая комната — «зала», где хранится разная домашняя утварь, кухня, используемая в дождливый сезон (в сухое время года пища готовится во дворе), и прихожая с выходом во двор и лестницей на второй этаж. На втором этаже размещены комнаты членов семьи, отдельно для детей и для взрослых, примыкающие к общей открытой галерее.

Специалисты утверждают, что подобных строений нет ни в одном другом районе Тропической Африки. Для африканской традиционной архитектуры характерны круглые жилища с конусообразной крышей, она практически

не знает этажных построек, сооружение которых требует и больших затрат труда и материалов, и более высокого мастерства. А об уровне его в Мломпе красноречиво говорили и искусно украшенные орнаментом стены, и четкие, безукоризненно выдержанные пропорции домов, которые оставляют впечатление вполне законченных и зрелых архитектурных сооружений, гармонически сочетающих и функциональность, и эстетику, и комфорт в том изначальном смысле этого слова, который в словарях обозначается как «совокупность необходимых бытовых удобств».

В деревушке Селеки де Сан-Сен продемонстрировал участникам экскурсии другой, своеобразный тип жилищ диола — «хижины с имплувиумом», что означает «собирающие дождь». Изобретательность и сметка, проявленные строителями таких жилищ, заслуживают самой высокой оценки.

План такой постройки напоминает бублик, по окружности которого размещены жилые помещения членов семьи и кладовые, а в середине — хозяйственный дворик. Строится такой дом тоже из необожженной глины, покрывается соломенной двускатной крышей, которая образует как бы воронку, обращенную своим отверстием как раз в центр дворика. Дождевая вода, стекая с такой крыши, собирается в специальном резервуаре, а ее излишки отводятся водостоком за пределы жилища. Первые дожди смывают с крыши пыль и грязь, а потом, в течение всего дождливого сезона, обитатели такого дома имеют в изобилии свежую, чистую и мягкую дождевую воду.

В деревнях диола поражает не только архитектура жилищ, но и почти стерильная чистота, которой может только позавидовать любая африканская столица. Да и только ли африканская! При всей бедности и архаичности быта крестьян диола здесь не увидишь мусора или гниющих отходов, не почувствуешь тошнотворного запаха нечистот, столь типичного для городских трущоб — прибежищ африканской бедноты. Надолго остаются в памяти и такие черты диола, как исполненное чувства собственного достоинства радушие, вежливость, гостеприимство. «Сафи», — неизменно приветствуют взрослые и дети всех встречаемых на дороге. И, если вы не хотите прослыть невоспитанным человеком, надлежит ответить на диола: «Кассумай», что непременно вызовет доброжелательную улыбку.

Впрочем, при всей традиционной приветливости местных жителей свидетелем одного небольшого, но весьма показательного инцидента нам довелось быть во время поездки с де Сан-Сеном. У дверей одной из хижин, которую нам намеревались осмотреть участники экскурсии, возник непредвиденный затор: хозяин отказывался впустить в дом незваных и незнакомых гостей. Все попытки губернаторской свиты втолковать ему, какого ранга гостям он не разрешает войти в дом, не имели успеха. И только вмешательство державшегося до того в стороне де Сан-Сена помогло открыть перед губернатором и его спутниками двери этого деревенского дома. «Тебя мы знаем,— сказал крестьянин французскому графу,— а их — нет. Но если они с тобой, то пусть заходят». Этот эпизод раскрыл перед нами в новом свете и гордую независимость крестьян диола, и любопытную личность нашего гида. Тогда же возникло желание поближе познакомиться с человеком, который пользуется таким уважением и популярностью, какие не снились и губернатору.

Знакомство состоялось, и немало часов провели мы потом в беседах с де Сан-Сеном, в спорах о жизни и насущных проблемах развития африканской деревни, которую он глубоко и заинтересованно изучает. Многие в окружающей действительности после этих бесед стало восприниматься иначе, чем это представлялось на первый взгляд. Графа, променявшего дворец на хижину — ибо иначе не назовешь его скромное зигиншорское жилище,— поначалу весьма забавляло, надо полагать, что он выступает в роли просветителя советского журналиста. Со временем, однако, выяснилось, что его отношение к африканской действительности не так уж и расходится с историческим материализмом.

В доме де Сан-Сена мне не раз доводилось встречать разных посетителей: и молодых католических священников, отправляющихся к месту службы в удаленные уголки провинции, и французских технических советников, и американских бизнесменов, слетавшихся на запах нефти, признаки которой были обнаружены вблизи устья Казаманса, и местных сенегальских чиновников. Всю эту разноликую публику привлекала, конечно, не богатейшая коллекция произведений африканского искусства, собранная графом, а его умение наблюдать и объективно оценивать африканскую действительность.

Помнится, во время одной из первых встреч зашла речь о проблеме туристического бума в провинции.

Надо сказать, что не только Сенегал, но и другие африканские страны в поисках источников поступления твердой валюты обращают свои взоры на индустрию туризма и прилагают немало усилий, чтобы привлечь иностранных туристов. В 70-х годах в Дакаре, на так называемом «Малом побережье» между Зеленым мысом и устьем Сине-Салума, в национальном парке Ньюколо-Коба, как грибы после дождя, стали расти фешенебельные отели, туристические комплексы, рестораны и кемпинги. Не остался в стороне и Казаманс, наделенный самой природой привлекательным туристским потенциалом. Своеобразная архитектура и быт диола в сочетании с уникальными, как утверждают знатоки, по всему западно-африканскому побережью пляжами, девственные леса и живописные протоки дельты Казаманса с их рыбацкими пирогами, розовыми фламинго и величавыми пеликанами, населяющими прибрежные заросли, способны удовлетворить самые изысканные запросы туристов.

Однако серьезной помехой развитию индустрии туризма в Казамансе остается транспортная проблема. Описанные выше пятьсот километров узкой, полуразбитой автомобильной дороги со всеми злоключениями на гамбийском пароме вряд ли вдохновят на путешествие даже заядлого любителя экзотических поездок. Старенький пароходик «Кап Скирринг», плававший некогда под норвежским флагом, а ныне совершающий раз в неделю рейсы из Дакара в Зигиншор и обратно, тоже не в состоянии решить проблему доставки туристов. Наиболее удобное, хотя и дорогое, авиационное сообщение не может взять на себя выполнение этой задачи из-за отсутствия в Казамансе аэродромов, способных принимать пассажирские самолеты.

И все же туристический сервис в провинции развивается довольно быстрыми темпами. На Кап Скирринге — в этом туристическом рае, как с полным основанием называют проспекты протянувшийся здесь на многие километры золотистый песчаный пляж, окаймленный пальмами и акациями, — обосновался французский «Средиземноморский клуб». По контракту с сенегальским правительством на датские капиталы он построил роскошный комплекс со всеми мыслимыми удобствами. Бунгало, прячущиеся в зарослях, удачно вписываются в пейзаж, что, несомненно, следует поставить в заслугу строителям и проектировщикам, приложившим немало усилий, чтобы не нарушить первозданной красоты природы. По соседст-

ву с Кап Скиррингом, в Букоте, право на сооружение гостиницы на 500 комнат приобрела известная в Западной Африке компания ЮЗИМА, контролируемая французским капиталом. А еще дальше к северу, в Дьемберинге, подобный комплекс на 800 комнат взялись построить американские фирмы.

Все эти новостройки, как осуществленные, так и проектируемые, вызвали в Сенегале заметную волну радужных надежд. Столичная печать и местные газеты с энтузиазмом писали об открывающихся перспективах оживления экономической жизни Казаманса: росте занятости населения, улучшении дорожной сети и транспортных связей с северными районами страны, новых стимулах для повышения товарности сельскохозяйственного производства и развития местных промыслов.

Но действительность опрокинула едва ли не все эти надежды и заставила многих сменить оптимизм на скептицизм. И пожалуй, первые тревожные высказывания по поводу туристского бума пришлось услышать именно от де Сан-Сена.

— Пусть вас не удивляет, что крестьянин не пускал к себе в дом губернатора и всю нашу компанию, пока я с ним не поговорил,— сказал де Сан-Сен, ставя на стол блюдо с истекающим ароматным паром тьофом — по всем статьям королем того рыбного царства, которого добывают из моря своим тяжким и опасным трудом сенегальские рыбаки.— Ведь мы ездили по деревням,— продолжал он,— которые в разгар сухого сезона буквально заполнены потоком туристов. И все они вооружены кино- и фотокамерами, магнитофонами и, черт знает, какой еще техникой, бесцеремонно лезут в крестьянские дома, снимают, записывают... Крестьяне в таких деревнях лишены покоя, они испытывают ощущение, что их рассматривают как зверей в зоопарке. Не мудрено, что наш диола при виде большого скопления визитеров взбунтовался, пока не узнал меня. Ну, а я там — частый гость.

Наш гостеприимный хозяин принялся колдовать над рыбой, а в разговор вступил его друг, председатель местной торгово-промышленной палаты Симоното.

— Наплыв туристов породил не только эту, в общем-то моральную проблему, а ожидаемых благ пока не принес. Возьмите тот же «Средиземноморский клуб». Ведь его роскошный туристический комплекс — это государство в государстве, он ровным счетом ничего не дает провинции. Почти все необходимое для функционирова-

ния этого комплекса в Кап Скирринге — от оборудования до продуктов питания — доставляется сюда из Европы.

— Кроме рыбы, — вмешался де Сан-Сен, пододвигая нам тарелки с аппетитными кусками тьюфа, — да и то потому, что такого красавца можно выудить только здесь.

— Местные продукты «Клуб» не закупает, не доверяя их качеству, — продолжал Симоното. — Местную рабочую силу использует крайне ограниченно, ссылаясь на ее недостаточную квалификацию, а труд тех, кому посчастливилось попасть на работу в комплекс, оплачивает по самым низким ставкам.

— Даже гиды и шкиперы на пирогах, — снова вступил в разговор де Сан-Сен, — и те законтрактованы за пределами Сенегала, чтобы не платить здесь в кассу социального страхования.

— Ну, а валюта поступает в сенегальскую казну? — поинтересовались мы.

— Представьте себе, практически нет, — ответил Симоното. — Все пребывание в комплексе, включая транспортные расходы, питание, обслуживание, стоимость экскурсий, оплачивается во Франции и поступает на банковский счет «Средиземноморского клуба». В Сенегале туристы оставляют лишь незначительные средства, которые тратят в основном на приобретение сувениров.

О налогах, которые могли бы пополнить сенегальский бюджет, можно было и не спрашивать, ибо известно, что по действующему законодательству иностранные инвесторы, вкладывающие свои средства за пределами района Зеленого мыса, полностью освобождаются на 5—8 лет от уплаты налогов, а в последующие 3 года выплачивают только половину причитающейся с них суммы. Им также гарантируется свободный перевод прибылей за границу и предоставляются таможенные льготы.

— Да, молочные реки в кисельных берегах у нас пока еще не потекли, а вот сточные воды цивилизации затопить провинцию вполне могут, — вновь вступил в разговор де Сан-Сен, переводя его от экономических выкладок в близкое ему русло этических и нравственных проблем. — Вы обратили внимание, сколько у нас появилось в последнее время попрошаек «бана-бана» (так во франкоязычных странах Тропической Африки называют лотошников, торгующих фруктами, сигаретами и сувенирами. Большинство среди «бана-бана» составляют женщины и дети), бродяг, которые так и вьются вокруг туристов, высматривая, что и где плохо лежит?! — продолжал

он.— В Зигиншоре, Уссуе, на побережье — да в общем на всех туристских маршрутах — молодежь все заметнее утрачивает присущие диола нравственные нормы и ценности, обезьянничает, слепо копируя манеры новых «идолов». Растет употребление алкогольных напитков, учащаются бессмысленные драки и поножовщина, появилась проституция. А ведь еще недавно Казаманс не знал подобных язв «вестернизации», и люди здесь отличались безупречной честностью, достоинством, доброжелательством и бескорытием.

— Ты расскажи о королеве Себет,— подсказал Симоното.

— Вот-вот, самый наглядный пример,— подхватил де Сан-Сен. — Только зачем рассказывать, лучше съездить в Айум и посмотреть своими глазами, во что она превратилась.

О королеве Себет, правительнице племени флуп, одного из племен народности диола, я был уже наслышан. С тех пор, как ее посетил Андре Мальро и в 1967 году описал эту аудиенцию в своих «Антимемуарах», королева флупов стала пользоваться известностью и, разумеется, попала в число туристических достопримечательностей Казаманса. Какой турист, забравшийся, по его представлениям, почти на край света, устоит от соблазна повидать такую знаменитость, тем более что ее «резиденция» в деревушке Айум находится практически на главной туристской дороге, соединяющей Зигиншор с морскими пляжами. Вот и началось паломничество в эту, дотоле неизвестную африканскую деревню.

В кругу европейцев, живущих в Сенегале, королеву Себет часто называют «королевой виски». О происхождении этого прозвища догадаться нетрудно: из всех видов оплаты за право лицезреть и запечатлеть на пленку ее царствующую особу королева Себет предпочитала... виски «Джонни Уокер». Других марок этого напитка она, по-видимому, просто не знала.

Среди французских журналистов, посещавших Казаманс, распространена легенда, что первую бутылку виски преподнес королеве Андре Мальро и она якобы хранит ее как память об этой встрече.

После разговора у де Сан-Сена желание повидать эту знаменитость, разумеется, окрепло. И чего уж греха таить, собираясь в Айум, мы тоже прихватили соответствующее подношение.

В Уссуе — одном из департаментских центров провин-

ции — сворачиваем на проселок у бензоколонки, расположенной при въезде в городок. Кстати, на этой бензоколонке, как нам рассказали, работает заправщиком супруг королевы Себет. Что поделаешь: хотя и «все могут короли», как утверждается в популярной песенке, видимо, и они не могут прожить без средств к существованию.

Прихватив с собой на развилке дорог проводника из числа мальчишек, ожидавших своей очереди, чтобы заработать на интересе к их высшей правительнице, петляем с полчаса в зарослях, оставляя позади шлейф красноватой пыли. Миновав несколько деревень, останавливаемся наконец в густой тени величавого фромаже и дальше, как и подобает по придворному протоколу, идем пешком.

За очередным поворотом тропинки взору открывается обычная крестьянская хижина, традиционно крытая соломой, с обнесенным плетнем хозяйственным двором. Во дворе бродят куры, в тени дремлет, не обратив на нас внимания, тощая дворняга. Пока наш проводник исчез внутри хижины для переговоров с королевой, двор заполняется доброй дюжиной его полуголых сверстников, с любопытством взирающих на очередных визитеров. Как можно предположить, это — королевская свита, задача которой придать необходимую торжественность появлению царствующей особы.

Вынырнувший из хижины проводник объявляет, что королева отдыхает и принять нас не может: приезжайте в другой раз. Что ж, так и должно быть по протоколу, ведь королевский дворец не проходной двор. В соответствующих случаях выражениях просим посланца Ее Величества не отсылать нас несолоно хлебавши, подкрепляем эту просьбу подношением с веселым бродягой Джонни на этикетке. Посланец удаляется с нашим подарком, и через несколько минут в темном проеме двери появляется обнаженная по пояс хрупкая женщина с лицом, испещренным морщинами. Бедра ее обернуты куском пестрой ткани, спадающей до земли. Это и есть верховная правительница племени флуп.

Церемонно приветствуем королеву, объясняя ей, кто мы такие и из каких краев прибыли. Объясняем через переводчика — одного из шустрых мальцов ее свиты. Наш проводник, бойко болтавший в пути по-французски, здесь стушевался и затерялся за спинами своих товарищей: его миссия, надо полагать, при существующем «разделении труда» кончилась.

Вопреки многим предсказаниям королева Себет принимает нас благосклонно и даже приглашает осмотреть свой «дворец». Внутреннее его убранство ничем не отличается от обычного крестьянского жилища, если не считать кучи пустых винных бутылок у входа. Очень, конечно, хотелось бы видеть в доброжелательности королевы флупов знак уважения к нашей стране и ее неизменной политике дружбы и сотрудничества с народами Африки, но боимся, что «ведомство по иностранным делам» королевы Себет вряд ли когда-либо докладывало ей о существовании Советского Союза.

Наступает время для традиционных съемок на память о визите. Милость королевы простирается так далеко, что она изъявляет готовность надеть по такому случаю парадное платье и очень удивляется нашему настойчивому желанию запечатлеть ее в будничном виде. Но ведь парадных изображений вельможных особ, в том числе африканских, по свету гуляет более чем достаточно, и куда более заманчиво стать обладателем фотографии королевы «как она есть».

На прощание, облобызавшись с гостями, королева Себет вручила нам памятный подарок: лукошко с арахисом прошлогоднего урожая. Явно горчивший арахис пришлось выбросить, лукошко же, за которое, правда, придворные взяли с нас пятьсот франков, сохранилось и занимает сейчас видное место в моей африканской коллекции, напоминая об этой необычной встрече.

Спустя несколько лет из заметки, опубликованной в журнале «Азия и Африка сегодня», стало известно, что в августе 1976 года королева Себет скончалась и похоронена, судя по всему, как раз под тем огромным фромаже, где мы когда-то оставляли свою машину. В заметке, правда, говорилось и о том, что среди 21 предмета, составлявших имущество покойной, оказалась... бутылка виски — «подарок ее царственной сестры, королевы Британии». Что ж, житие королевских особ всегда было окружено тайнами и легендами...

Что еще можно сказать об истории королевы Себет? Она, несомненно, печальна. Не знаю, от чего скончалась правительница племени флуп, но то, что при жизни она была «живым экспонатом» и стала жертвой бесцеремонной орды туристов, в этом сомнений нет. Заслуживает внимания и тот факт, что образ ее жизни, во всяком случае в последние годы туристского бума, мог внушить многим залетным посетителям деревни Айум лишь пре-

дельно искаженное представление о народе, которым, пусть символически, правила покойная.

Мальро в своих «Антимемуарах» об этом народе писал, что «они сберегли своих царей-жрецов, чей престиж сохраняется, хотя их власть стала только духовной». Эти строки невольно наводят на мысль о том, что всеядное племя разноязыких туристов с успехом приканчивает то, с чем не удалось справиться колонизаторам: престиж традиционной королевской власти.

Таковы реальные издержки неуправляемой и неконтролируемой стихии туризма, страдает от которых не только сенегальская провинция Казаманс.

Беседы с Жаком де Сан-Сеном больше, чем другие встречи, вместе взятые, помогли увидеть в ином свете и другую животрепещущую проблему Казаманса — проблему рисоводства.

Наряду с просом и маниоком рис составляет основу пищевого рациона сенегальцев, но собственное его производство удовлетворяет лишь ничтожную часть потребностей страны. В результате Сенегал, насчитывая около 5 миллионов населения, входит в первую десятку стран-импортеров этой трудоемкой, а потому и дорогостоящей продовольственной культуры. Ежегодный ввоз риса постоянно растет, перевалив давно за 100 тысяч тонн. Он «съедает» львиную долю тех 4—5 миллиардов франков, в которые обходится казне импорт зерновых.

Вот почему в ряде мер, направленных на сокращение огромного дефицита внешнеторгового баланса, сенегальское руководство отводит первостепенную роль увеличению производства риса. Казаманс же с его благоприятными для выращивания этой культуры климатическими условиями издавна был основным районом рисоводства, где обычно собирали $\frac{3}{4}$ валового урожая риса. Но здесь же он и потребляется, не оказывая заметного влияния на зерновой баланс страны в целом. Еще в первом сенегальском плане развития на 1961—1964 годы была поставлена задача увеличить производство риса в Казамансе и, главное, резко повысить его товарность.

В провинцию были приглашены специалисты-рисоводы из разных стран, в частности многочисленная тайваньская миссия, которая проработала там много лет и лишь недавно была заменена представителями КНР. Как с явным оптимизмом сообщалось в одной из официальных публикаций, ей «удалось, используя близкие к традиционным методы, получить урожай риса, превышаю-

щие 4 тонны с гектара», иными словами, более чем в четыре раза превысить среднюю урожайность этой культуры в Казамансе. Естественно было ожидать, отправляясь в поездку по этой провинции, что доведется увидеть и признаки ощутимых сдвигов в этой важной для страны отрасли сельскохозяйственного производства.

Но увидеть пришлось иную, совсем неожиданную картину...

Однажды руководитель местного филиала крупной французской торговой компании «Пейриссак», отделения, магазины и склады которой разбросаны едва ли не во всех бывших французских владениях в Западной Африке, пригласил меня совершить авиаэкскурсию над Казамансом на спортивном самолете зигиншорского аэроклуба. Делаем круг над городом и ложимся на курс вдоль реки. Вскоре под крылом появляются бесконечные прямоугольники залитых порыжевшей водой земельных участков с крупными белесыми пятнами — очевидными признаками засоления, которое здесь ввиду близости океана является одним из злейших врагов земледелия. Поля эти, насколько можно судить, заброшены давно и основательно.

Пилот поясняет, что это — рисовые поля, покинутые крестьянами после того, как китайцы научили их собирать не один, а несколько урожаев в год. Явно оседлав любимого конька и позабыв об управлении самолетом, он честил диола на чем свет стоит. Смысл его пламенной речи состоял в том, что крестьяне диола не способны понять собственную выгоду. Получив в свои руки метод, позволяющий вчетверо увеличить сбор риса и, следовательно, с выгодой продавать излишки, они вместо этого забросили добрую половину своих наделов и обрабатывают лишь те, которые необходимы для собственного пропитания. По твердому убеждению моих спутников в этом полете, которое вполне разделяли и прочие завсегдатаи аэроклуба, главной причиной такого отношения местного крестьянства к новшествам являются его косность, приверженность к патриархальным традициям и привычным формам натурального хозяйства.

Разговоры и бесчисленные анекдоты о «лености» и «тупости» африканцев, их «органической невосприимчивости» к любому прогрессу за время работы в Африке приходилось слышать не раз. Это, можно сказать, излюбленная салонная тема западных бизнесменов и специалистов по линии «технической помощи», когда они собира-

ются в своем кругу. Так что вполне можно было пропустить мимо ушей услышанное в Зигиншоре, но... Стояла перед глазами угнетающая картина запустения на рисовых чеках, объяснения которой я не находил.

В тот же вечер я поделился своими сомнениями с де Сан-Сеном. Старик даже не дал мне договорить:

— Поменьше слушайте моих разлюбленных соотечественников. Они, хотя и лезут в наставники к африканцам, в действительности ничего не смыслят в их делах, да и не хотят в них вникать. Сколько среди них таких, кто только и ждет окончания срока контракта, чтобы вернуться с кругленькой суммой домой, обзавестись виллой и рассказывать вечерами соседям байки о «дикой» Африке. Многие из них не хотят избавляться от привычных колонизаторских шор. Но ведь вы-то придерживаетесь иных взглядов, а встали в тупик.

Я поспешил заверить «колючего» хозяина в том, что совсем не разделяю расистской по своей сути оценки природных способностей африканцев, и обратился к нему с этим вопросом именно потому, что факт, с которым пришлось столкнуться, требует серьезного объяснения.

И де Сан-Сен рассказал, почему в Казамансе оказались заброшенными сотни гектаров рисовых полей. Местные крестьяне отлично поняли преимущества новой агротехники и неплохо ее освоили. Но новые методы выращивания риса — это и более дорогие высокоурожайные семена, и более жесткие требования к соблюдению сроков и качеству полевых работ. Для успешного применения в широких масштабах новой агротехники недостаточно просто обучить крестьян, им необходима существенная материальная помощь для приобретения семенного фонда, инвентаря и машин для обработки почвы на современном уровне. Но такую помощь крестьяне диола не получили.

— Что же им оставалось делать? — продолжал он. — Одно из двух: либо продолжать дело по старинке, либо применить новый метод, но только на наиболее удобных и подходящих для этого участках, которые крестьянин в состоянии обработать своими силами. Многие рисоводы избрали именно этот, второй путь, забросив часть засевавшихся ранее полей. Зато с оставшихся они получают в два, а иногда и в три раза больше зерна, чем прежде. И если товарное производство риса в провинции не растет, то в этом надо винить не крестьян, а тех, кто планировал и осуществлял эту операцию, не позаботившись о

материальных средствах. А может быть, — помолчав, сказал де Сан-Сен, — и разворовали их, эти средства. Здесь такое — не редкость.

— Я живу здесь почти 40 лет, — говорил он, — и все эти годы внимательно присматривался к жизни диола, их образу мышления и обычаям. Должен вам сказать, что это народ, обладающий врожденным чувством здравого смысла и не менее восприимчивый ко всему новому, чем мы с вами. Впрочем, эти черты присущи в большей или меньшей степени всем африканцам, где бы они ни жили.

В тоне, каким были сказаны эти слова, звучала глубокая убежденность человека, который отдал многие и, вероятно, самые лучшие и насыщенные годы своей жизни Африке. Об этой жизни я и задумываюсь частенько, получив известие о смерти графа Жака де Сан-Сена и глядя на висящую в моей московской квартире ритуальную маску сенуфо — его последний подарок.

Один из знакомых, которому я поведал как-то историю этого необыкновенного человека, высказался о нем коротко: чудак! Что же, может быть, так оно и есть. Но тогда и Алена Бомбара, Тура Хейердала, Дмитрия Шпаро с товарищами и многих других нужно тоже причислить к чудакам. Зачем, спрашивается, пускаться в плавание на сомнительных папирусных конструкциях, зачем питаться планктоном, зачем преодолевать ледяные торосы и полыньи, добираясь пешком до полюса, когда можно с комфортом плыть на пассажирском лайнере с его изысканной кухней и за несколько часов добраться до полюса в теплой кабине самолета? Действительно, зачем?! Только ведь, наверное, на таких чудаках и держится наш беспокойный мир с его поражающими воображение наукой, техникой, искусством...

История с модернизацией рисоводства в Казамансе пришла на память, когда, вернувшись в Москву, я прочитал книгу советского африканиста В. Б. Иорданского «Африканскими дорогами». В ней автор рассказывает об аналогичном эксперименте, осуществленном французским агрономом Ж. Гийаром в глухом уголке Северного Камеруна, населенном племенем тупури.

Как у многих других африканских народов, включая и диола Казаманса, аграрное общество тупури не стимулирует улучшение производства. Единственным источником существования для тупури, как и для большинства диола, служит земледелие, а «набор» орудий труда ис-

черпывается двумя типами мотыг, ножом-секачом и плеткой для переноски зерна с поля. К диола Казаманса можно полностью отнести слова Ж. Гийара, который писал: «При столь несовершенных средствах производства крестьяне тупури благодаря глубокому знанию своего края сумели создать сельское хозяйство, позволяющее им выжить, но не противостоять демографическому росту и не эволюционировать».

Задавшись благородной целью поднять уровень сельскохозяйственного производства у тупури путем внедрения плуга, тяглого скота и различного инвентаря, Ж. Гийар уже знал о провале подобной попытки, принятой колониальными властями еще в 1938 году. В отличие от предшественников из колониальной администрации он основательно изучил образ жизни, психологию тупури и не ограничился демонстрацией преимуществ новых агротехнических приемов и обучением крестьян. Хорошо понимая, что крестьянским семьям не по силам самостоятельно приобрести быков, плуги и другие орудия труда, он разработал и внедрил основанную на понятных и близких традициям тупури систему кооперации, которая благодаря этому оказалась эффективной. Иными словами, Ж. Гийар сделал как раз то, чего не было сделано в Казамансе.

В. Б. Иорданский высоко оценил опыт французского агронома, считая, что он доказывает живейшую тягу африканского крестьянства к новым идеям и наличие у него готовности ухватиться за первую же возможность в целях улучшения условий своей жизни и труда.

К В. Б. Иорданскому и французскому этнографу-любителю Жаку де Сан-Сену присоединяется неожиданный союзник в лице бывшего проректора католического университета Лованиум в Киншасе монсеньора Мартина Баколе. «Главное состоит в том, что африканец открыт (новому.— Б. Ш.), что он хочет учиться и намного быстрее приспособливается к новым проблемам, как европеец».

С такими авторитетными мнениями трудно не согласиться. Но... червь сомнений все же продолжает точить душу: так ли все просто и ясно с проблемой нового и старого в Африке? И питают эти сомнения не только собственные наблюдения и впечатления, но и высказывания людей, чьи научная добросовестность и преданность высоким идеалам общественного прогресса на Африканском континенте не требуют доказательств.

«Африканское традиционное общество оставалось

если не замкнутым, то, во всяком случае, в большой степени самодовлеющим и консервативным», — писал в своей фундаментальной «Истории Черной Африки» упоминавшийся ранее вольтиец Жозеф Ки-Зербо.

Почти в тех же выражениях характеризует это общество английский африканист Бэзил Дэвидсон, автор ряда исторических работ и публицистических репортажей из партизанских отрядов ПАИГК в Гвинее-Бисау. «Во многих отношениях это был замкнутый мир, мир архаичных понятий и верований — одним словом, крестьянский мир», — читаем мы в его книге «Африканцы», вышедшей в переводе на русский язык.

Более определенно высказался по этому поводу бенинский правовед Кристиан Виейра: «Любое движение, которое могло бы повести к прогрессу, но при этом нарушить привычную жизнь коллектива, рассматривалось как нежелательное и вызывало зачастую подлинный страх».

Так где же истина, и каков он на самом деле, этот окутанный легендами африканский мир?

АФРИКА НЕ ПЕРЕСТАЕТ УДИВЛЯТЬ

Так утверждали еще древние римляне. Поистине диву даешься тому, насколько прозорливыми они оказались и как далеко смотрели вперед. Ведь и сегодня, столько веков спустя, этот афоризм звучит вполне современно.

Да, Африка не перестает удивлять и тех, кто знаком с ней только по газетам или телевизионным репортажам, и тех, для кого изучение ее проблем стало профессией. Удивительны сами по себе стремительные темпы исторического прорыва этого континента из колониального рабства в день не только нынешний, но даже грядущий. Сегодня это грядущее олицетворяют страны социалистической ориентации.

Удивительно богата неожиданными и крутыми, зачастую драматическими поворотами борьба нового со старым, которая охватила буквально все сферы жизни африканского общества. Новое рождается здесь в острых муках, в конвульсиях военных переворотов и конфликтов, этнических междоусобиц и взрывов народного недовольства. Такова цена, которую приходится платить за предельно напряженные темпы социальных изменений.

В этих условиях вопрос о том, что же представляет собой в действительности африканское общество, каковы его характерные черты и как соотносится в нем консерватизм с жадной обновления, приобрел особую актуальность и стал объектом острой идеологической борьбы. В последние десятилетия в нее активно включились также африканские исследователи.

Стремление «вычлени́ть» африканское общество, чтобы анализировать его как бы в «чистом виде», отразилось в пристальном интересе современной африканской историографии к социально-экономическим и политическим структурам доколониальной Африки. Большое внимание историков привлекает и проблема воздействия колониализма на африканские традиционные общества и их трансформации в результате контактов с миром того «белого человека», который явился на континент во всеоружии библии, меча и кошелька.

За всем этим кроется не просто желание африканской исторической науки сказать свое слово в далеко не оконченном споре об оценке колониального периода истории Африки. Интерес к этим проблемам нацелен на будущее, ибо речь идет о реальных возможностях и перспективах развития африканских стран в современных условиях.

Опыт первых лет независимости настоятельно диктовал им необходимость осуществить глубокие структурные преобразования в экономической, социальной, политической и духовной областях. Но какими должны быть эти преобразования, какую роль в них призваны сыграть историческое и культурное наследие африканского общества, а также ценности, созданные африканской цивилизацией? Должны ли они исчезнуть, уступив место техническим новшествам «европейского мира» и свойственным ему общественным отношениям, либо могут и должны быть использованы для продвижения по своему особому пути? Или, может быть, истина лежит посередине?

Такие вопросы ставят африканские историки и философы, социологи и экономисты. И ответы ищут на них, в частности, в изучении традиционного общества. «Есть одна проблема, которую следует изучать: проблема соотношения Африки древней и Африки молодой», — призывал еще в 1956 году нигерский историк Бубу Хама.

Повышенный интерес к доколониальному прошлому и традиционному обществу связан с процессом духовной деколонизации, охватившим всю Африку. Ведь один из истоков этого интереса лежит в стремлении африканской

интеллигенции преодолеть «комплекс неполноценности», столь ревностно насаждавшийся колонизаторами на протяжении многих десятилетий. Естественной реакцией на оскорбительное пренебрежение к национальной культуре, традициям и обычаям африканских народов в колониальное время стала склонность многих представителей интеллигенции к идеализации культурно-исторических традиций. Без учета этого важного обстоятельства, влияющего на формирование современной общественной мысли в Африке, трудно понять и стремление к их возрождению в той или иной форме. В объятия прошлого с его привычными моральными ценностями толкает многих африканцев и стремительность происходящих в их жизни перемен. Сознание зачастую не успевает «переварить» быструю смену обстановки и вынуждает человека стихийно цепляться за прошлое как идеал устойчивости и порядка.

Видимо, этим и объясняется характерное для поборников традиционной старины отождествление «старого» с местными традициями и обычаями, с вековым укладом жизни и образом мыслей прежде всего сельского населения, а «нового» — с европейским влиянием в любых его формах и проявлениях, включая колонизацию. При такой трактовке понятий «старое» и «новое» вопрос о выборе между тем и другим смещается совсем в иную плоскость, и выбор предлагается делать уже между «своим» и «чужим». А раз «чужое» для большинства африканцев прочно ассоциируется с различными атрибутами колониализма, то и выбора, по существу, не остается. Но жизнь все-таки берет свое, и подобная упрощенная «заданность» понятий находит все меньше сторонников в рядах африканской интеллигенции.

В обширной литературе об Африке и образе жизни ее народов едва ли не чаще всего встречается слово «гармония». Мне, правда, ни разу не привелось встретить его применительно к африканскому городу. Но вот в деревне, жизнь которой еще регламентируется традициями и обычаями, гармонию обнаруживают множество авторов. Одни видят ее в отношениях, сложившихся здесь между человеком и природой. Другие — в архитектуре жилищ и планировке деревень, как бы сливающихся с окружающей средой. Третьи, наконец, — в социальных отношениях и структуре самой сельской общины с ее жесткой системой этических норм, которые, как канва, определяют и поведение человека, и его место в коллективе.

Пожалуй, в наиболее емком виде аргументация поборников консервации традиционных социальных отношений и возврата к «золотому веку» доколониального прошлого сформулирована в одной из статей тоголезского социолога Нсугана Агблеманьона.

«Впечатление покоя, исходящее от африканской деревни, — пишет он, — вызывается не обязательно тем, что ее обитатели живут в мире и согласии, а прежде всего непостижимой гармонией... Это стремление к гармонии или, скорее, применение принципа равновесия мы обнаруживаем и в социальных структурах. В африканских обществах слабый и сильный, бедный и богатый, мужчина и женщина никогда не доходят до крайности в своих противоречиях; они дополняют друг друга и обращают противоречия в сотрудничество и взаимодействие. Если младший обязан повиноваться старшему, то старший должен, в свою очередь, покровительствовать и помогать младшему. В этой системе всеобщей взаимности у каждого есть свое место». Упомянутый здесь «принцип равновесия» тоголезский социолог считает «основополагающим принципом африканского общества».

Нсуган Агблеманьон отмечает, что деревенский уклад жизни накладывает глубокий отпечаток на каждого африканца: «Здесь, в деревне, все дышит миром и счастьем, и ностальгия по деревенской жизни остается в душе навсегда».

Что ж, жизнь африканской деревни на первый взгляд действительно безмятежна и размеренна до такой степени, что кажется, будто ничто не может нарушить ее плавное, раз и навсегда заданное течение. Просыпается деревня рано, едва лишь первые лучи солнца высветят горизонт. Женщины наводят порядок в доме, запасаются водой, стряпают, а мужчины готовят нехитрый инвентарь для выхода в поле. Выходить из жилища нужно не мешкая, по утренней прохладе, потому что дальние поля отстоят от деревни частенько на несколько километров. И тянутся по тропинкам, разбегающимся во все стороны, семейные цепочки: впереди мужчины с мотыгами, за ними женщины и дети с запасами воды и пищи на весь день. Несут они их в калебасах и узлах на голове.

В опустевшей деревне в дневную пору остаются лишь немощные старики и малые дети. Дома здесь не запирают, да и дверей нет в общепринятом понимании у большинства африканских хижин. Воров здесь, действительно, не боятся. Зато опасаются злобы и зависти, которые

могут внести смуту в жизнь общины. Страшится крестьяне, как справедливо заметил В. Б. Иорданский, «дурного слова, которое может занести чужак; он и не заметит, как обидит человека, а рана останется, зарубцуются не скоро».

Сколько раз, натываясь в африканской деревне на нехитрый скарб, оставленный без присмотра во дворах, приходилось задумываться о моральных «издержках» цивилизации. Освоив в совершенстве систему запоров, мы обиваем двери своих квартир звуконепроницаемым войлоком, врезаем в них хитроумные замки, устанавливаем систему сигнализации и т. п. Но не оказались ли мы, несмотря на все это, более беззащитными перед злобой и завистью, перед дурным словом, чем неграмотный и суеверный африканский крестьянин?

После захода солнца, когда усталые труженики, вернувшись домой, успевают умыться и поесть, наступает время отдыха и развлечений. Старшие степенно беседуют, молодежь затевает при свете луны танцы вокруг непременного костра, а малышня тесной стайкой собирается вокруг сказителя и, затаив дыхание, слушает его нескончаемые повествования о подвигах предков, добрых и могущественных богах — покровителях племени и злых кознях ведьм и колдунов. Эти повествования — не просто сказки, в них передается детям по крупицам жизненный опыт поколений, формируется их мироощущение. Такие предания играют важную роль в моральном, социальном и гражданском воспитании любого африканца, выросшего в деревне. Придет время, и окружающий мир приобретет в глазах ребенка черты стройности и завершенности, станет близким и понятным, будет таким миром, где и предкам, и старшим, и ему самому, и даже птице или зверю — всему отведено определенное место.

Придет время, и юношу поведут на волнующий и торжественный обряд инициации — посвящение. Совершается эта церемония в глубокой тайне, без посторонних, ради того, чтобы уберечь посвящаемых от любого сглаза и ничем не нарушить полноту их «очищения». Каждое племя ревниво оберегает тайну своих обрядов инициации, что помогает сохранить их значимость в глазах всех соплеменников, устойчивость сельской общины, ибо посвящение — это своего рода приведение молодежи к присяге на верность законам и обычаям предков, на которых зиждется жизнь племени. Пройдя обряд инициации, молодой человек становится полноправным членом общины,

интересам которой отныне должна быть подчинена вся его жизнь.

Африканская деревня, действительно, очень гармонично вписывается в окружающий пейзаж. Проехав множество таких деревень, спрятавшихся в густых зарослях тропического леса, невольно задаешь себе вопрос, а где живут боги?

Африканские традиционные боги живут не в заоблачной выси, а среди своей паствы на бренной земле. Они трудятся в поте лица, неизменно участвуя в повседневных заботах людей. Поэтому отводимые им «жилища» отличаются простотой и, по меткому замечанию бенинского архитектора Макса Фаладе, «не бросают вызов» окружающему ландшафту, как устремленные в небо христианские храмы или мусульманские мечети, а «гармонично сочетаются» с ним.

Культовые постройки в Африке удивительно функциональны, ибо подчинены единственной основной цели: служить местом сбора людей для совершения религиозных обрядов. Прославлять богов и утверждать их величие сооружением храмов, поражающих воображение своими архитектурными формами, вычурной отделкой и роскошью внутреннего убранства, африканцам нет нужды. По их убеждению, человек и без того живет в неразрывном духовном единстве с божеством. Так что и в отношениях с богами здесь полная гармония.

Эта идиллия размеренного течения деревенской жизни покоится на прочном фундаменте традиционной социальной структуры с ее жесткой системой разделения труда между мужчиной и женщиной, возрастных классов, семейной и племенной иерархии, с раз и навсегда освященными обычаям порядком вступления в брак и правом наследования имущества. Из поколения в поколение эта структура воспроизводит сама себя, почти не оставляя места для движения вперед.

Вот тут-то, в этой структуре, составляющей сердцевину традиционного общества, идиллия и нарушается. Под внешним покровом гармонии и покоя порой тлеют, а кое-где и разгораются жарким пламенем конфликты, тем более острые, что традиционная социальная структура вопреки утверждениям Нсугана Агблеманьона не предоставляет практически никакой возможности их разрешения. Основу и характер противоречий, вызревающих в недрах традиционного общества, убедительно показал еще К. Маркс.

«Мы все же не должны забывать,— писал он,— что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы... Мы не должны забывать,— продолжал К. Маркс,— что эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам вместо того, чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств».

Там, где поборники африканской старины усматривают умилительное «единение» человека с природой, К. Маркс видел его унижительную зависимость от «неизменного, predeterminedного природой рока» и «грубый культ природы», который находит свое выражение в благоговейном поклонении обезьяне или корове.

Многие африканцы, и не только марксисты, разделяют эту оценку К. Маркса применительно к традиционной африканской общине. «Традиционные общества,— писал Ж. Ки-Зербо,— это общества тоталитарные, тоталитарные, разумеется, не в гитлеровском смысле слова, а в том смысле, что иерархия власти являлась точным отражением иерархии возрастной, и с этой точки зрения можно сказать, что старейшие управляют даже после своей смерти: ведь совета спрашивают прежде всего у предков».

Мнение профессора Ки-Зербо разделяют и другие африканские исследователи, подчеркивая, что африканское общество опутывает всех и каждого множеством нитей, а «гомо африкануса» постоянно держат на цепи его семья и среда. Поле самостоятельной деятельности для него тем уже, чем консервативнее эта среда.

Среди африканских исследователей растет понимание того, что миф о гармонии внутри традиционной сельской общины — это попытка обосновать особый, бесклассовый путь развития африканского общества. Они противопоставляют ему свой анализ социальных отношений в общине, обнаруживая там борьбу рабов против хозяев, «низших» каст против «высших», молодых против стариков, мусульман против анимистов. И даже считают все это составными элементами «борьбы классов» в Африке доколониальной эпохи.

Возможно, такое толкование понятия «классовая борьба» и несет на себе печать полемической заостренности, будучи чрезмерно широким. Но нам важнее сейчас подтверждение самими африканскими социологами глубоких противоречий и борьбы в недрах традиционного общества, основную ячейку которого и составляет сельская община.

Здесь самое время упомянуть и о другом важном обстоятельстве, характеризующем жизнь не только африканской деревни, но и современного города. Ведь даже та внешняя гармония, на которой настаивают «традиционалисты», если и существует, то лишь в рамках сравнительно узких и обособленных групп людей: семьи, деревенской общины, реже — племени. За пределами такой группы в отношениях между ними господствуют отчужденность, настороженность и даже вражда. Многочисленные этнические междоусобицы, раздирающие Африку, яркое тому подтверждение.

Африканский мир, особенно сельский, это на редкость замкнутый мир. Люди рождаются, живут и умирают, не переступив зачастую ни разу границ своего округа. Но не только географические и этнические барьеры делят африканцев на обособленные коллективы. Каждый из них в какой-либо области противопоставляет себя другому. Возрастные классы, касты, тайные общества — все они представляют собой своеобразные микрокосмы, связанные узами внутренней солидарности, но противостоящие другим микрокосмам. Само существование такой замкнутой солидарности означает, что каждая группа отделяет себя от ей подобных, на которых эта солидарность не распространяется. Эта особенность африканской жизни не раз поражала великого гуманиста А. Швейцера. В книге «Письма из Ламбарене» он с горечью писал о непостижимых для него случаях отказа африканцев оказать ничтожную услугу или помощь страждущему, если он принадлежит к «чужому» роду-племени.

Да, что ни говори, «равновесие» африканской деревни — это равновесие нищеты, и покоится оно, по выражению К. Маркса, на «неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека». Хотим мы того или нет, но сохранение подобного «равновесия» и «гармонии» традиционных общественных отношений — это сохранение существующего уровня бедности и примитивных потребностей человека. Вопрос может стоять только так, ибо вырваться из порочного круга нищеты и отсталости не-

возможно, не нарушив «равновесия» и «гармонии» патриархальщины.

Это, конечно, не означает, что африканские традиции не заслуживают бережного отношения. Нельзя игнорировать тот факт, что в этих традициях заключено наследие, накопленное народами Африки на протяжении тысячелетий. В них, как и в традициях любого другого народа, отражено немало подлинных ценностей из богатого духовного мира африканцев и их самобытной культуры.

Речь идет, разумеется, о другом. О том, что пудовые гири висят на ногах африканских народов и мешают продвижению вперед по пути экономического и социального прогресса. Но в чем же состоят конкретно эти помехи?

Ответить на этот вопрос труднее, чем может показаться на первый взгляд.

ПУДОВЫЕ ГИРИ ПРОШЛОГО

В 1962 году, когда страны Тропической Африки только вступали на сложный и неизведанный путь независимого развития, в городе Буаке (Берег Слоновой Кости) собрались представители научных центров и учебных заведений, высокопоставленные служащие администрации, ученые, журналисты и технические специалисты девяти африканских стран, а также Франции, США и Бразилии. На повестке дня этой встречи стоял один вопрос: какую роль играют в жизни африканского общества традиции и обычаи, насколько совместимы они с требованиями прогресса, и в частности технико-экономической модернизации. Финансировали это мероприятие французское министерство по делам сотрудничества и один из американских «частных фондов».

Организаторов симпозиума в Буаке меньше всего интересовала научно-теоретическая сторона проблемы, а тем более — забота об ускорении общественного прогресса в Африке. Им важно было нащупать практические пути и выработать рекомендации для деятельности государственно-монополистического капитала на континенте в новых условиях. Но вопреки замыслам организаторов дискуссия в Буаке пошла в ином направлении.

Она вылилась прежде всего в решительное осуждение капитализма как системы, обрекающей человека на безысходную эксплуатацию и угнетение, на моральное и

физическое оскудение. Почти единодушно африканские участники симпозиума отвергли такой «прогресс» для своих народов, и многие из них противопоставляли порочкам и язвам капитализма традиционные духовные ценности Африки и прославляли уже знакомую нам «гармонию» общественных отношений, закрепленную в социальных структурах доколониальных обществ.

Но наиболее аргументированно и веско прозвучали выступления тех, кто уже тогда, движимый искренней заботой о благе своих соотечественников, сумел встать выше искусственного противопоставления «своего» и «чужого».

«С тех пор, как сознательные африканцы ведут самоотверженную борьбу за то, чтобы стереть ужасные „скобки“ колониализма,— говорил в Буаке Ж. Ки-Зербо,— и с того момента, как многочисленные африканские знамена трепетно развеваются на бодрящем ветру свободы, элита этих самых африканцев с тревогой замечает, что борьба только начинается. Почему?» — спрашивал он. И отвечал вполне определенно: потому, что в жизненно важном деле возрождения африканской культуры и раскрепощения африканской личности от всех и всяких оков, в деле, которое «касается всех аспектов развития и прогресса Черной Африки... главное еще предстоит совершить». Для того же, чтобы эта гигантская по размаху и значимости работа увенчалась успехом, необходим объективный анализ реальной действительности, без «шарахания» в крайности западного «модернизма» или национальной ограниченности «традиционализма».

Со времени симпозиума в Буаке минуло более двух десятилетий, а развернувшиеся там жаркие споры по поводу роли и места традиций в жизни современной Африки не утихают по сей день. Это лишний раз показывает, насколько трудно здесь отделить зерно от плевел, разглядеть в традиционных формах общественной жизни ростки нового и помочь им набрать силу. Тем более — и в этом нельзя не согласиться с малийским историком Амаду Ба — что далеко не все новое и современное «является безусловным прогрессом по отношению к обычаям, которые дошли до нас, передаваясь из поколения в поколение».

И все же стремление дать трезвую оценку собственному прошлому, продолжающему жить в традициях и обычаях, пробивает себе дорогу в Африке, и прежде всего ли передовой части ее интеллигенции.

Одну из основных внутренних причин консерватизма традиционных африканских обществ многие африканцы справедливо усматривают в отсутствии письменности у подавляющего большинства народов Тропической Африки.

Это обстоятельство и сегодня продолжает служить серьезной помехой социально-экономическому прогрессу. В бесписьменных обществах весь опыт предшествующих поколений передается молодежи в форме устных преданий, мифов или сказок. С одной стороны, это предопределяет господствующее положение «хранителей» накопленного опыта — старейшин, а с другой — способы предупреждения и разрешения возможных конфликтов. Они заключаются в том, чтобы любую новую ситуацию свести к уже известному, прожитому. И африканец от рождения до смерти связан по рукам и ногам густой сетью различных запретов и правил. Нигерийский историк С. Биобаку в связи с этим писал, что «врожденный консерватизм африканца проистекает из необходимости сознательно сохранять прошлое в настоящем». Уместно вспомнить и В. О. Ключевского, который считал, что «помнить прошлое и знать историю — не одно и то же. Помнить прошлое — значит знать, что было, и по бывшему гадать, не повторится ли и впредь нечто подобное. Знать историю — значит понимать, почему так было и к чему неизбежно поведет будущее».

В отсутствии письменности заключается и уязвимость африканских культур, ибо без этого прочного фундамента они легко подвержены, по выражению Ж. Ки-Зербо, «любому шквалу истории». Подтверждение тому — пагубные последствия колонизации для культуры Африки.

Одну из важных причин застоя и отсталости на континенте многие ученые Африки видят в раздробленности африканских народов — и этнической, и культурной — на мелкие и замкнутые группы. «Достаточно, — говорил Ж. Ки-Зербо, — взглянуть на этническую карту Черной Африки, чтобы обнаружить эту „человеческую пыль“ культурных и этнических групп, различия между которыми заключаются вовсе не в нюансах, а, наоборот, предстают как очень глубокие».

Отстаивая эту точку зрения, вольтийский историк, его малийский коллега Амаду Ба и их многочисленные единомышленники решительно выступают против попыток ряда африканских идеологов утвердить тезис о некой «культурно-исторической общности» народов Африки как

основы их самобытности, неповторимости путей исторического развития континента.

Много говорится в Африке и о таких чертах традиционных африканских обществ, которые тот же Ж. Ки-Зербо обобщенно определил как «антиэкономический» образ мышления и поведения африканца. Сам термин указывает, что эти черты и в совокупности, и порознь квалифицируются как тормоз на пути прогресса. В чем же он выражается, этот «антиэкономический» образ мышления?

В литературе об Африке, будь то работы самих африканцев или зарубежных авторов, включая и советских, сказано немало добрых слов о «гриотах» — касте профессиональных сказителей, которые занимали одну из высших ступеней в социальной иерархии традиционного общества, да и сегодня еще окружены почетом и уважением. Это своего рода «летописцы», призванные фиксировать и передавать в устных преданиях важнейшие события в жизни своего племени, воспевать выдающиеся деяния и мудрость его правителей. Роль «гриотов» в бесписьменных обществах на самом деле велика и неоспоримо имеет социальную значимость: без них многое оказалось бы непоправимо утраченным в истории народов Африки, не говоря уже о передаче по крупицам жизненного опыта из поколения в поколение. Но это лишь одна сторона дела. На другую обращают внимание пока еще не так часто.

«Черная Африка,— говорил Ж. Ки-Зербо,— это одно из тех редких мест, где еще есть люди, чья профессия состоит в прославлении других людей. Не работая, они кормятся вполне прилично. Я имею в виду „гриотов“, живущих припеваючи».

Вольтийского историка беспокоит, конечно, не сумма материальных благ, которую потребляют «гриоты», не участвуя в производительном труде. Его обращение к этому примеру обоснованно, поскольку он служит иллюстрацией системы ценностей африканского общества, в котором имеются многочисленные лазейки для паразитического существования.

Кстати, если уж речь зашла о «гриотах», заметим, что их социальная роль в наши дни существенно меняется. Ее позитивная «составляющая» благодаря развитию школьного образования и распространению грамотности постепенно слабеет и уходит в прошлое. А вот негативная сторона, наоборот, возрастает. «Гриоты», упорно стремясь сохранить свое положение и привилегии, вольно

или невольно препятствуют распространению объективных знаний об окружающем мире, мешают утверждению авторитета современных источников информации, а порой искажают смысл и содержание этой информации своими ветхозаветными толкованиями.

Все чаще суровую и справедливую оценку общественности получает «африканская солидарность» как одно из проявлений «антиэкономического» уклада жизни коренного населения. Правда, многие воздают ей должное — ведь никакая ЭВМ не в состоянии подсчитать, сколько безработных и бездомных африканцев избегают голодной смерти благодаря традиционной взаимопомощи и поддержке родичей и земляков. В то же время эта солидарность предстает как первооснова «семейного паразитизма» с такими его вредными последствиями, как истощение источников накопления и инвестиций, эксцессы кумовства и пренебрежение к труду.

Ранее уже говорилось о том, насколько узкими и замкнутыми рамками ограничивается «африканская солидарность». Но она существует, и порой трудно решить, чего больше — пользы или вреда она приносит и «дающим», «и берущим».

В Дакаре, например, у живущих там европейцев преобладает убеждение, что при найме на работу предпочтение следует отдавать гвинейцам, а не сенегальцам. Может быть, гвинейцы более трудолюбивы и старательны, более толковы и исполнительны, чем сенегальцы? Совсем нет. Ларчик открывается просто. Гвинеец, всеми правдами, а чаще — неправдами добравшийся до сенегальской столицы, приезжает с единственной целью — заработать определенную сумму денег, чтобы, вернувшись на родину, материально помочь родственникам, жениться или открыть какое-нибудь «дело» и выбиться в люди. И он старается в поте лица возможно скорее осуществить эту цель. Главное же состоит в том, что многочисленная родня и соплеменники такого гвинейца, оставшись дома, не посягают на его доходы. Иными словами, гвинец может делать сбережения.

Сенегалец, конечно, тоже заинтересован в зарботке. Но он находится в окружении родственников и земляков, многих из которых в глаза никогда не видел. Однако по законам «африканской солидарности» обязан делиться с ними всем, что имеет. Садясь за семейный стол, он должен разделить трапезу с любым количеством незваных гостей, привлеченных запахом «кус-куса» — традиционно-

то блюда из риса и рыбы, а по праздникам — мяса, приправленного овощным соусом. Заработав какую-то сумму, он обязан часть ее одолжить соплеменнику, если тот обратился к нему с такой просьбой. Возвращать же долги здесь не принято. В итоге сколько бы ни заработал опутанный узами традиционной «солидарности» сенегалец, он, в конце концов, обнаруживает, что так и остался «гол, как сокол».

Нужно ли говорить, что при таких «общественных отношениях» человек утрачивает материальные стимулы к труду, его качеству и содержанию, перестает стремиться к повышению квалификации и профессионального престижа.

Я знал многих дакарцев, которые годами нигде не работали и не утруждали себя поисками постоянного заработка. Они жили за счет подачек, именуемых здесь «солидарностью».

Дело доходит до курьезов. Однажды шофер-сенегалец попросил у нас аванс в счет зарплаты для приобретения радиоприемника. Купив его, он был несказанно рад и первое время даже на работу приходил с приемником. Через месяц-другой он снова обратился с той же просьбой. Нас это удивило:

— Куда же девался тот, что был куплен ранее?

— У меня его забрали... Приезжал брат из Сан-Луи, когда мы с вами были в отъезде. Приемник ему понравился, и он его взял себе.

— Ну, а если бы дома ты был сам, а не только жена, то приемник, наверное, не отдал бы?

— Что вы, как можно! Он ведь старший в семье и раз сказал возмю, то возражать нельзя. Иначе вся родня от меня отвернется, как тогда жить?!

Вот такая характерная история. И, вспоминая ее, думаешь, что тысячу раз правы те африканцы, которые видят в паразитизме оборотную сторону медали — «солидарность»; более того, они полагают, что сегодня эта оборотная сторона становится лицевой. А раз так, то и отношение к «медали» в целом должно меняться: от умиления ее блеском пора переходить к трезвой оценке.

К проявлениям «антиэкономического» образа мышления, унаследованного от патриархальной старины, относится и своеобразная «африканская» концепция времени. Так, если вам назначили встречу на какое-то время, то смело прибавляйте к нему час-другой. И хорошо, если

эта встреча состоится вообще, а не будет отложена в последний момент на неопределенное «потом». Издержки — и морально-психологические, и экономические — такого расточительного отношения к своему и чужому времени не поддаются учету.

Воспитанному на традициях африканцу несвойственно представление о производстве как о едином и непрерывном процессе, т. е., выражаясь привычным экономическим языком, воспроизводстве. Оно, по представлениям африканца, как бы распадается на отдельные, органически не связанные между собой циклы или этапы. Что это означает на практике, нам помогло понять знакомство и длительное «деловое» общение с одним из дакарских «предпринимателей», краснодеревщиком Абду Диопом. Полукустарная мастерская, где он и полдюжины его помощников, в основном мальчишек-подмастерьев, занятых ремонтом и изготовлением мебели, представляет собой типичное ремесленное производство, но именно оно и характерно для большинства африканских «предпринимателей».

С Абду Диопом свел такой случай. Понадобилась мебель для Советского культурного центра, который мы готовились открыть в Дакаре. Сравнение цен на мебель во французских магазинах города с суммами, отпущенными на эти цели, было неутешительно. И тогда кто-то из друзей, старожилов сенегальской столицы, порекомендовал обратиться к местным мастерам.

Поначалу Абду Диоп заломил за мебель цену, мало отличавшуюся от французских фирм. Убеждая его уступить, мы делали упор на размеры нашего заказа (речь шла о десятках столов, книжных стеллажей, сотнях стульев) и на стабильность будущих деловых связей с ним. Ведь в дальнейшем предстояло пополнять оборудование культурного центра и ремонтировать пришедшее в негодность. Но не эти аргументы убедили собеседника умерить свои запросы: торговался он, что называется, «из любви к искусству»; в Африке дискуссия по поводу цены — это действительно искусство. В конце концов сделка состоялась. Получив аванс на приобретение необходимых материалов, Абду Диоп удалился.

Подошел срок получать заказанную мебель, а о нашем «предпринимателе» нет ни слуху ни духу. Исчез, растворился в кишашей, как муравейник, Медине — кварталах дакарской городской бедноты, где находилась его мастерская. Когда же с превеликим трудом удалось его

отыскать, то выяснилось, что к выполнению нашего заказа он еще и не приступал.

Вполне добротную по качеству мебель мы, конечно, получили, но для этого приходилось ходить за Диопом по пятам, чтобы исключить новые неожиданности. А когда подошло время для окончательного расчета, то выяснилось, что не мы должны Абду Диопу, а он нам, поскольку ранее в виде авансов он получил всю причитающуюся ему сумму и даже сверх того. Подобные истории повторялись потом еще не раз, хотя наш поставщик искренне старался не подводить столь выгодного заказчика. «Сбой» с фатальной неизбежностью происходил всякий раз в тот момент, когда Абду Диоп уносил в кармане чек или наличные, полученные в качестве аванса.

Позже я понял, в чем тут дело. Абду Диоп не пропивал наши деньги и не тратил на личные нужды. Он расходовал их на то, чтобы завершить полученный ранее заказ другого клиента. Когда же очередь доходила до нас, то денег на приобретение досок, фанеры, петель, шурупов, лака, клея и т. п. уже не было. И он терпеливо ждал следующего заказчика, чтобы на его аванс начать делать мебель для нас.

Отмеченные К. Марксом патриархальная покорность человека predetermined природой року и его слепое подчинение суеверию наиболее полно воплощаются в фатализме, типичном для африканского традиционного мира. Он тоже не способствует рациональному ведению хозяйства. Стихийные бедствия, которые часто обрушиваются на Африку, наносят особенно тяжелый урон еще и потому, что многие жители пострадавших районов пассивно ожидают «милостей от природы» вместо того, чтобы противопоставить ей активную борьбу со стихией. Впрочем, по их представлениям, они вовсе не сидят сложа руки, а обращаются за помощью к богам и духам предков, приносят щедрые жертвоприношения и... ждут результата.

Бывает, что обильные дожди, неожиданно выпавшие к концу сухого сезона, застают крестьян врасплох и они не успевают выжечь растительность на участках, предназначенных для посева зерновых. Поля остаются незасеянными. Люди съедают запасы зерна, оставленные для сева, затем начинают голодать. Последствия были бы менее тяжелыми, если бы крестьяне пытались найти выход из создавшегося положения с помощью охоты или возделывания других культур, которые можно было бы

вырастить в сложившихся условиях. Но альтернативные решения не укладываются в привычные рамки традиций, и крестьяне бездействуют с покорностью обреченных. «Этот недостаток энергии и неумение приспособиться к тяжелым условиям типичны для туземцев Экваториальной Африки и заставляют жалеть их», — с горечью отмечал А. Швейцер.

ТРАГЕДИЯ САХЕЛЯ

Многим, вероятно, памятна трагедия Сахеля, поразившая этот обширный район Африки в начале 70-х годов. Свирепствовавшая несколько лет подряд жестокая засуха нанесла тяжелейший удар по сельскохозяйственному производству, обрекла на голод миллионы людей и унесла сотни тысяч человеческих жизней.

Нельзя без содрогания читать свидетельства очевидцев, которым удалось выбраться живыми из районов бедствия. Близ нигерского города Зиндера отчаявшийся крестьянин утопил в колодце жену и двоих детей, чтобы не видеть, как они умирают голодной смертью. Бежавшая от голода из окрестностей малийского города Томбукту семья скотовода за два месяца скитаний по выжженной земле похоронила семерых детей. До лагеря беженцев добрались только отец и мать.

Нам приходилось проезжать по районам засухи, когда катастрофа еще не набрала полную силу. Но и ту страшную картину трудно забыть: насколько можно было охватить взглядом, всюду простиралась твердая, как бетон, покрытая глубокими трещинами земля, усеянная раздувшимися трупами павших животных. Даже прожорливые грифы-санитары не справлялись в те дни со своими обязанностями.

Трагедия Сахеля взбудоражила не только африканскую, но и всю мировую общественность. В пораженные засухой страны летели самолеты с грузом продовольствия и медикаментов, противоэпидемическими вакцинами и строительными материалами. Наши соотечественники — летчики и медики, гидрогеологи и ветеринары — самоотверженно трудились в самом пекле, спасая людей и животных от гибели.

Катастрофа в Сахеле остро поставила вопрос: как могло случиться такое в XX веке? В пострадавшие райо-

ны выехали многочисленные группы специалистов, направленные международными организациями для того, чтобы определить масштабы бедствия и размеры необходимой помощи. Но прежде чем рассказать об их выводах, напомним кратко, что представляет собой Сахель.

По-арабски это слово означает «берег». В данном случае — это берег необъятного океана песка — Сахары. В природном отношении Сахель — это обширная полупустынная зона, окаймляющая Сахару с юга и протянувшаяся с запада на восток на многие тысячи километров по территории нескольких африканских государств: от Сенегала до Судана. Сходные по климатическим условиям районы имеются также в Эфиопии и Сомали. Общая площадь этой зоны превышает 4 миллиона квадратных километров, т. е. больше, чем вся территория Индии. Границы ее постоянно меняются, «кочуют» в зависимости от количества выпадающих осадков. В последние 10—15 лет осадков выпадало мало, и Сахара «отхватила» у Сахеля полосу шириной до 150 километров. Это дало основание специалистам выступить с тревожным предупреждением: «Не пройдет и 50 лет, как наступление пустыни может совершенно стереть с карты Африки три или четыре страны».

«Кочует» Сахель, кочует и его коренное население — туареги, потомственные скотоводы-кочевники. В сезон дождей они гонят стада к естественным водоемам, наполняющимся в эту пору водой. Когда водоемы пересыхают, кочевники перебираются туда, где воду можно добыть из водоносных пластов, расположенных на глубине до 10 метров. Там вырыты колодцы, вокруг которых и собираются стада. В разгар сухого сезона, когда иссякает и этот источник, скот перегоняют в поймы больших, непересыхающих рек.

В непрестанной борьбе с суровой природой веками отработывалась и шлифовалась система кочевого скотоводства, осваивались маршруты перегона скота, изучались капризы рек и свойства колодцев. Веками складывалась и сложная система общественных отношений, в основе которой лежат обычаи, «право сильного», соглашения между различными племенами и кланами. Особо строгой регламентации подвергалось пользование водопоями — важнейшим источником жизни в Сахеле. Мериллом же благосостояния скотовода и его положения в среде соплеменников служило поголовье принадлежащего ему стада: туарег испокон веку стремился к его увеличе-

лию. Ведь помимо всего прочего стадо служит своего рода «страховкой» от стихийных бедствий.

Так и текла жизнь в Сахеле. Некоторые исследователи говорили, что она олицетворяет «равновесие» между человеком и природой. Но почему же рухнуло это «равновесие» в 70-е годы с такими катастрофическими последствиями?

Хрупкое равновесие местной экологической системы, отвечает на этот вопрос английский писатель и журналист Говард Брабин на страницах бюллетеня ЮНЕСКО «Природа и ресурсы», нарушили сами люди, хотя их действия и были продиктованы наилучшими намерениями. К столь неожиданному результату привело осуществление различных программ рентабельного хозяйственного освоения Сахеля и использования его ресурсов.

Попытки модернизации традиционного сельскохозяйственного производства в Сахеле предпринимались еще французской колониальной администрацией. Еще более интенсивно за ее осуществление взялись правительства независимых государств этого района. Программы модернизации проводились по нескольким направлениям. В южные, увлажненные и более пригодные для земледелия области Сахеля переселяли крестьян-фульбе, побуждая их возделывать «выгодные» культуры: арахис, хлопок, рис. Население Сахеля за счет переселенцев возрастало, а пастбищные угодья сокращались, уходя под посевы.

В районах традиционного кочевого скотоводства осуществлялась на первый взгляд наилучшая программа помощи скотоводам. Сооружались новые колодцы, расширялась сеть искусственных водопоев для скота, налаживалась ветеринарная служба, которая повела активную борьбу с болезнями и эпизоотиями животных. Одновременно коренной ломке подвергалась сложившаяся система пользования водопоями: традиционные ограничения и запреты отменялись, к государственным колодцам был открыт доступ всем желающим. Обзаводиться собственным стадом теперь мог даже вчерашний раб, который по традиции иной раз продолжал служить хозяину и ухаживать за его скотом.

Эти меры стали давать свои плоды: быстро росло поголовье скота в Сахеле, особенно крупного рогатого, наиболее капризного с точки зрения пищевого рациона, развивалось земледелие, начиная приносить первые скромные доходы на рынках земляного ореха и хлопка.

И когда обозначился этот подъем, внезапно разразилась катастрофа.

Положение усугублялось тем, что скота в Сахеле оказалось больше, чем могли прокормить его сократившиеся пастбища. Сложилась парадоксальная ситуация: вблизи водопоев, где вся растительность была съедена и вытоптана, скот погибал от голода, а вдали от них, где был корм, — от жажды. Вслед за животными, составлявшими основную и единственную материальную основу жизни, стали погибать люди. «Становится все более и более очевидным, — писал журнал „Курьер ЮНЕСКО“ в 1975 году, — что успехи отдельных аспектов политики „модернизации“, проводившейся в Сахеле, ведут к катастрофе».

Так что же, выходит, лучше было не вмешиваться в устоявшуюся жизнь Сахеля и его обитателей, а предоставить все естественному ходу вещей? Конечно, нет. Ведь нельзя забывать, что пресловутое «равновесие» здесь поддерживалось падежом скота и периодическими вспышками голода.

В традиционном календаре и в памяти туарегов Нигера сохраняются такие «зарубки», как период «изе не-ре» — «торговли детьми», когда детей обменивали на еду, или «гаази борго», когда в ступах-калебасах нечего было толочь, или, наконец, «йолло мору», что в переводе означает «поглаживать циновку», каковая заменяет туарегам скатерть: ничего другого им уже не оставалось.

«Великий голод» поражал Сахель в 1913 году, двадцать лет спустя наступил «доо изо хире» — год саранчи; а 1942 год туареги называли «ванде-ваазу»: «забудь о жене своей», ибо спастись от голода надо было прежде всего самому. Такова истинная цена «равновесия» в Сахеле.

В это «равновесие» необходимо было вмешаться и вмешаться энергично. Но, вторгаясь в область материальных условий жизни населения, нельзя оставлять без внимания не только экологические, но и социально-экономические последствия такого вторжения. Сами по себе проводившиеся здесь мероприятия были правильными. Ошибка состояла в том, что осуществлялись они на типичном для рыночной экономики «технократическом» уровне, тогда как здесь настоятельно требовался комплексный подход к решению сложных социальных и, если угодно, психологических проблем.

Программы «модернизации» Сахеля, как это стало ясно многим, но, к сожалению, с опозданием, пестрели

пробелами, которые в конечном счете свели на нет затраченные на их реализацию усилия и средства. Они, по существу, не предусматривали развитие широкой системы просвещения и образования местного населения, включая меры по расширению профессиональной ориентации скотоводов, которые могли бы открыть перед ними возможность разнообразить поле своей деятельности. В программах много говорилось о переводе кочевников на оседлый образ жизни, но крайне мало или почти ничего — о разработке соответствующих материальных и моральных стимулов, способных облегчить решение этой важной задачи. Наконец, бесконтрольное увеличение поголовья скота не сопровождалось внедрением доступной скотоводам системы товарной заготовки мяса и других продуктов животноводства, без чего немислим переход к рациональному ведению хозяйства.

«Модернизация», которая ограничивается областью материального производства и не охватывает прочие сферы жизни населения, обрекает себя на провал — таков неоспоримый вывод из трагедии Сахеля. К нему и пришли многие специалисты, обследовавшие положение в этом районе.

«То, что случилось в Сахеле, не могло не вызвать отклик в африканском и мировом общественном мнении, — писал „Курьер ЮНЕСКО“ в заключительной статье номера, посвященного этой трагедии. — Не подлежит сомнению, что засуха и ее последствия заставили задуматься некоторую часть элиты затронутых ею стран и побудили ее подвергнуть более глубокому анализу как экономические и чисто человеческие аспекты катастрофы, так и политику, проводившуюся до засухи и во время борьбы с ней. Искушение для некоторых было, конечно, велико говорить о национальной солидарности, чтобы уйти от ответственности, говорить о засухе, чтобы скрыть нищету крестьян. Но все меньше и меньше в Африке тех, кто склонен воспринимать подобные речи».

История сахельской трагедии — не единственный пример провала подобных «модернизаций», которые потерпели крушение, натолкнувшись на рифы вековых традиций и суеверия. Сахель в этом длинном ряду выделяется лишь масштабами постигшего его бедствия.

В свое время французская колониальная администрация предприняла дорогостоящие работы по ирригации плодородной поймы Нигера в районе малийского города Сегу. Это мероприятие широко рекламировалось в прес-

се как образец «отеческой заботы» о благе африканцев. На осушенные земли, отведенные под посевы хлопчатника, риса и других ценных культур, переселяли крестьян из разных мест. Для них были построены «образцово-показательные» селения, получившие название «политехнических».

Но вот незадача! Крестьяне разбежались из этих поселений. Бежали потому, что церемония их основания сопровождалась официальными речами, а не жертвенными возлияниями молока и умерщвлением белой курицы в соответствии с обычаями предков. Бежали, ибо к выходу в поле их призывали звуки военного рожка, а не привычного там-тама. Да и вся жизнь в поселениях строилась на «голой науке», без учета традиционных святынь, воплощенных в могилах предков. Когда же беглецов ловили и возвращали обратно, они приносили с собой «домашних богов». Вошедшие в кровь и плоть народные традиции требуют чуткого и бережного к себе отношения.

Сознавая необходимость бережного, вдумчивого отношения к обычаям, в которых отразился опыт предшествующих поколений, многие представители африканской интеллигенции настаивают на необходимости тщательно отбирать и сохранять в традициях африканских народов все действительно ценное и полезное для их духовного и материального развития. Собственно, такой «отбор» и происходит повседневно, но стихийно. В конечном счете этот процесс подчинен объективным потребностям общественного развития, но стихийность делает его порой мучительным и болезненным. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на «естественный отбор», придать ему более осознанный и целенаправленный характер. Эту задачу разными путями и пытаются решить многие африканские страны.

АФРИКАНСКИЙ СУББОТНИК

Еще в 1961 году, готовясь с коллегой-журналистом к поездке по странам Африки, мы записали в блокноты памятку: подготовить репортаж об «энвестисман юэн». Это выражение, означающее в переводе с французского «человеческий вклад», тогда особенно часто употреблялось в Гвинее и Мали. И действительно, приехав в Бама-

ко, мы слышали эти слова почти на каждом шагу. Об «энвестисман юэн» увлеченно рассказывали нам майские друзья, вещало местное радио и почти ежедневно писала газета «Эссор» в специальной рубрике. Суть этого движения можно сравнить с нашими субботниками. В свободное время собираются люди для добровольного и безвозмездного труда на общее благо: прокладывают дороги, сооружают мосты, строят школы и больницы, роют колодцы, возводят дамбы. Точный смысл этого движения можно было бы передать словами «трудовой вклад». В первый же день по прибытии в страну мы попросили гостеприимных хозяев показать нам, как это происходит.

Ранним воскресным утром нас повезли в Бугуни — небольшой городок километрах в 150 к югу от Бамако. Въехав на его улицы, мы решили, что произошло недоразумение и наши сопровождающие не туда нас привезли. Здесь явно готовилось народное гулянье: гремели там-тамы, повсюду были видны живописные группы празднично разодетых людей. Женщины в ярких нарядах вдруг выскакивали в круг и, скинув сандалии, выбивая пыль босыми ногами, пускались в пляс, как бы бросая вызов товаркам. И кто-нибудь его обязательно подхватывал.

Пока в скромном помещении муниципалитета нас знакомили с мэром города, секретарем партийной ячейки и руководителем молодежной организации, картина на улицах изменилась и стала еще больше напоминать подготовку к какому-то торжеству. Люди стекались на площадь перед мэрией, группы музыкантов слились в «сводный оркестр», и он теперь заглушал голоса и смех все увеличивавшейся толпы, вызывая смешанное чувство радостного и тревожного ожидания. Выйдя на площадь, наши собеседники возглавили шествие, и вся колонна двинулась на окраину городка. Лишь одна деталь отличала эту картину от привычного нам зрелища праздничных демонстраций: у большинства мужчин были в руках мотыги или широкие ножи, напоминающие кубинские мачете. После беседы в мэрии мы уже знали, что целью сегодняшнего «трудового вклада» в Бугуни будет завершение строительства школы и подготовка ее территории к новому учебному году.

На обширном и заросшем высокой травой пустыре возвышались стены длинного недостроенного здания, лежали кучи кирпича-сырца и штабеля досок. Толпа разделилась. Имеющие навыки строительного дела мужчины

направились к стройке, другие вытянулись в линию вдоль пустыря с мотыгами в руках, а женщины и музыканты собрались живописной группой немного на отлете. Грянули там-тамы, сопровождаемые визгливыми флейтами, вторя им ритмичными хлопками, завели свою песню-танец женщины, и работа закипела.

Сотни мотыг и ножей взлетали и опускались в такт музыке, врубаясь в стену травы. Рыжей тучей, сквозь которую едва пробивалось солнце, поднялась пыль, забивая глаза и горло. Казалось, в таком пекле люди не выдержат взятого темпа. Но все пронзительнее звучали флейты, нарастал ритм там-тамов, и, подчиняясь им, стремительнее мелькали в воздухе мотыги, блестели от пота тела и лица пропольщиков. Мальчуганы сновали между работающими, предлагая им кружки с холодной водой. Этот захватывающий трудовой порыв был так заразителен, что оставаться сторонними наблюдателями мы просто не могли и, подхватив у кого-то мотыги, втиснулись в общую шеренгу.

Когда к концу дня люди покидали «поле боя», на нем не оставалось ни травинки. А это значит, что никому из будущих учеников, заигравшихся на перемене, не грозит укус притаившейся в зарослях змеи. Заметно выросли и стены школы, у здания появились двери и оконные рамы. Оставалось лишь настлать полы и покрыть крышу.

Тепло попрощавшись с новыми друзьями из Бугуни, приглашавшими наперебой приехать на открытие школы, мы уезжали из этого малийского городка. А на его улицах, как и утром, царило оживление, вокруг музыкантов возникали импровизированные танцплощадки, и трудно было поверить, что это веселятся те самые люди, которые так самозабвенно трудились весь день.

Так освященные традицией навыки коллективного труда наполнялись новым содержанием, а привычные рамки солидарности и взаимовыручки раздвигались до немыслимых ранее пределов. Опираясь на обычаи и вырастая из них, «трудовые вклады» помогали людям осознать себя и свой труд как частицу более широкой, чем семья или деревня, общности. Можно без преувеличения сказать, что они закладывали основы формирования нового гражданского и национального самосознания.

Как метод использования традиций во имя прогресса «трудовые вклады» лежали как бы на поверхности, и их применение напрашивалось само собой. Потому и родились они первыми. Позднее возникли новые, более слож-

ные и глубокие формы, воплотившиеся, в частности, в танзанийских деревнях уджамаа и малагасийских фукунулунах. Эти последние представляют интерес еще и тем, что являют собой пример гибкого использования традиционной формы общинной организации в соответствии с возможностями и задачами каждого нового этапа революционного процесса.

Фукунулуна — традиционная сельская община на Мадагаскаре — сумела пережить «бурю и натиск» колониализма. Конечно, как и в других африканских странах, что-то в ней утрачено, что-то видоизменилось, но многое осталось и сохранилось до наших дней. После победы народной революции, которая смела в 1972 году реакционный проимпериалистический режим ставленника бывших колонизаторов Цирананы, фукунулуна получила как бы второе рождение. По мнению революционных сил Мадагаскара, эта понятная и доступная крестьянам форма общественной организации при правильном ее использовании могла бы ускорить ход социально-экономических преобразований в деревне. А в странах, где преобладает крестьянское население, это самый важный и сложный вопрос революции.

Поначалу, когда разоренное неоколониальной эксплуатацией и разграбленное коррупцией чиновников свергнутого режима малагасийское государство не имело сил для оказания помощи деревне, фукунулуна служила своего рода крестьянским объединением взаимопомощи. На сельские общины в эту пору были возложены организация сельскохозяйственного производства на местах и распределение готовой продукции. И они в основном справились с этой задачей, что помогло избежать дезорганизации важнейшей отрасли народного хозяйства и избавить население от угрозы голода.

Постепенно функции фукунулуна расширялись, захватывая другие сферы жизни деревни и приобретая все более зримые черты нового социального содержания. Члены фукунулуна стали сообща разрабатывать планы развития хозяйства, совместно трудиться на полях и фермах, заключали договоры о реализации полученной продукции, вели строительство школ, магазинов, ирригационных сооружений. Всеми делами фукунулуна управляли избираемые на общем собрании совет — «фукутани» и специальный комитет по финансово-экономическим вопросам — «ватуэка».

По мере укрепления революционно-демократического

режима на Мадагаскаре и роста экономических возможностей государство в возрастающих размерах оказывает разностороннюю помощь фукунулунам. В деревню направляются сельскохозяйственные машины и специалисты, закладываются основы системы снабжения крестьян товарами первой необходимости и сбыта их продукции, призванной освободить их от произвола частного капитала. Сельские общины становятся базой производственной кооперации и важнейшими очагами культурной революции в деревне. Принятая в 1975 году Хартия малагасийской социалистической революции отводит им первостепенную роль в преобразовании отживших производственных отношений на селе. Таким образом, революционно-демократические силы Мадагаскара рассматривают фукунулуны как эффективное средство не только модернизации сельского хозяйства, но и активного вовлечения крестьян в общественно-политическую жизнь страны и решение стоящих перед ней задач. В 1975 году фукунулуны объединяли 7 миллионов крестьян, т. е. подавляющее большинство населения острова.

Успех этой политики побудил малагасийское руководство положить ее в основу перестройки всей системы административного управления, включая города. Основная цель перестройки состоит в углублении процесса демократизации на острове. И действительно, опыт малагасийской революции убедительно показал, что унаследованная от бывшей метрополии административно-политическая структура лишь тормозит движение по этому пути. Многие прогрессивные решения и мероприятия революционной власти «вязнут» в недрах бюрократического аппарата, где окопалось немало противников нового курса. И решение опереться на опыт фукунулунов для осуществления одной из важных задач революции — слома старой государственной машины — показывает, что резервы, которые таит в себе эта традиционная форма общественного устройства для прогрессивного развития, на Мадагаскаре еще далеко не исчерпаны.

«ЧЕРНАЯ ПТИЦА» В ЧУЖОМ ГНЕЗДЕ

Проблема переустройства старой административно-политической структуры актуальна не только для Мадагаскара. Во многих африканских странах она обнару-

жила свою несостоятельность. Африка в короткий срок сумела побить латиноамериканский «рекорд» по числу совершаемых в единицу времени военных переворотов и контрпереворотов, пересмотров и отмен конституции, переходов от одной формы правления к другой. Одно из государств в центре Африки за два десятилетия своего существования успело побывать парламентской и президентской республиками, потом империей и затем снова стать республикой.

Одну из причин таких метаморфоз многие африканские деятели видят в несоответствии политических структур молодых государств реально существующим на континенте общественным отношениям и историческим традициям. «Надо иметь смелость сказать, что нигде в Африке нет еще политической структуры, почерпнутой из традиционного источника: все было скопировано с организации колонизатора,— говорил Амаду Ба.— В этом смысле,— продолжал он,— мы остаемся интеллектуально колонизованными, и можно сказать, что „черная птица лишь заняла гнездо, покинутое белой птицей“».

Еще в пору своего правления колонизаторы усердно потрудились, чтобы разрушить традиционные африканские политические структуры. Даже там, где они еще сохранялись и формально продолжали существовать, их начисто выхлостили. Разве не насмешкой над традиционной общественно-политической структурой племени флуп стала, например, судьба королевы Себет и ее мужа, заправщика на бензоколонке?

«Я лично знаком с одним простым приказчиком,— рассказывал Амаду Ба,— которого назначили... королем! И не как-нибудь, а декретом за подписью президента Французской республики. Подумайте,— с сарказмом говорил малийский историк,— республика назначает королей. Стоило ли убивать Людовика XVI?!».

Бывшие метрополии, действительно, оставили в Африке вполне готовое «гнездо», которое они «свили» по испытанным моделям буржуазной демократии с ее президентами и премьерами, парламентами и судебными палатами, префектурами и муниципалитетами. И конечно, с чиновниками различных рангов, обученными и воспитанными по западному образу и подобию. Одарили Африку и высшим достижением этой демократии — всеобщим избирательным правом, в котором так долго и упорно отказывали африканцам, когда они числились «туземцами» колоний.

Участники уже упоминавшегося симпозиума в Буаке отмечали, что модернизация, а точнее, «вестернизация» государственного устройства в Африке привела к парадоксальному на первый взгляд результату: она укрепила позиции традиционной знати и как бы вдохнула вторую жизнь в типичную для африканского общества систему личностных связей, уходящую корнями в патриархальное прошлое. В результате такой демократический принцип, как всеобщее, равное и прямое избирательное право, превратился, по существу, в карикатуру. Действительно, контингент избирателей состоит на 80 процентов из неграмотных, темных крестьян-общинников, разбросанных по бесчисленным деревням. За кого будет голосовать такой избиратель, связанный по рукам и ногам родо-племенными обычаями и законами? За того, на кого укажет традиционный вождь. В сомнительных случаях деревня обратится за советом к духам предков, а их «мнение» до сведения избирателей доведут те же вожди или деревенские колдуны: ведь общение с предками — это их прерогатива.

Поднаторевшие в этой нехитрой «механике» политики широко пользуются ею, приобретая «оптом» голоса избирателей целой округи: где посулами и подкупом, где с помощью родственных связей, но в любом случае — используя пресловутую племенную солидарность. Городской избиратель тоже не свободен в своем выборе. На него «давят» те же родственные узы, принадлежность к определенному клану, землячеству или тайному обществу. Вот и получается, что результаты любых выборов определяются не современными общественно-политическими критериями, а традиционными социальными отношениями, сохранившимися в недрах африканского общества. Избиратель в большинстве случаев даже не знает, какую позицию занимает человек, за которого он «голосовал».

Заняв какой-либо ответственный пост, такой «народный избранник» начинает свою деятельность с того, что раздаст или продаст «тепленькие местечки» родне и соплеменникам, окружая себя непробиваемым кольцом подпевал и прихлебателей. Он покровительствует им, они поддерживают его. Так укрепляется система круговой поруки, которую иные предпочитают называть «африканской солидарностью». Как разорвать этот «порочный круг»? Самое простое решение — только силой, а сила в руках армии. Отсюда становится понятным генезис воен-

ных переворотов в Африке. Нередко их организаторы действуют, исходя из лучших побуждений, искренне надеясь, что им удастся покончить с кумовством, коррупцией и некомпетентностью аппарата власти. Но беда в том, что часто даже эти честные люди оказываются пленниками устоявшихся пережитков, и в результате после очередного переворота все остается по-прежнему. Меняется лишь «команда», захватившая государственную кормушку. «Современное государство в Африке,— заявил один из участников симпозиума в Буаке,— находится под своего рода опекой традиционных сил».

Подобные суждения в Африке приходилось слышать не раз. Конечно, в них заключена лишь «схема» драматических событий, происходящих на этом континенте, отражение мучительной борьбы старого с новым. И не всегда, и не все перипетии этой борьбы укладываются в такую схему. Известны, конечно, и такие военные перевороты, которые радикально меняют жизнь той или иной страны, вырывают ее из патриархального застоя и выводят на путь прогрессивного развития. Но это уже революционные перевороты, и выше речь шла не о них.

Нельзя сказать, чтобы «опека», о которой говорилось в Буаке, тревожила только патриотически настроенную и прогрессивно мыслящую африканскую интеллигенцию. Она беспокоит и тех, кто прочно связал себя с буржуазной идеологией и капитализмом как экономической системой. Они тоже ищут средства борьбы с влиянием традиционных сил, с трибализмом и местничеством. И такое средство вроде бы лежало совсем готовое, что называется «на поверхности»: политическая партия. В ней многие — если не все — африканские лидеры видели эффективный и, что не менее важно, современный инструмент воздействия на общественное развитие в желаемом направлении.

В этой связи любопытно проследить эволюцию в подходе к использованию этого инструмента, которая наблюдалась в Тропической Африке. На первых порах многие страны пошли по стопам «классических» образцов буржуазной демократии, восприняв и такой ее принцип, как «плюрализм». Это модное словечко склонялось на все лады, в устах некоторых политических деятелей оно представляло как олицетворение демократии и едва ли не аттестат политической зрелости молодых государств.

Но увлечение «плюрализмом» длилось недолго. Довольно скоро и довольно остро обнаружилось, что много-

партийная система в условиях Африки лишь маскирует подлинные процессы в общественной жизни. На деле она создавала благоприятные условия для роста трибализма и превращала государство в игрушку традиционалистских сил. Как грибы после дождя, возникали партии на сугубо этнической или региональной основе, и каждая из них представляла интересы определенного и замкнутого клана. Трагедия бывшего Бельгийского Конго, разыгравшаяся сразу после провозглашения независимости этой страны, ввела в политический лексикон Африки новое слово — «сепаратизм» — и тем самым окончательно развеяла плюралистские иллюзии.

Господствующей тенденцией политического развития африканских государств становится переход к однопартийной системе. Для обоснования его необходимости и целесообразности кое-где пошла в ход даже марксистская фразеология.

Означало ли это, что найдена, наконец, панацея от всех бед этнической раздробленности и местничества, что молодые африканские страны получили в свои руки надежное средство борьбы с традиционализмом и утверждения новой, национальной общности?

Нет, действительность опрокинула и эти надежды. Во всяком случае, везде, где подход к проблемам партийного строительства диктовался упорным отрицанием классового характера африканского общества. Здесь и обнаружилось, что единая, «общенациональная», т. е. лишенная классовой основы, политическая партия не может быть создана и функционировать без участия все тех же традиционных сил общества. Не опираясь в той или иной форме на традиционных вождей, духовных пастырей и прочих «нотаблей», такая партия не могла повести за собой население, и прежде всего сельское, довести до его сведения и сознания свои лозунги и тем более провести их в жизнь. Расплывчатые и малопонятные крестьянам и городской бедноте фразы о «национальном единстве» и «движении по пути прогресса» не могли вытеснить из их сознания повседневные заботы, веками связанные в тесный узел с жизнью деревенской или религиозной общины, племени или касты. А в этой жизни решающее слово оставалось за старейшинами и вождями, марабутами и колдунами, «гриотами» и главами семейств.

За годы, проведенные в Африке, приходилось не раз беседовать с партийными руководителями различных рангов. И не было ни одного случая, когда бы такой ру-

ководитель представлял «чужую» для данной местности этническую группу. Более того, почти все эти квартальные, кантональные, окружные или департаментские партийные секретари оказывались выходцами из тех же кругов, которые образуют местную традиционную элиту. Если применительно к капиталистическим странам мы говорим о сращивании административно-бюрократического аппарата с монополиями, то здесь, в африканских странах с так называемым «либеральным» или «умеренным» режимом, можно говорить о том, что политические партии рождаются на свет, уже связанные пуповиной с традиционной средой. И вновь круг замыкается.

В разгар массовых антиправительственных выступлений, до основания потрясших Сенегал в мае—июне 1968 года, произошел эпизод, который может служить наглядной иллюстрацией к сказанному.

...Уже несколько дней Дакар жил в условиях осажденного города, парализованный всеобщей забастовкой, сотрясаемый стрельбой, окутанный дымом горевших зданий и автомашин. Как-то вечером солдаты с автоматами на изготовку оцепили площадь Независимости, на перекрестках заняли позиции бронетранспортеры, ощерившиеся пулеметами. Вся эта огневая мощь была направлена в сторону президентского дворца. От площади Независимости до него несколько минут ходьбы: два коротких квартала по авеню Рум. Радио, как обычно в эти дни, передавало военные марши и национальную музыку, телефон молчал, и выяснить, что происходит, можно было только спустившись на улицу.

Не встречая никаких помех со стороны оцепления, я пошел в сторону дворца. На авеню Рум та же картина: шеренги солдат по обе стороны улицы, войсками оцеплена и площадь перед президентским дворцом.

Не обнаружив ничего заслуживающего внимания, кроме столь внушительной и необычной дислокации вооруженных сил, я уже повернул было домой, когда на соседней улице послышался нарастающий многоголосый гул, сопровождаемый непременными звуками там-тамов. В сторону дворца двигалась толпа, состоявшая из нескольких сот бедно одетых людей. Многие несли на плече мотыги, а некоторые даже допотопные ружья, включая кремневые.

Первой мыслью было, что это очередная демонстрация против политики и действий правительства, которые происходили каждый день и в большом числе. Удивление

вызывало только то, что силы безопасности подпустили ее так близко к президентскому дворцу: до сих пор прилегающий к нему район строго охранялся. Тем временем толпа уперлась в шеренгу солдат и, вдохновляемая мелькавшими там и тут «агитаторами», начала скандировать какие-то лозунги и имя президента. Солдаты на выкрики толпы никак не реагировали и попыток оттеснить манифестантов не предпринимали.

Между тем на балконе президентского дворца появились какие-то люди. Разглядеть их, а тем более узнать на таком расстоянии было невозможно. Неистовство толпы достигло, казалось, высшей точки. Когда на балконе образовалась плотная группа, «агитаторы» начали успокаивать демонстрантов. Вот тут-то усиленный развешанными на деревьях динамиками и зазвучал голос оратора с балкона.

Сомнений не было: выступал президент, говорил он в обычной манере, не прибегая к ораторским эффектам. Люди слушали внимательно, изредка покрывая обращенные к ним слова одобрительным ревом и угрожающе размахивая разномастным «оружием».

Закончив короткую речь, глава государства удалился с балкона. А манифестанты, подбадривая самих себя воинственными кликами, рысью двинулись в глубь улицы, по которой пришли. Там их поджидали десятки микроавтобусов и грузовиков. Солдаты начали снимать оцепление, да так быстро, что вскоре площадь Независимости приобрела свой обычный вид.

Лишь вернувшись домой, я понял, что произошло у президентского дворца. Манифестанты, по-видимому, еще не успели занять места в машинах, как по радио торжественно сообщили, что в Дакаре состоялась «массовая демонстрация в поддержку главы государства». Ее участники, прибывшие со всех концов страны, выразили «возмущение» действиями «безответственных и подрывных элементов, направляемых из-за границы».

А пролог и эпилог этого спектакля мне рассказали в тот же день сенегальские друзья. Оказывается, получив из столицы соответствующее распоряжение, руководители близлежащих провинциальных партийных организаций обратились к традиционным вождям за помощью. Те собрали и соответствующим образом «проеинструировали» крестьян, пребывавших в полном неведении относительно смысла происходящих событий, и отправили их в столицу. Провоз туда и обратно, а равно и «суточные» в

размере полусотни франков на душу были обеспечены, разумеется, за счет казны.

Вся эта операция была осуществлена в глубокой тайне от профсоюзных и студенческих организаций, возглавлявших антиправительственные выступления, а потому поначалу и застала их врасплох. Но на обратном пути машины с «манифестантами» были остановлены забастовщиками, которые попытались им объяснить, на какую удочку они попались. Однако «диалог» так и не получился, и встреча забастовщиков с одураченными «манифестантами» завершилась потасовкой.

Вот так в критические моменты вполне, казалось бы, респектабельное и «современное» государство, руководимое партией, именовавшейся тогда Сенегальский *прогрессивный* союз, прибегало к помощи консервативных сил, в адрес которых в иные времена направляется столько филиппик.

Еще в 1962 году на симпозиуме в Буаке отмечалось, что в Африке наблюдается «любопытное исчезновение единственных организаций, которые в своем большинстве не подвержены этническому влиянию, а именно автономных и независимых профсоюзов». Большинство из них вынуждены были либо присягнуть на верность государству, либо исчезнуть. А между тем это были единственные или почти единственные организации, которые объединялись на совсем иной основе, нежели этнические узы.

Остается добавить, что после событий 1968 года в Сенегале тоже был положен конец «независимому и автономному» существованию профсоюзов. А созданная взамен Национальная конфедерация сенегальских трудящихся начала свою деятельность как раз с «присяги на верность» государству.

Итак, в африканской действительности вновь можно было наблюдать очередной парадокс. В одном случае традиционная община — малагасийская фукунулуна успешно используется в качестве эффективного инструмента преобразования отживших общественных отношений и проведения в жизнь прогрессивных национально-экономических и политических мероприятий. В другом — столь современный вроде бы институт, как политическая партия, оказался в роли проводника влияния традиционных сил и объективно способствовал закреплению пережитков патриархальщины. Но этот кажущийся парадокс представляет собой не что иное, как проявление диалектического взаимодействия формы и содержания в специфиче-

ских условиях общественного развития в Африке. Однако сколь бы сложным ни было такое взаимодействие и какими бы неожиданностями оно порой ни оборачивалось, решающая роль принадлежит в конечном счете содержанию, а не форме. Таков объективный закон развития общества, и африканское не составляет исключения.

Там, где в политической практике учитывается этот закон и принимается во внимание сложная диалектика взаимодействия формы и содержания, естественно накапливается положительный опыт использования элементов старой формы для утверждения нового, прогрессивного содержания. А заодно убедительно подтверждается универсальная истина марксистско-ленинского учения и опровергаются теории об «исключительности» Африки.

ОТЕЦ НЕГРИТЮДА

Одна из наиболее известных теорий такого рода получила название — негритюд. Она неразрывно связана с именем Леопольда Седара Сенгора — крупного мыслителя и общественно-политического деятеля современной Африки. Где бы и когда бы ни зашла речь о Л. Сенгоре, можно не сомневаться: будет упомянуто и это его любимое дитя.

Действительно, в какой бы из своих ипостасей — поэта и искусствоведа, философа и социолога, политического деятеля или ревностного католика — Л. Сенгор ни выступал, тема негритюда неизменно остается у него ведущей, хотя и она подвержена крутым зигзагам его общеполитических воззрений и политических установок.

Писать о Л. Сенгоре — задача трудная и, более того, неблагодарная. Ибо вряд ли найдется в современной Африке другой такой деятель, которому было бы посвящено столько публикаций: от докторских диссертаций до газетных фельетонов. О Л. Сенгоре пишут все или почти все, кому так или иначе приходилось соприкасаться с его деятельностью в любой из перечисленных выше сфер. И потому я поначалу пытался удержаться от соблазна следовать по столь проторенному пути. Но не удержался.

Не удержался потому, что писать о современной Африке, оставляя в стороне Л. Сенгора, нельзя. Картина получится неточной и неполной; значение литературной, философской и общественно-политической деятельности

этого человека выходит далеко за пределы родного ему Сенегала.

Сегодня немыслимо говорить об африканской поэзии, не касаясь поэтического творчества Л. Сенгора. Нельзя обойти и его идейно-философские концепции, когда речь идет о становлении и развитии общественной мысли в Африке. Кстати, именно этой стороне своей деятельности обязан Л. Сенгор тем вниманием, которое уделяется ему во всем мире. Ведь среди современных африканских концепций общественного развития нет другой такой, которая, как сенгоровский негритюд, вызывала бы столь жаркие споры и противоречивые оценки на протяжении десятилетий. И так уж случилось, что советскому читателю гораздо больше известно о негритюде, чем о его авторе. А его личность и политическая карьера заслуживают внимания хотя бы потому, что в них как в капле воды отразился сложный процесс противоборства нового и старого в Африке.

Опытный и широко образованный политический деятель, сформировавшийся в годы подъема национального самосознания и национально-освободительного движения угнетенных народов, Л. Сенгор чутко улавливал новые веяния и ситуации, возникавшие в сложных перипетиях борьбы за независимость народов Африки и возрождение африканской культуры. Он стремился учитывать эти новые элементы, внося соответствующие коррективы в свои теоретические установки, которыми призывал руководствоваться в практической деятельности.

Проработав несколько лет в Сенегале, я имел возможность встречаться с Л. Сенгором и наблюдать за тем, как реализуются его идеи в стране, где он родился и которой бессменно руководил в течение двух десятилетий. Впрочем, реализуются ли они на самом деле?

Л. Сенгор родился 9 октября 1906 года в городе Жоаль, на юго-западном побережье Сенегала. И дед, и отец его занимались посреднической торговлей в пользу известного по всей Западной Африке бордоского торгового дома «Братья Морель». Но в отличие от деда, ходившего с караванами товаров в глубь страны и не вернувшегося однажды из очередного похода, отец Леопольда Базиль Дьогой не рисковал жизнью. Его лавка находилась в Джилоре, значительном по тем временам торговом центре близ Жоаля. Здесь скупал он у приехавших крестьян рис, просо, а главное — арахис, которые поступали затем на склады компании «Морель». Крестьяне

покупали у Дьогоя сахар и соль, ткани и украшения для жен и дочерей.

Базиль Дьогой был широко известен в округе, имея свыше тысячи голов крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей, сотни гектаров земли, большой каменный дом. Все это внушало людям почтение к нему. Род Сенгоров принадлежал, кроме того, к числу уважаемых у сереров: среди предков будущего президента Сенегала было несколько правителей средневекового серерского королевства Син.

Мы далеки от мысли ставить в зависимость идейные убеждения той или иной личности от ее социального происхождения и полученного воспитания. История, как известно, изобилует примерами того, как выходцы из одного общественного класса бесповоротно переходили на позиции другого, антагонистического класса. Но в данном случае происхождение и воспитание, несомненно, сказались на формировании взглядов Л. Сенгора.

Его раннее детство прошло в кругу семьи. Идиллические картинки патриархального быта глубоко запали в душу ребенка, не знавшего забот о хлебе насущном. Спустя много лет образы детства вдохновят Л. Сенгора на создание поэм, воспевающих родину, материнскую ласку и любовь, звездное небо над уснувшей деревней. Они же отразятся и в его отношении к африканскому прошлому, африканским традициям.

Когда мальчику исполнилось семь лет, практичный Базиль Дьогой определяет Леопольда в ближайшую католическую миссию. Следующие тринадцать лет мальчик проводит в различных миссионерских учебных заведениях, оставивших заметный след в его мировоззрении.

В драматическом столкновении романтических впечатлений детства с суровыми миссионерскими буднями и первыми болезненными уколами расовой дискриминации у Л. Сенгора вырабатывались такие черты характера, как упорство и настойчивость, терпение и выдержка, скрытность и рассудительность. И еще честолюбие.

Особую роль в жизни Л. Сенгора сыграло пребывание в дакарской католической семинарии Либермана. В стенах этого закрытого учебного заведения он провел пять лет и с особой остротой ощутил высокомерное отношение наставников к ценностям африканской культуры и к личности африканца. «В католическом коллеже в Дакаре,— вспоминал позднее Л. Сенгор,— когда директор хотел пристыдить нас прошлым, отрицая, что у нас была

своя „цивилизация“, мы... всегда реагировали бурно. Именно тогда во мне глубочайшим образом укоренилась идея — пока еще идея, не облеченная в слова, — о существовании самобытной и равной с другими черной цивилизации. С этих семинарских лет цель, а точнее, смысл моей жизни состоял в том, чтобы доказать эту идею и придать ей жизненную силу».

«Святые отцы», чьим заботам было поручено формирование умонастроений шестнадцати воспитанников даркарской семинарии, по-видимому, вовремя распознали «крамольные» мысли молодого серера. И в канун выпуска ему было объявлено, что юноша «ошибся в призвании священнослужителя» и может, если пожелает, завершать свое образование в светском учебном заведении. Двадцатилетний Л. Сенгор болезненно переживает крушение своих честолюбивых планов добиться сана священника, но не опускает рук. В следующие два года он экстерном завершает среднее образование и получает диплом бакалавра.

Столь редкое даже по нынешним временам достижение африканского юноши не прошло незамеченным колониальной администрацией. Уступив настойчивым просьбам директора департамента по делам просвещения, который преподавал Л. Сенгору греческий и латинский языки, генерал-губернатор Французской Западной Африки согласился предоставить новоиспеченному бакалавру стипендию для продолжения филологического образования в метрополии. Для него было, таким образом, сделано исключение из правила не направлять африканских стипендиатов в такие французские учебные заведения, где они могли бы заразиться нежелательными идеями и причинять затем неприятности колониальным властям. Так, известные ныне сенегальские писатели Усман Сосе Диоп, Карим Гай и Бираго Диоп примерно в одно время с Л. Сенгором получили стипендии для изучения... ветеринарии.

В конце лета 1928 года молодой жоалец с тревогой и надеждой в душе поднялся на борт пакетбота «Медиа II» и на долгие годы покинул родную землю. Следующие три десятилетия его жизнь, литературная и политическая деятельность будут неразрывно связаны с Францией. Здесь он пройдет путь от неизвестного лицейста до министра в кабинете Э. Форы, здесь будут написаны его лучшие поэтические произведения, здесь встретит он друзей и единомышленников, которые во многом опре-

делят его судьбу, здесь же возникнет доктрина, с которой тугим узлом сплетутся и его имя, и поэтическая карьера.

Для уроженца захолустного Жоаля Франция окажется второй родиной. Оценивая этот период своей жизни, Л. Сенгор впоследствии напишет, что «именно здесь... я получил все основное, из чего состоит мое интеллектуальное и моральное воспитание... Во Франции я постиг прежде всего определенный метод мышления и жизни. Я бы даже сказал, что этот метод и сегодня позволяет мне анализировать проблемы и решать их».

Степень воздействия французской культуры на формирование творческого и идейно-политического кредо Л. Сенгора была не столько результатом длительности его пребывания в метрополии, сколько объяснялась его личными наклонностями. Незаурядный лингвист, Л. Сенгор оказался первым среди африканцев, который удостоился чести преподавать во Франции французский язык. В 1946 году он был включен в состав комиссии по подготовке текста новой конституции Франции как выдающийся стилист. Глубокая склонность к литературному творчеству и несомненное поэтическое дарование позволили ему не просто усвоить основные элементы французской культуры, но и глубоко проникнуться ее духом.

Однокашник Л. Сенгора по лицу Людовика Великого Жорж Помпиду восхищался тем, «насколько превосходно воспринял он нашу культуру, и не только французскую, но и греко-латинскую».

Но для Л. Сенгора восприятие французской культуры никогда не было пассивным усвоением тех или иных ее компонентов. Его излюбленный лозунг «ассимилировать, но не быть ассимилированным» имел для него вполне реальное содержание. Постигая новую для себя культуру, он как бы «пропускал» ее через призму своего африканского «я», соотносил различные ее элементы с африканской действительностью и пытался таким путем найти ответ на мучавшие его вопросы.

Вот как воспринимал он, например, произведения одного из самых почитаемых французских писателей, Мориса Барреса, в творчестве которого ему были особенно близки такие мотивы, как воспевание земли, традиций, почитания предков. «Для меня,— вспоминал Л. Сенгор,— голос Лотарингии (родина М. Барреса.— *Б. Ш.*), призыв Лотарингии были призывом и голосом земли сереров, лотарингская кровь — кровью сереров. Читая Барреса, я

размышлял об уроках моего отца и как бы сливался со своей родиной, с ценностями ее цивилизации».

Сложность и противоречивость личности Л. Сенгора в том и состоят, что в нем самым тесным образом переплетаются африканское и французское начала. «Офранцузившись», по словам его биографов, «до мозга костей», он в то же время не перестал ощущать себя африканцем.

Сенегальский ученый М. Кан, полемизируя с идейными противниками Л. Сенгора, заметил, что «критики негритюда зачастую не принимают во внимание исторический контекст, в котором возникло это течение». Что ж, с точки зрения методологии замечание справедливое. Этот контекст полезно вспомнить еще и потому, что негритюд на разных исторических этапах — это разный негритюд, и к нему нельзя подходить с одной и той же меркой.

В 1963 году в связи с 400-летием лица Людовика Великого, одного из старейших учебных заведений Франции, которое окончил Л. Сенгор, он назовет его «средоточием французской культуры». Вместе с будущим президентом Сенегала здесь учились такие известные впоследствии деятели культуры, как член Французской академии, писатель и драматург Талагран (Т. Мольнье), лауреат гонкуровской премии Робер Мерль, член Французской академии изящной словесности, профессор «Коллеж де Франс» Пьер Курсель, писатель Поль Гют и другие. Тесной дружбой в лицейский период Л. Сенгор был связан с Жоржем Помпиду, от которого, как он сам потом скажет, «я почерпнул, пожалуй, больше, чем от учителей».

В лицее, хотя и царила строгая «наполеоновская дисциплина», обстановка в корне отличалась от привычной Л. Сенгору атмосферы сенегальских миссионерских школ. Все — от литературных новинок до правительственных декретов — не принималось лицеистами на веру и становилось предметом жарких дискуссий.

Потрясенный вопиющим противоречием между учением церкви и реальной жизнью европейских христиан, между их поступками и «словом божьим», он быстро утрачивает религиозное рвение и перестает посещать церковь. На смену приходит пора увлечения социалистическими идеями.

Правда, религиозный скептицизм Л. Сенгора оказался недолговечным, а его социалистические взгляды, как отмечалось в одной из биографий, «не были экстремистски-

ми, оставаясь главным образом аполитичными». В конечном счете в мировоззрении Л. Сенгора одержала верх религия, что вполне отвечает его собственной трактовке африканской культуры, проникнутой, по его убеждению, глубоким религиозно-мистическим духом.

В культурной жизни французской столицы, в которую окунулся молодой сенегалец, именно в эти годы воцаряется новая мода: Европа вдруг открыла для себя негритянское искусство. Пробуждению интереса к нему немало способствовала грандиозная колониальная выставка, устроенная в Париже в 1931 году. Задуманная как своего рода «наглядное пособие» на тему «цивилизаторская миссия» Франции в ее заморских владениях, выставка неожиданно для ее организаторов обернулась демонстрацией богатства культуры покоренных народов.

Негрофильство захватило многих выдающихся мастеров европейской культуры: художников, поэтов, артистов. Повальное увлечение негритянской культурой объяснялось не только ее новизной, своеобразием и силой эмоционального воздействия на творческую интеллигенцию. В нем находили свое выражение поиски выхода из духовного кризиса, охватившего буржуазную Европу вслед за кризисом экономическим. Книжные прилавки пестрели в ту пору заглавиями произведений, предвещавших чуть ли не конец западной цивилизации: «Закат Европы» Деманжона и «Закат Запада» Шпенглера, «Упадок французской нации» Арона и Дандьё, «Вырождение свободы» Алеви. Л. Сенгор в то время зачитывался книгой Лабриола «Сумерки Запада».

«Открытие» Африки затронуло не только мир искусства. Своеобразный переворот происходил и в науке благодаря прежде всего таким маститым африканистам, как немецкий этнограф Лео Фробениус и французский историк и языковед Морис Делафос. Написанные на основе богатого фактического материала, их работы разрушали в глазах читающей европейской публики представление об африканских народах как дикарях, якобы не имеющих ни собственной культуры, ни истории. Можно представить себе, с каким энтузиазмом воспринимали труды этих ученых и их последователей образованные африканцы, оказавшиеся разными путями в Европе. И в их числе, разумеется, Л. Сенгор.

Проблема управления колониями все больше занимала умы государственных деятелей. Экономическая и политическая конъюнктура настоятельно толкала их на по-

иски эффективных путей эксплуатации поработанных народов. Но полной ясности, продолжать ли традиционную политику ассимиляции или избрать иные, более гибкие методы, у сменявших друг друга правительств Французской республики не было.

В эти годы заметным явлением в общественно-политической жизни метрополии было движение протеста против французской колониальной политики, развернувшееся в среде африканской, антильской и индокитайской эмиграции. Вопиющее несоответствие этой политики громгласно провозглашаемым принципам «свободы, равенства, братства» вызывало возмущение передовой части эмиграции, побуждало ее к активным действиям.

Французская полиция располагала внушительным досье на такие организации, как Межколониальный союз, одним из организаторов которого был Хо Ши Мин. Немалое беспокойство властей вызывала и деятельность Комитета, а затем — Лиги защиты негритянской расы во главе с соотечественником и однофамильцем Леопольда Сенгора Ламином Сенгором. Эти организации участвовали в конгрессах международной Антиимпериалистической лиги, издавали свои газеты, установили контакты с французскими коммунистами и пользовались их поддержкой.

В этом историческом контексте и «облекалась в слова» возникшая у Л. Сенгора еще в дакарской семинарии идея о самостоятельности и равенстве «черной цивилизации». Но к утверждению ее он пошел иным путем, который и привел его к негритюду.

Об идейных истоках этого явления Л. Сенгор говорит много и охотно, на что у него имеются веские причины. И главная, пожалуй, состоит в том, чтобы таким способом подчеркнуть якобы универсальный характер этой доктрины и ее связь с другими идейными течениями, которые владели умами негритянской интеллигенции в межвоенный период. На первое место он неизменно ставит негритянские движения, возникшие в США и на Антильских островах. «В широком смысле слова,— говорил Л. Сенгор на дакарском коллоквиуме по негритюду в 1971 году,— движение негритюда... родилось в Соединенных Штатах Америки», а «подлинным отцом негритюда» он называет выдающегося американского ученого и борца за освобождение негров от любых форм угнетения и дискриминации Уильяма Дюбуа.

Понимая, что такое утверждение может вызвать лишь недоумение у всех, кто мало-мальски знаком с жизнью

и деятельностью этого замечательного человека, вступившего уже в преклонном возрасте в ряды Коммунистической партии США, Л. Сенгор спешит оговориться, что влияние У. Дюбуа на основоположников негритюда «не было прямым». Его идеи, оказывается, доходили до них «углубленными и развитыми» — почему бы не сказать прямо: искаженными?! — через «посредство Маркуса Гарви» и его последователей. Если помнить, что на протяжении всей своей жизни Уильям Дюбуа резко критиковал М. Гарви за реакционную, расистскую основу его концепции, то можно себе представить, в каком виде «дошли» до авторов негритюда его истинные взгляды.

Психологическим фундаментом негритюда, если можно так выразиться, послужила идея о том, что власть имущие белые имеют искаженное представление о негре как о существе низшего порядка. Это представление отражается, в свою очередь, в сознании негров, укореняется в нем и, таким образом, определяет их психологию и социальное поведение. Отсюда бедственное положение негров в обществе. Следовательно, изменить к лучшему положение негров нельзя, не вытравив из их сознания этот «комплекс неполноценности». Чтобы встать вровень с белыми, негры должны проникнуться уважением к собственным духовным ценностям, к своей культуре и своему прошлому. Пробуждение самосознания негров — вот тот «золотой ключик», который откроет им дверь в лучшее будущее.

Теоретическим же фундаментом негритюда на первых порах послужила концепция Л. Фробениуса, основанная на противопоставлении «эфиопской» и «хамитской» цивилизаций. «Эфиопской» немецкий этнограф назвал негроафриканскую культуру, характерными чертами которой он считал практицизм, примитивный мистицизм, дух взаимопонимания, склонность к символике и мечтательность. Термином «хамитская» обозначалась арабо-берберская культура, для которой характерны рационализм, стремление к господству, склонность к отвлеченному мышлению, замкнутость и воинственность. В обоих случаях, как мы видим, определяющие признаки данной «культуры», какими их представлял себе Л. Фробениус, он выводил из духовных «особенностей» соответствующей расы, которые ей якобы искони присущи.

Можно с уверенностью сказать, что глубокомысленные, изложенные с немецкой обстоятельностью и педантичностью построения Л. Фробениуса поначалу не слыш-

ком занимали умы молодого Л. Сенгора и его друзей. Привлекательными в трудах этого ученого им казались сам факт признания самостоятельности негро-африканской культуры и те черты, которыми он ее наделял. Склонность к символике, мистицизм и мечтательность вызывали особые симпатии у того круга людей, в котором вращался Л. Сенгор. А круг этот состоял из таких известных антильских поэтов негритянского происхождения, как Лэнгстон Хьюз, Клод Мак Кей, Алан Лок и других. Все они сотрудничали в журнале «Ревю дю монд нуар». Литературное творчество для них было формой протеста против расовой дискриминации и духовного порабощения негров, оно насквозь было пронизано идеей реабилитации черной расы и отрицания «чудовищного мира белых». Как писал «Ревю дю монд нуар», их произведения были «поэтическим отпором черных, новой формой грядущей войны, которую и не могли предвидеть цивилизованные».

Нет ничего удивительного в том, что эти бунтарские мотивы увлекли молодого сенегальца. В наиболее близкой его поэтической натуре форме «облекалась в слова» как раз та идея, которую он провозгласил «смыслом своей жизни». Они научили нас тому, говорил Л. Сенгор о себе и своих друзьях, как, «создавая произведения искусства, возрождать негро-африканскую цивилизацию и внушать к ней уважение». А «негритянский бум» в европейской культурной жизни вселял в них уверенность, что они стоят на правильном пути.

Так в парижских литературных салонах и возникло новое течение — негритюд, у колыбели которого стояли три друга и поэта: сенегалец Л. Сенгор, мартиниканец Э. Сезэр и гвианец Л. Дама. Кредо этого течения Л. Сенгор сформулировал так: «Гордость за свою расу — вот первое условие негритюда». Сам же термин «негритюд» был впервые употреблен Э. Сезэром в одной из публикаций середины 30-х годов. Друзья сочли его удачным, ибо он как бы подчеркивал общность всех людей черной расы, где бы они ни жили.

Суть этой концепции, если не вдаваться в детали, состоит в противопоставлении духовного, психофизиологического склада людей черной и белой расы. «Черным», как утверждают адепты негритюда, свойственно чувственное восприятие мира и присущи такие качества, как гуманность, коллективизм, добросердечие, а в искусстве — эмоциональность и чувство ритма. «Белые» же отли-

чаются своим рационализмом, индивидуализмом, рассудочностью и техницизмом, который убивает «живую душу» человека. Мессианский налет негритюда ясно просматривается в убеждении его сторонников в том, что вернуть «человеку человеческое» и тем внести свой вклад в обновление мировой цивилизации призваны и могут люди только черной расы.

Среди многочисленных высказываний Л. Сенгора о негритюде есть одно, заслуживающее, на наш взгляд, особого внимания. Говоря об истоках этой теории, Л. Сенгор как-то отметил, что на его создателей «в качестве образца повлияла не столько теория, сколько практика негритюда, я имею в виду роман и особенно поэзию». Этим он недвусмысленно дал понять, что негритюд первоначально был скорее литературно-общественным течением, нежели доктриной общественного развития. И, рассказывая о зарождении негритюда, Л. Сенгор не случайно называет его «движением», а не «теорией», «доктриной» или «идеологией». Применительно к негритюду эти определения появятся позднее, когда коренное изменение «исторического контекста» выдвинет перед Л. Сенгором иные цели и проблемы.

Новое течение сразу начертало на своем знамени лозунг: «культура прежде всего!». Ее абсолютизация была свойственна в той или иной степени как Л. Сенгору, так и его друзьям Э. Сезэру и Л. Дама. Убежденные в том, что «подлинная независимость — это независимость духа», они страстно ратовали на страницах журнала «Этюдьян нуар», который стал рупором негритюда, за духовную деколонизацию, отстаивали и пропагандировали ценности негро-африканской культуры.

Но за внешним единством уже тогда обнаруживались существенные нюансы. Так, Э. Сезэр — человек действия и неумеренного темперамента — шел в бой с открытым забралом, полностью отрицая чуждую ему европейскую культуру. Его позиция шокировала даже привычную ко всему французскую публику: «Поскольку мы вас ненавидим, вас и ваш разум, то мы — за молодое безрассудство, за пылающую страсть, за неистовый каннибализм».

Л. Сенгор вел себя благоразумнее. Уже в то время он вместе с соотечественником Усманом Сосе Диопом вынашивает идею «метиссажа» — слияния, синтеза — «черной» и «белой» цивилизаций. Его не слишком смущало, что она противоречит тезису их кумира — Л. Фробениуса — о противоположности «эфиопской» и «хамит-

ской» культур. Но зато идея «метиссажа» вполне отвечала его внутренним побуждениям, которые складывались под двойственным — африканским и французским — влиянием. На грядущую «встречу цивилизаций», говорил Л. Сенгор, «черные должны прийти не с пустыми руками».

А на французской политической арене тем временем разгорались особенно жаркие дебаты по поводу колониальной политики. Сводились они главным образом к дилемме: «ассимиляция» или «ассоциация». Речь шла, по существу, о том, допускать или не допускать в какой бы то ни было форме культурную, а тем паче политическую автономию колоний или продолжать существующую практику прямого и жесткого управления ими, известную под именем «ассимиляция».

Свою позицию в этом споре Л. Сенгор сформулировал в первом же публичном выступлении на родине, куда он приехал в отпуск по личному приглашению генерал-губернатора Французской Западной Африки летом 1937 года. Этой чести бывший дакарский семинарист был удостоен как один из первых африканцев, получивших ученую степень во Франции. Выступая в Торговой палате Дакара, он заявил: «Если мы хотим выжить, то от нас не может ускользнуть необходимость адаптации, то есть *ассимиляции*», — и подчеркнул это слово. Как совместить это утверждение с исходными посылками негритюда, воспевавшего своеобразие, равенство и непреходящие ценности негро-африканской культуры, остается загадкой. Но такие «загадки» сенегальский теоретик на протяжении своей долгой политической карьеры будет задавать еще не раз.

Правда, известную дань негритюду он в этом выступлении все же отдал, горячо призывая колониальную администрацию ввести в африканских школах наряду с французским преподавание местных языков, рассматривая их как главное средство сохранения и развития национальной культуры. Подчеркивал он также роль письменной литературы на национальных языках, в отсутствие которой «цивилизация не выходит за рамки элементарной этнографической достопримечательности». Четверть века спустя, будучи уже главой сенегальского государства и готовя к печати первый том своих трудов, в который вошло и это выступление, Л. Сенгор счел нужным указать, что он отказывается от этих суждений «как слишком упрощенных». Оговорка тем более приме-

чательная, что отказался от них Л. Сенгор не только в теории.

Возглавляемое им правительство не предприняло никаких действенных шагов для внедрения образования на местных языках и создания предпосылок к развитию национальной литературы.

С этого времени идеи негритюда в выступлениях и статьях Л. Сенгора теснейшим образом переплетаются с темой «ассимиляции». Продолжая прославлять достоинства «черной цивилизации», он и смысл, и залог ее существования видит лишь в тесном единении с метрополией, в слиянии с ее культурой и политической системой. В его понимании вся колониальная проблема «есть не что иное, как проблема [французских] провинций». «Франции,— говорит Л. Сенгор,— нет нужды оправдываться в своих колониальных захватах, и во всяком случае не больше, чем в присоединении Бретани».

Этот «провинциализм» заходит так далеко, что Л. Сенгор вступает в противоречие даже с французскими историками, зачисляя в разряд «глубоко великодушных и гуманных теоретиков ассоциации» таких столпов воинствующего колониализма, как маршалы Бюжо и Лиотэ или генерал Федэрб. Будто это не они отличились своей жестокостью при покорении Алжира, Марокко, Тонкина, Мадагаскара, будто это не Федэрб огнем и мечом подавлял сопротивление французским колонизаторам на родине самого Л. Сенгора, которое возглавлял национальный герой Сенегала Лат-Диор.

В годы второй мировой войны Л. Сенгор — солдат 30-го пехотного полка колониальных войск — познал на себе все ее ужасы и лишения: разгром на берегах Луары, плен, голод, холод, унижение в фашистских лагерях. В сознании Л. Сенгора, всегда тяготевшего к космологическим масштабам, личные невзгоды не просто сливались с трагедией второй родины — Франции, но и направляли мысль на поиски основы для «гармоничного единения» людей в послевоенном мире, и в первую очередь народов метрополии и колоний.

Вырвавшись из плена в 1942 году, он углубляется в разработку этой темы. В оккупированном немцами Париже Л. Сенгор пишет несколько эссе и выступает на собраниях — главным образом перед коллегами-преподавателями, — излагая свои идеи по поводу будущего устройства французской колониальной империи.

Осуществить «гармоничное единство» метрополии и

колоний он предлагал путем проведения в жизнь программы реформ, которая не выходила за рамки ограниченной «культурной автономии» колоний. Ее суть яснее всего была изложена самим Л. Сенгором. «Эта система,— писал он,— не только не ослабит власть метрополии, но еще больше усилит ее.. она не только не ослабит единство Империи, но укрепит его, поскольку дирижер оркестра будет уже не заглушать различные инструменты, подавляя их своим голосом, а руководить ими так, чтобы даже самая маленькая деревенская флейта могла исполнить свою партию».

Голос сенегальского поэта был, надо полагать, услышан в соответствующих «коридорах власти», поскольку весной 1945 года распоряжением министра колоний Л. Сенгор был включен в состав комиссии, которой поручалось разработать предложения по представительству колоний в Учредительном собрании Франции. Но в кругах африканской эмиграции в Париже взгляды Л. Сенгора встретили почти единодушное осуждение как слишком профранцузские. Объединявшая эту эмиграцию группа «Презанс африкен», членом которой был Л. Сенгор, высказалась на специальном заседании против его назначения в комиссию в качестве представителя африканских колоний.

Эта позиция нанесла болезненный удар по самолюбию Л. Сенгора и, по-видимому, в немалой степени подготовила крутой поворот в его жизни.

Именно в это время в Париже появился известный сенегальский адвокат Ламин Гей, только что избранный мэром Дакара. Опытный и популярный в Западной Африке политический деятель, он еще до войны создал Сенегальскую социалистическую партию, которая слилась затем с местной федерацией Французской социалистической партии — СФИО. В отличие от Л. Сенгора деятельность Ламина Гея протекала главным образом в Африке, которую он почти не покидал.

В Париж Ламин Гей приехал в поисках образованных сторонников среди эмигрантов. Обратив внимание на Л. Сенгора, Ламин Гей предложил будущему президенту Сенегала вернуться на родину и баллотироваться на предстоящих выборах в Учредительное собрание, пообещав ему свою полную поддержку.

Не без колебаний принял это предложение Л. Сенгор, мечтавший о карьере профессора в престижном «Коллеж де Франс». Возможно, что чашу весов в пользу предло-

жения Ламина Гея склонила жажда реванша за афронт, нанесенный ему на заседании «Презанс африкен».

Так был сделан выбор между литературно-преподавательской и политической деятельностью, выбор, определивший дальнейший жизненный путь Леопольда Седара Сенгора. В августе 1945 года он возвращается в Сенегал и под руководством Ламина Гея включается в политическую борьбу.

Трижды на протяжении 1945—1946 годов избирается он вместе с Ламином Геем сначала в Учредительное, а затем в Национальное собрание Франции как депутат от сенегальской федерации СФИО. Разъезжая по стране, Л. Сенгор убеждается в наличии явных признаков нарастания всеобщего недовольства колониальным режимом: в городах обострилась забастовочная борьба, в сельской местности участились вспышки крестьянских волнений, брожение охватило интеллигенцию и учащуюся молодежь. Заметил он и то, что тактика Ламина Гея, который рассчитывал добиться перемен путем осуществления ограниченных парламентских реформ, не отвечает чаяниям безмерно уставших от тягот военного времени и злоупотреблений колониальной администрации широких масс населения. Поездки по сенегальской «глубинке», от которой он избирался депутатом, позволяли Л. Сенгору не только «прощупать» настроение масс, но и завязать полезные связи с местными «нотаблями».

Так постепенно созрело решение о разрыве с Ламином Геем и социалистической партией в целом. Союз этих двух людей продолжался всего три года, но они не прошли для Л. Сенгора даром. Он приобрел политический опыт, сумел завоевать популярность в стране, получив репутацию защитника наиболее обездоленных слоев населения. Легенды о простом и доступном «депутате в хаки» (отправляясь в поездки по стране, Л. Сенгор неизменно одевал рубашку и брюки цвета хаки) доходили до самых удаленных деревень.

Разрыв с Французской социалистической партией и Ламином Геем Л. Сенгор назвал «самым серьезным шагом в своей политической жизни». Спустя почти три десятилетия последует другой шаг, и виток замкнется: он переименует свою партию в «социалистическую» и вернется в лоно социал-демократии, но уже в качестве вице-председателя Социнтерна и одного из ревностных проводников его влияния в Африке.

В сентябре 1948 года было объявлено о выходе

Л. Сенгора и нескольких его сторонников из СФИО и о создании новой партии — Сенегальский демократический блок. В кратчайший срок ему удалось превратить ее в ведущую политическую силу страны. На парламентских выборах в 1951 году эта партия нанесла сокрушительное поражение социалистам Ламина Гея, завоевав оба депутатских мандата от Сенегала.

Такой поистине головокружительный успех был достигнут благодаря искусному применению тактики «окружения города деревней». В политическую жизнь страны новая партия вступила, претендуя на роль единственного выразителя и защитника интересов «подлинного» Сенегала, и в первую очередь крестьянства. И сколько бы ни менялись впоследствии названия сенгоровской партии, ее лозунги и программные установки, она неизменно апеллировала к крестьянским массам и оставалась верна тактике противопоставления «бедной» деревни «привилегированному» городу.

Убежденный католик Л. Сенгор тем не менее ясно понимал, что завоевать доверие масс в стране, где свыше 80 процентов населения исповедует ислам, невозможно без поддержки верхушки мусульманского духовенства. Своим сторонникам он постоянно внушал, что марабуты служат основным связующим звеном между любой, даже самой мелкой, общиной и прочим миром, а потому только через них можно добраться до глухих деревень и городских трущоб.

Привлечению на сторону новой партии симпатий мусульманского духовенства служил ее подчеркнутый консерватизм во всем, что касалось традиционных устоев жизни, духовных ценностей и институтов сенегальского общества. Двери партии были широко открыты религиозным деятелям мусульманских братств как мюридов, так и тиджанов.

В партию вербовались все, кого только можно было вовлечь в ее ряды. Широкое использование принципа коллективного членства позволяло включать в состав Сенегальского демократического блока любые этнические, религиозные, социальные или экономические группы, секты или ассоциации: от «Всеобщего союза уроженцев долины реки Сенегал» и «Движения демократических сил Казаманса» до ассоциаций «гриотов», ювелиров, водителей такси.

Такая пестрота состава партии неизбежно отразилась на ее программе, которую ее политические противники

насмешливо окрестили «каталогом требований». Но в этом «каталоге» почти любой находил что-то ему близкое и понятное. Именно это и требовалось руководству нового блока на первых порах. И все же оно остро ощущало потребность в теоретической концепции, которая могла бы цементировать разнородную массу членов партии и способствовать вовлечению интеллигенции в ее ряды.

Негритюд с его акцентом на самобытность «черных» африканцев и возвеличением присущих им духовных ценностей как нельзя лучше отвечал политическим задачам, стоявшим перед сенгоровской партией. Он и был положен в основу ее идейно-теоретической платформы. Именно с этого времени негритюд в трактовке Л. Сенгора начинает превращаться из литературно-эстетического течения — или «движения» — в политическую доктрину, претендующую на роль всеафриканской теории общественного развития.

Близкие сердцу Л. Сенгора идеи «метиссажа цивилизаций», «ассимиляции» и «ассоциации» не могли увлечь за собой угнетенные и обездоленные сенегальские массы, среди которых, как он правильно уловил, нарастал протест против колониализма во всех его формах и проявлениях. К тому же политику ассимиляции олицетворяла собой в Сенегале именно местная федерация СФИО с Ламином Геем во главе, тесно связанная с французскими социалистами. Да и нельзя было не считаться с решительным осуждением со стороны сенегальской и мировой общественности отчаянных попыток агонизировавшего французского колониализма удержаться на рубежах своей империи: «грязной войны» во Вьетнаме, репрессий в Марокко и Тунисе, военных действий против алжирских повстанцев.

В этих условиях лидер Сенегальского демократического блока счел за лучшее отправить «в запасник» упомянутые идеи, а на первый план выдвинуть исконные мотивы негритюда: гимн «черной цивилизации», африканской культуре, традициям и обычаям. Таким путем Сенегальскому демократическому блоку удалось упрочить свою репутацию истинно национальнейшей партией, выражающей подлинно африканские интересы, и обеспечить себе успех в борьбе против Ламина Гея.

А в неудержимо нараставшем национально-освободительном движении в Африке все более ощутимую роль начинали играть новые социальные силы: объединенный

в профсоюзы рабочий класс и молодая интеллигенция послевоенной формации. Эти радикально настроенные африканские «младотурки» не испытывали почтения к «старым» лидерам и их политическим партиям. Они были убеждены, что никакие компромиссы и реформы, вырванные у метрополии, не принесут освобождения Африке, и поэтому жаждали полной и безусловной независимости.

Сенегальский лидер подметил и оценил эти новые веяния намного раньше, чем это сделали в Париже. В отеле Матиньон Л. Сенгор с особой настойчивостью ратует за необходимость поторопиться с реформами в Тропической Африке. «Завтра, через пять или десять лет,— говорит он,— вопреки вам и особенно вопреки нам будет уже слишком поздно». Но руководители Четвертой республики были целиком поглощены другими заботами и не вняли этим предупреждениям. «Когда горит дом,— с циничным юмором отвечивал Мендес-Франс,— не время заниматься конюшнями».

Но заниматься ими все же пришлось, только уже генералу де Голлю, чей приход к власти ознаменовал конец Четвертой республики. Французским колониям в Тропической Африке было предложено вступить в состав «франко-африканского сообщества» во главе с метрополией, которое должно было заменить собой полностью обанкротившийся Французский союз. Тем, кто отверг бы «сообщество», предоставлялась независимость, но при условии полного разрыва связей с Францией и прекращения ее помощи. Решить этот вопрос призван был референдум, подготовка к которому стала как бы пробным камнем для политических сил французской Тропической Африки.

Л. Сенгор, который увидел в предложенном де Голлем «сообществе» возможность осуществить свою давнюю идею об «ассимиляции и ассоциации», энергично выступил за вступление в его состав. Но потерпел сокрушительное поражение даже на съезде собственной партии. Чтобы не оказаться в полной изоляции, ему пришлось присоединиться к единогласно принятой резолюции, призывавшей избирателей голосовать за предоставление стране полной независимости.

Укрывшись сразу после съезда в своем нормандском поместье, он послал полное отчаяния письмо Жоржу Помпиду — директору кабинета генерала де Голля. «Жорж, я был разбит,— писал Сенгор.— Надо встретить-

ся с генералом и добиться от него, чтобы была какая-нибудь щелочка к независимости. Иначе я буду вынужден возвратиться в Сенегал и включиться в кампанию „против“ (сообщества). Если буду снова разбит, то вернусь жить во Францию. Этим хочу сказать, что я вовсе не антифранцуз...».

Однако «угроза» Л. Сенгора выступить «против» общества, которую он позволил себе в этом письме, была всего лишь тактическим ходом в надежде побудить де Голля «умиротворить» хотя бы видимостью уступок сторонников полной независимости. На самом же деле «маленький, но упрямый серер», как он любил сам себя называть, даже в безнадежных, казалось бы, ситуациях упорно шел к своей цели, и, надо сказать, часто не без успеха. Так было и на этот раз. Всего два месяца понадобилось ему, чтобы вновь овладеть ситуацией и использовать ее в своих интересах. «Сработало» старое и испытанное «оружие» — традиционные силы.

В то время как Л. Сенгор отсиживался в тиши нормандской усадьбы, верные ему посланцы энергично «обрабатывали» верховных вождей мусульманских братств, провинциальное духовенство, местную традиционную элиту, побуждая их призвать массы голосовать за вступление в «сообщество». И уже испытанная африканская «машина голосования» не подвела: 870 тысяч голосов было подано «за» и лишь 22 тысячи — против «сообщества». Правда, победа дорого обошлась Л. Сенгору: в его партии произошел раскол, и многие авторитетные деятели покинули ее ряды. Но искомый результат был достигнут.

Однако даже искусное политическое маневрирование не могло уже изменить необратимый ход событий. Не прошло и года после референдума, как газета «Монд» отмечала, что «африканскому лидеру, которому придется считаться с массой неплохо информированных партийных активистов, становится все труднее отрицать перспективу независимости».

Не мог больше отрицать ее и Л. Сенгор. В 1960 году Сенегал стал суверенным государством, сохранив особые «привилегированные» отношения с Францией, закрепленные в серии соответствующих соглашений. 5 сентября того же года Л. Сенгор был избран президентом республики.

В этом качестве ему пришлось столкнуться с новыми, еще более сложными задачами. Во внутривнутриполитическом

плане теперь уже невозможно было ограничиваться движением популярных среди масс лозунгов и программ. Необходимо было решать практические вопросы государственного и национального строительства. В области межгосударственных отношений возникли также сложные проблемы. Ликвидация Французской Западной Африки со столицей в Дакаре и возникновение на ее месте восьми независимых стран лишили Сенегал его экономического и политического хинтерланда, сложившегося в колониальный период. Это обстоятельство пагубно сказалось на экономике страны, ослабило ее политические позиции. Забота о восстановлении в той или иной форме былой роли Сенегала в регионе стала одной из важнейших внешнеполитических целей правительства республики.

Необходимо было также учитывать мощное движение за единство Африки. Оставаться в стороне от него значило бы обрекать страну на изоляцию. Но в то же время антиимпериалистическая направленность, которую придавали этому движению такие африканские лидеры, как Кваме Нкрума, Секу Туре, Г. А. Насер и ряд других, шла вразрез с внешнеполитическими установками сенегальского руководства.

Поиски решения этих многоплановых проблем вновь привели Л. Сенгора к негритюду. Но на этот раз задача ставилась шире: использовать его не только для сплочения сенегальского общества вокруг правящей партии, но и превратить в идейную основу панафриканского движения с целью укрепления политических позиций Сенегала на африканской и мировой арене.

Однако многие изначальные положения негритюда, столь часто повторявшиеся его поборниками и пропагандистами, не «вписывались» в изменившийся «исторический контекст» и нуждались в пересмотре. Ну, хотя бы такой тезис, как противоположность «эфиопской» и «хамитской», т. е. негритянской и арабской цивилизаций. Мыслимо ли было собрать под таким знаменем всех сторонников общеафриканского единства!

И Л. Сенгор вновь подвергает негритюд «косметической операции», придав ему такой облик, в котором вряд ли узнали бы свое детище его старые друзья по парижским литературным салонам. Внесенные им изменения и дополнения были настолько существенны, что он сам впервые вынужден был заговорить об «исправлении негритюда».

В «исправленном» виде негритюд как бы растворился

в общих положениях, которые Л. Сенгор назвал «африканством». Введя в оборот это понятие, он определил его как совокупность или, выражаясь его языком, «симбиоз» двух взаимосвязанных и взаимодополняющих культур: арабской и негро-африканской.

В Аддис-Абебе и Киншасе, в Лагосе и Яунде, в Абиджане и Ниамее, но прежде всего в столицах арабских государств Каире, Алжире и Бейруте, выступая в защиту «исправленного» негритюда, сенегальский лидер настойчиво доказывал прямо противоположное тому, что он же, опираясь на Л. Фробениуса, утверждал ранее. Выступая с лекциями и докладами в различных аудиториях, он стремился обосновать общность основных элементов этих культур и историческое единство арабских и негритянских народов Африки. В подтверждение основных положений своих выступлений оратор привлекал разнообразнейшие лингвистические и этнографические, антропологические и археологические материалы. Он буквально поражал слушателей незаурядным искусством владения словом: то соединяя, то расчленяя знакомые всем выражения, он «извлекал» из них совершенно неожиданный смысл.

Его внимательно слушали, вежливо аплодировали, но присоединиться к «исправленному» негритюду, даже под соусом «африканства», не торопились. Настораживал не только крутой поворот в позиции докладчика, о которой многие были наслышаны. Настораживала аргументация с ее акцентом на проблемы культуры, столь хорошо знакомая по предыдущим работам и выступлениям Л. Сенгора. Он и сейчас ставил их выше любых других проблем — экономических, социальных и политических.

«Основывать общую организацию, которую мы намерены создать, только на базе антиколониализма — это значит придать ей очень хрупкий фундамент», — продолжал он и теперь развивать свою линию. Прочным фундаментом такой организации Л. Сенгор считал лишь «общие для всех африканцев и остающиеся постоянными... культурные ценности». От его слушателей не могло ускользнуть стремление докладчика деполитизировать движение за африканское единство, столкнуть его с испытанного пути антиимпериалистической борьбы и отложить «до греческих календ» полное освобождение Африки от империализма, неоколониализма и расизма.

Настораживало африканцев и другое. Выступая в то

же самое время, но в других местах — во Франции, Канаде, Бельгии и некоторых франкоговорящих африканских странах, — Л. Сенгор с неменьшим красноречием и сходной аргументацией отстаивает «непреходящие ценности франкофонии». А «франкофония» в его толковании — это культурно-историческая общность народов, говорящих на французском языке, независимо от расы, национальной принадлежности и географической среды обитания. Как же можно совмещать одну общность — «франкофонию» — с другой — «африканством» — и обе их с третьей — «негритюдом»?! Вопрос существенный, тем более, что в Африке, как ни старался Л. Сенгор внушить обратное, его всегда склонны были рассматривать в политическом, а не в «культурном» аспекте.

Именно так оценивались и практические действия Л. Сенгора на африканской политической арене, где Сенегал неизменно выступал инициатором создания различных региональных и прочих союзов, противопоставлявших себя Организации африканского единства (ОАЕ). Л. Сенгор «с упорством термита, — отмечали его биографы, — продолжал свои усилия по перегруппировке африканских государств». И многие в Африке, читаем мы далее, «обвиняли его в наличии задних мыслей: будто множа число региональных группировок, поэт-президент старался лишить ОАЕ всякого значения».

Этого в конце концов не отрицал и сам Л. Сенгор. «Лично я, — писал он западногерманскому писателю Гюнтеру Грассу, — от имени моей страны поддерживал тезис, по которому африканское единство должно быть позитивным (!) действием: оно должно основываться не на борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма, а на существовании общих культурных ценностей, а если конкретнее, то на региональных группировках».

В апреле 1966 года в Дакаре состоялся первый международный фестиваль негритянского искусства, задуманный как «внушительная демонстрация ценностей негритюда». Вдохновленный несомненным успехом яркой и многообразной культурной программы фестиваля, Л. Сенгор претенциозно охарактеризовал его «куда более революционным мероприятием, чем освоение космоса», и патетически провозгласил, что «отныне битву за негритюд можно считать выигранной». Но он поторопился. В этой «битве» — и в недалеком будущем — негритюду предстояли суровые испытания.

Первый болезненный, если не самый серьезный за всю его историю, удар по негритюду нанесли сами же сенегальцы. Когда в майские дни 1968 года возмущенные толпы дакарской бедноты выплеснулись на улицы сенегальской столицы, то вместе с зеркальными витринами роскошных магазинов и банков вдребезги разлетелась также «витрина» негритюда, каковой в глазах всего мира призван был служить Сенегал — единственная страна, где эта доктрина стала официальной идеологией.

Кризис 1968 года в Сенегале разразился внезапно, захватив врасплох и правительство, и многих непосредственных участников событий. Но причины, его породившие, зрели долго и мучительно. С признаками «недомогания» и «неблагополучия», по выражению дакарской печати, мне пришлось столкнуться вскоре после приезда в страну.

В первое же воскресенье по прибытии в Дакар я стал свидетелем президентских выборов. На очередной пятилетний срок пребывания на посту главы государства был выдвинут единственный кандидат — генеральный секретарь правящей партии Л. Сенгор. Газеты и радио широко оповещали о всенародной поддержке его кандидатуры.

Однако обстановка в городе в день выборов была обескураживающей: на пустынных, словно притаившихся улицах бросались в глаза внушительные наряды полиции и жандармерии, на площадях и перекрестках, у избирательных участков и правительственных учреждений — солдаты с автоматами и бронетранспортеры. Выглядело все это так, как будто город приготовился не к голосованию, а к отражению неприятельского штурма.

Вечером радио глухо упомянуло об имевших место «инцидентах», спровоцированных «хулиганами и безответственными элементами», что вызвало необходимость вмешательства «сил охраны порядка». Но результаты выборов были более чем убедительными: за Л. Сенгора проголосовали без малого сто процентов избирателей. Оставался, правда, без ответа вопрос: неужели столь внушительное развертывание вооруженных сил было вызвано необходимостью дать отпор лишь кучке хулиганов? Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать.

27 мая 1968 года студенты Дакарского университета

объявили забастовку, потребовав повышения размера стипендий, африканизации преподавательских кадров и пересмотра учебных программ. Забастовка распространилась на ряд лицеев.

Ничего необычного в этих требованиях, казалось бы, не было: они повторялись в распространявшихся студенческим союзом листовках, звучали на легально собиравшихся митингах, включались в петиции правительству. Но правительство, напуганное событиями, разразившимися в эти же дни во Франции, решило пресечь «смуту» в зародыше. На территорию университета были введены войска. Применяв силу, они выдворили студентов из общежитий и учебных корпусов, «зачинщиков» арестовали. Были и жертвы среди учащейся молодежи.

На следующий день в обстановке негодования, охватившего страну, всеобщую забастовку солидарности со студентами объявил Национальный союз сенегальских трудящихся. У рабочих и служащих был и свой счет для предъявления властям. Безудержный рост цен при замороженной на уровне 1961 года заработной плате привел к снижению их жизненного уровня за годы независимости почти на 40 процентов. Непрерывно росла и безработица.

Всеобщая стачка, мгновенно охватившая район Зеленого мыса — промышленное сердце Сенегала, парализовала почти всю страну. В столице начались уличные демонстрации, заканчивавшиеся, как правило, ожесточенными столкновениями с полицией и жандармами. Улицы города покрылись баррикадами, обагрились кровью.

В обстановке всеобщего возбуждения не столь громко, но внушительно прозвучал также голос сенегальских предпринимателей. Они возвысили его в защиту национального капитала, на долю которого приходилось лишь около двух процентов оборота промышленных предприятий, и потребовали от правительства принятия энергичных мер для ограничения засилия в стране иностранных монополий.

Глухое недовольство, которое в любой момент могло вылиться в открытые выступления, зрело и в деревне, где крестьяне так и не дождались обещанной им помощи от государства. Вместо этого в 1967 году сразу на 20 процентов были снижены государственные закупочные цены на арахис — основную товарную культуру страны. Эта мера отбросила не на грань, а уже за грань нищеты многие тысячи крестьянских семей.

Пытаясь сохранить контроль над накалявшейся обстановкой, правительство ввело комендантский час в столице и крупных городах, прибегло к массовым арестам профсоюзных и студенческих активистов, запретило деятельность общественных организаций. Однако все эти действия лишь подливали масло в огонь, который вот-вот грозил охватить всю страну.

И огонь грозный: речь шла уже не о повышении зарплаты или размера стипендий, не о замене иностранных преподавателей или президентов торговых палат. Со стен домов аршинными буквами бросались в глаза лозунги, повторяющиеся в отпечатанных на ротапринтере разноцветных листовках. И везде неизменно присутствовало слово: «Долой!..». Ярко выраженный антиправительственный характер народного гнева не вызывал сомнений даже у ревностных приверженцев теории и практики негритюда.

Три недели жила страна в неослабевающем напряжении, три недели царили страх и неуверенность в одном лагере, гнев и возмущение — в другом. Чтобы преодолеть этот острейший кризис, правительству пришлось пойти на уступки: освободить арестованных, снять запрет с деятельности профсоюзных и студенческих организаций, повысить зарплату и стипендии, поставить во главе университета и всех его факультетов сенегальцев, заменить сенегальцами и руководителей ряда торгово-промышленных организаций. Но даже эти уступки вряд ли помогли бы выйти стране из состояния кризиса, если бы они не сочетались с присущим Л. Сенгору искусством политического маневрирования.

Один из близко стоявших к нему людей, французский социолог П. Фужейрола, в книге «Куда идет Сенегал?», написанной по следам событий 1968 года, это качество Л. Сенгора охарактеризовал так: «Его сила заключается... в исключительном умении использовать людей и обстоятельства». Именно благодаря такому умению, считает П. Фужейрола, «сенегальский режим устоял».

В те критические дни, «используя людей и обстоятельства», пугая одних реальной угрозой военного переворота, а других — мифической «опасностью марксистской диктатуры», сенегальскому руководителю удалось добиться раскола в рядах профсоюзов и ассоциации предпринимателей, перетянуть на свою сторону некоторых деятелей этих организаций, предоставив им высокие — вплоть до министерских — посты, и обеспечить со-

здание лояльных правительству организаций профсоюзов и предпринимателей.

Так было разрушено и без того хрупкое, возникшее уже в ходе самих событий единство оппозиции, а ее наиболее радикальные представители оказались в изоляции. Об использовании традиционных элементов сенегальского общества для поддержки режима мы уже рассказали.

Кризис 1968 года удалось преодолеть, но не ликвидировать, так как сохранились все причины, вызвавшие его. Центром противостояния правительству остаются высшие и средние учебные заведения, где едва ли не ежегодно вспыхивают волнения, которые вызывают длительные перерывы занятий, бесконечные перетасовки в высших эшелонах власти и вынуждают прибегать к идеологическому маневрированию.

Другой чувствительный удар по негритюду был нанесен за пределами Сенегала — в Алжире, где в 1969 году проходил первый Panaфриканский фестиваль культуры и искусства. Собравшиеся там авторитетные представители подавляющего большинства африканских стран — как Северной, так и Тропической Африки — недвусмысленно отвергли эту концепцию как бесплодную и наносящую вред африканским народам, поскольку она уводит их в сторону от магистральных путей решения самых насущных проблем континента и преодоления вековой отсталости. Отрицание негритюда в Алжире было настолько единодушным и зачастую резким по форме, что даже сенегальская делегация не нашла в себе мужества громко выступить в его защиту. Впрочем, может быть, дело не в недостатке мужества, а в отсутствии убежденности в этой теории?

Как бы там ни было, но утверждать после Алжира, что «битва за негритюд» уже выиграна, перестал и Л. Сенгор. Он, разумеется, продолжает ее — ведь это дело и цель всей его жизни, — организует различные коллоквиумы и симпозиумы, отвечает своим оппонентам, но думается, что это уже «арьергардные бои», призванные скорее спасти честь флага, чем обеспечить перелом в ходе сражения.

Сенгоровская концепция негритюда на всех этапах своего развития как по содержанию, так и по форме ее изложения всегда была обращена главным образом к интеллигенции. Даже приверженцы этой концепции, не говоря уж о ее противниках, нередко упрекали Сенгора за нарочитую «элитарность» его теоретических построе-

ний. Уместно задать вопрос: как же восприняла негритюд африканская интеллигенция?

Нам не раз доводилось беседовать на эту тему с различными по убеждениям и положению в обществе представителями интеллигенции: преподавателями и юристами, поэтами и художниками, кинематографистами и журналистами. И в Сенегале, и в других африканских странах приходилось слышать разные по форме, но весьма сходные по существу оценки: «кому и зачем все это нужно?». Коротко и хлестко это наиболее распространенное отношение к негритюду выразил известный нигерийский поэт Воле Шойинка. «Тигр,— писал он,— не рассуждает о своем тигритюде, он прыгает».

Это высказывание пришлось настолько «не в бровь, а в глаз» адептам негритюда, что сам Л. Сенгор постоянно возвращается к нему, полемизируя с В. Шойинка. Свое отношение к негритюду выразил и хорошо известный у нас в стране конголезский писатель Чикайя У Тамси. «Негритюд — это плод определенного поколения и определенной школы,— говорил он.— Я принадлежу к другому поколению и другой школе, к тому же я смешливый человек и не могу удержаться от приступа смеха, когда мне пытаются преподать урок».

Такие суждения показательны для творческой интеллигенции Африки — той самой, из которой вышел и Сенгор.

Есть, конечно, и другие оценки. Их, кстати сказать, скорее можно услышать в среде так называемой «служилой» интеллигенции, так или иначе связанной своим положением в государственном аппарате. Как раз в этой среде чаще всего попадаются такие люди, которые, по выражению профессора Ки-Зербо, «буквально окопались в негритюде». И, думается, совсем не случайно этот авторитетный и тонкий знаток африканской действительности о таких «окопавшихся» писал, что они воспринимают будущее «через глагол „иметь“, а не „быть“». Пока идут бесплодные споры о негритюде, подчеркивал Ки-Зербо, африканских рабочих и крестьян захлестывают волны нищеты и невежества, не оставляя им ни времени, ни возможности для теоретизирования по поводу своей культуры.

«Не подлежит сомнению,— продолжал вольтийский ученый,— что подлинная культура — это лишь та, которая исходит от народа. Чтобы не обернуться академизмом или салонной игрой для посвященных, культура

должна постоянно питаться корнями, уходящими в глубь народных масс, которые и являются самым великим ее творцом». Высокую миссию африканской интеллигенции он видит в том, чтобы, погрузившись в гущу народных масс, пробудить их сознание, поднять их и вместе с ними подняться самой к высотам новой африканской культуры.

За годы, проведенные в Африке, мне посчастливилось близко познакомиться со многими интеллигентами, кто именно так и понимал свою миссию и с честью выполнял ее, презрев жизненные блага, сытость и безмятежность повседневного существования. Численно их может быть и меньше, чем тех, кто «окопался» в кабинетах и воспринимает жизнь через глагол «иметь». Но каждый истинный патриот в рядах африканской интеллигенции стоит целого батальона «окопавшихся». Убежден, что это как раз тот случай, когда дело решают не «большие батальоны», когда и один в поле — воин.

О некоторых из них мне и хочется рассказать.

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЕ

Находящаяся недалеко от Дакара рыбацкая деревушка Йоф известна далеко за пределами Сенегала тем, что она дала свое имя крупнейшему в Западной Африке международному аэропорту. Его бетонные полосы раскинулись сразу за околицей. Но даже в Дакаре немногие знают, что по другую сторону деревни, на берегу океана, — да так близко, что брызги прибоя порой долетают до порога, — приютился маленький и скромный домик. Хозяин с удовольствием показывает не столь частым гостям и дом, и уютный дворик, не забывая сообщить, что все это сделано собственными руками. Он невысок ростом, порывист, с густой бородкой и неизменной трубкой в зубах, с лукавой смешинкой в слегка прищуренных карих глазах. Зовут хозяина Сембен Усман. Здесь, под немолчный шум прибоя, он живет и работает, создавая свои романы и стихи, рассказы и киносценарии.

Советскому читателю и зрителю Сембен Усман хорошо известен как автор таких романов, как «Сын Сенегала» и «Тростинки господ бога», или фильмов «Черная из...», «Почтовый перевод» и других, демонстрировавшихся на кинофестивалях в Москве и Ташкенте.

Сембен Усман родился в Казамансе, служил во фран-

цузской армии, после демобилизации работал докером в марсельском порту. Дебютировал он как писатель и быстро достиг известности своими остросоциальными, реалистическими романами, в которых поднимаются проблемы борьбы против угнетения и эксплуатации, за человеческое достоинство и свободу, за справедливость. Подлинными героями произведений Сембена Усмана всегда остаются простые, обездоленные люди — его соотечественники.

Когда судьба молодого писателя, казалось, окончательно определилась, он неожиданно даже для близких друзей делает крутой поворот в сторону кино. Выпускник ВГИКа Сембен Усман быстро становится одним из наиболее известных и популярных африканских кинематографистов. Постоянный участник многих международных кинофестивалей, он редко уезжает домой без награды за представленные им картины. В основе многих из них, как, скажем, «Почтовый перевод» или «Хала», лежат его же романы. Но если Сембена Усмана спрашивают о его профессии, он отвечает «кинематографист». Поворот в своей творческой судьбе объясняет просто:

— Для кого я пишу, к кому прежде всего обращаюсь? — говорит он. И сам же отвечает:

— Для моего народа, для простых людей из городских трущоб и деревенской глуши. Ведь смысл творчества, как я его понимаю, не в том, чтобы услаждать эстетические чувства кучки избранных, наслаждающейся жизнью элиты, а в том, чтобы пробуждать сознание масс, «вгрызаться» в сердцевину проблем, из которых и состоит их жизнь. Пока простые труженики не поймут, в чем корни этих проблем, она к лучшему не изменится.

— Но кто меня читает в Сенегале? — спрашивает Сембен Усман. — Писать я вынужден на французском, потому что письменной литературы на местных языках не существует. А на этом языке у нас говорят процентов 15—20 населения, а читают и того меньше. Выходит, что среди читателей преобладают как раз те обуржуазившиеся прозападные выскочки, карьеристы и хапуги, чью порочную мораль я и хотел бы выжечь если не каленым железом, то хотя бы «глаголом».

Да, это действительно жестокая ирония судьбы, когда писатель, вышедший из гуши народа и проникнутый страстным желанием говорить со своим народом, оказывается отделенным от него непреодолимым языковым барьером.

— Вспомните, что говорил В. И. Ленин о кино, — продолжает Сембен Усман. — Его слова вдвойне справедливы у нас в Африке, где для миллионов неграмотных кино — это единственное окно в мир. Поэтому и пользуется оно необычайной популярностью. А показывают африканцу в это «окно» самую низкопробную дрянь, дешевые поделки с драками, сексом, «красными злодеями» и побеждающими их героями-суперменами. Так я и пришел к убеждению, что мое место — в кино. С экрана я могу обращаться как раз к тем, до кого хочу донести свое слово. Если, конечно, удастся пробиться на экран.

С этой проблемой я был хорошо знаком, и не было нужды терзать собеседника ненужными вопросами. По поводу демонстрации в Сенегале любого из его фильмов неизменно разворачивалась длительная и изматывающая борьба. И сам он, и его многочисленные друзья делали все, что могли, чтобы очередная картина дошла до зрителя. Но, увы, они чаще терпели поражение, чем праздновали победу.

В Сенегале монополия на прокат кинофильмов, как и во многих других западноафриканских странах, принадлежала в 70-е годы двум французским фирмам — СЕКМА и КОМАСИКО. Они владели коммерческими кинотеатрами, определяли репертуар и, само собой разумеется, клали в карман всю прибыль от демонстрации фильмов.

Доходы этих гигантов кинобизнеса были таковы, что позволяли фактически осуществлять цензуру на показ кинофильмов не только в собственных кинотеатрах, но даже в так называемой некоммерческой сети: в учебных заведениях, клубах, культурных центрах. Для этого было достаточно купить фильм, обеспечив за собой, таким образом, исключительное право на его демонстрацию, и положить его затем на самую дальнюю полку в своем хранилище. Даже располагая копией такого фильма, его нельзя было показать без согласия фирмы.

Такая судьба постигала некоторые из советских кинокартин; попадали в этот «заколдованный круг» и фильмы Сембена Усмана. Не продать их он не мог, поскольку нужно было возмещать произведенные расходы, а продажа, как правило, не означала, что лента дойдет до зрителя. Парадоксально, но факт: с фильмами сенегальского мастера кино советский зритель знаком лучше, чем его соотечественники.

В своих кинокартинах Сембен Усман выступает одновременно как сценарист, как режиссер и как продюсер.

— И осветитель, и костюмер, и вообще «мальчик на побегушках», — смеясь, добавляет он. — А что делать? Нет кадров киноработников, нет денег и технических средств для производства полнометражных художественных фильмов. Приходится подписывать контракты с французскими студиями и снимать, экономя каждый франк, иначе потом не расплатиться.

В картинах Сембена Усмана, как правило, нет профессиональных артистов. Даже главные роли исполняют любители. Так было в одной из первых лент, «Черная из...», где дебютировала на экране юная, трогательно бесхитростная Мбиссин Диоп. Так было и в работе уже зрелого мастера «Почтовый перевод», где главные женские роли исполняли Иссё Ньянг и Юнус Сей, которая до этого была известна как художница, а не как актриса. В главной мужской роли с блеском снялся скромный дакарский служащий Фай.

С «легкой руки» Сембена Усмана некоторые из них стали потом профессиональными артистами, как Иссё Ньянг или Мбиссин Диоп. Но дело, конечно, не в его «легкой руке», а в художественном чутье, помогающем ему обнаруживать в людях скрытые таланты, и в превосходном знании материала, который он кладет в основу кинолент.

— Да, я редко снимаю профессионалов, — говорит Сембен Усман, — но не по соображениям экономии, а во имя жизненной правды. Африканский зритель чутко реагирует на любую фальшь, когда показывают в фильме его повседневную жизнь. Вот почему, приглашая сниматься артиста-любителя, я стараюсь отыскать его среди тех, кого ему придется изображать на экране. В этом случае ему не надо объяснять, что делать, как говорить и жестиковать, какую изобразить походку: он ведь играет самого себя.

В своем творчестве, будь то художественная проза, поэзия или кинематография, Сембен Усман исходит из принципа, что искусство, как и художник, не может быть нейтральным. Добро и зло в его произведениях всегда имеют четкий социальный адрес. И они так резко очерчены и противопоставлены друг другу, что парижский журнал «Африк литерэр э артистик» усмотрел в творчестве Сембена Усмана даже симптомы манихейзма, тенденцию видеть и изображать окружающее лишь в черном и белом свете, без полутонов и оттенков.

Сам он не любит литературно-теоретических дискус-

сий по поводу своих произведений. Для него важно мнение не профессиональной критики, а восприятие его работ читателями и зрителями.

Добро в романах и фильмах Сембена Усмана предстает всегда в облике простого человека, труженика, униженного и оскорбленного обитателя кварталов городской бедноты, крестьянина или рыбака. И еще — женщины, благородной и гордой, терпеливой и многострадальной африканской женщины. Зло олицетворяют жадные и беспринципные, коварные и жестокие «нувориши», добившиеся богатства и власти бесчестным путем. Не моргнув глазом, они отбирают последнее у своих неимущих соотечественников, обрекают их на страдания и позор. Омерзение и ненависть вызывают эти типы, для характеристики которых автор не жалеет сатирических красок. Резко и беспощадно бичует он и традиционную знать, паразитирующую на живом теле народа.

Действительно, рисуя добро и особенно зло, Сембен Усман обходится, как правило, без полутонов: «черное» у него черное, а не серое или «в крапинку», «белое» — на самом деле безупречно.

В Африке идет бой за счастье и справедливость, за нового, свободного от родимых пятен рабства человека. В этом бою вместе с другими представителями прогрессивного африканского искусства участвует и Сембен Усман, чьи фильмы бьют точно в цель. Будь это иначе, они не встречали бы такого изощренного сопротивления на пути к зрителю.

Вслед за Сембеном Усманом, его другом и единомышленником Полэном Виейра, стоящими у истоков сенегальской кинематографии, поднимают острые социальные и нравственные проблемы в своих лентах молодые сенегальские кинематографисты.

Глубокое впечатление произвел на нас один из первых фильмов известного ныне режиссера Абубакара Самба. «Когда снег остался позади...» — так называется его короткометражная картина, снятая на 16-миллиметровую черно-белую пленку. Вокруг Африканского культурного центра, куда мы приехали на просмотр фильма, теснилась огромная толпа. Ее едва сдерживал кордон полиции. Пробившийся нам навстречу с помощью двух полицейских директор центра Дуду Гей сокрушенно развел руками:

— Видите, что творится... Мы разослали ровно столько приглашений, сколько мест в зале, но молва так ши-

роко распространилась по городу, что желающих попасть на сеанс оказалось много больше. Пришлось даже вызвать полицию.

Действительно, зрители сидели уже на подоконниках и на коленях у счастливчиков, которым удалось захватить стулья.

Сюжет картины предельно прост. Молодой африканец возвращается домой после нескольких лет учебы во Франции. Облаченный в безукоризненный черный костюм и белоснежную рубашку с галстуком юноша спускается по трапу самолета под палящими лучами дакарского солнца. Его радостно приветствует собравшаяся в аэропорту многочисленная родня в праздничных национальных одеяниях, а возле дома, куда подкатывает вереница такси, уже толпятся соседи, жаждущие поглазеть на «заморского гостя» и разделить радость его семьи.

Наш герой явно смущен: он отвык от таких сборищ и простоты нравов. Но все испытания еще впереди... Первый шаг из машины — и ноги, обутые в ярко начищенные модельные ботинки, вязнут в песке. Торжественная трапеза ожидает его не за столом, которого нет в отчем доме, а на циновке, расстеленной прямо во дворе. И руки приходится мыть не над умывальником, а над тазиком, под струей воды из кувшина, который принесла догадливая сестренка. Аппетитно дымится на циновке огромное блюдо кус-куса, вокруг которого привычно расселась на песке семья. Но как приступить к еде, когда нет ни тарелок, ни столовых приборов?! Уловив смятение сына, мать подает ему единственную в доме алюминиевую ложку, и он принимается черпать еду, с трудом преодолевая брезгливость. Не клеится и беседа «за столом»: молодому человеку не интересны местные новости, он давно забыл имена многих родственников и соседей, а его рассказы о Париже вызывают такие нелепые вопросы, что на них не знаешь как ответить... Улыбка уже исчезла с лица юноши, на нем написаны растерянность, уныние и едва скрытое чувство превосходства.

Он отвык. Отвык от образа жизни своего народа, от дум и забот близких, от их разговоров о видах на урожай и ценах на рынке или о том, как удачно сосед выдал дочь замуж за почтового служащего... Тут не читали тех книг и не видели фильмов, о которых он порывался было высказать свое суждение. За нарастающим раздражением он и не замечает такта и душевной теплоты, которыми старается окружить его семья.

В последних кадрах картины мы видим героя за столиком модного дакарского ресторана в окружении «европеизированных» сверстников. Он снова весел и оживлен. Потягивая виски из запотевших бокалов, перебивая друг друга, они болтают без умолку, вспоминая о тех краях, где зимой идет снег и люди катаются на лыжах и коньках...

Фильм Абубакара Самба, как и его название, кончается «многоточием». Автор предоставляет зрителю самому решить, какой выбор сделает в конце концов его герой и как распорядится он своей судьбой. Но острая драма той части африканской интеллигенции, которая получила образование и воспитание на Западе, прозвучала в этой короткой, лишенной каких-либо кинематографических эффектов ленте с редкой выразительной силой. «Черная птица» вернулась в родное гнездо: найдет ли она в нем свое место или окажется «белой вороной»?

С легкой руки западных социологов таких людей в Африке именуют теперь «белыми воротничками». Сколько их сидит в административных офисах, в конторах банков и компаний, сколько их, имея «в качестве мишени западный образ жизни», как выразился один наш бенинский знакомый, вершат или пытаются вершить судьбами соотечественников.

Как и постановщик этого фильма Абубакар Самб, в гущу жизни вторгаются своими работами Махаман Траоре, Тидиан Ав и другие сенегальские кинематографисты молодого поколения. Для них Сембен Усман — не только друг, но и наставник на творческом пути.

Но какое бы большое место в его жизни ни занимали кино и литература, они не заполняют ее полностью. Более того, если его послушать, то может показаться порой, что они вообще для Сембена Усмана не главное. Не припоминаю ни одного случая, когда бы он в часы досуга отдавал предпочтение кино или писательскому труду. Зато много и охотно говорит о проблеме развития национальных языков африканских народов, создания письменности на них, внедрении национальных языков в школьные программы.

— Ты только подумай,— и, не в силах усидеть на месте, Сембен вскакивает и начинает расхаживать по маленькой гостиной, натываясь на мебель,— ведь мы учим детей грамоте на иностранном языке! Представь себе: приходит твой ребенок в школу, а учительница вместо русского «здравствуйте» говорит детям французское

«бонжур». И так все десять лет: дома дети говорят на родном языке, в школе — на французском: физика, химия и ботаника, история и литература — все на чужом языке.

Представить себе подобное было, действительно, трудно.

— Африканский ребенок,— развивал свою мысль собеседник,— постигает мир через чужой понятийный аппарат, который к тому же часто никак не совпадает с привычными ему представлениями. Такие знания остаются поверхностными. Поскольку с родной речью дети имеют дело только в устной форме, их умственная работа ограничена рамками иностранного, да и то не очень глубоко усвоенного языка. Так начинается отставание в развитии мышления, ибо мозг оказывается на голодном пайке.

В другой раз эту же проблему Сембен Усман затронул в новом и неожиданном свете. Вернувшись из очередной поездки в Советский Союз, он с увлечением рассказывал о развитии в нашей стране системы профессионально-технического образования.

— Ваша молодежь,— говорил Сембен Усман,— увлекается техникой и охотно идет в технические учебные заведения. Этим обеспечиваются непрерывность и высокие темпы научно-технического прогресса. Для нас же, в Африке, привлечение молодежи к рабочим профессиям, иначе говоря, обучение ее ремеслу,— это не только вопрос подготовки кадров, но и сложная социальная проблема. Ведь речь идет о сложившейся системе ценностной ориентации подрастающего поколения.

— Ты, конечно, знаешь,— продолжал Сембен Усман,— что самые престижные профессии у нас — это адвокат, врач, чиновник в государственном учреждении, на худой конец клерк даже в захудалой конторе. Но клерк, а не квалифицированный рабочий, не мастер. На то есть много различных причин, и одна из них — это наша система образования, которая заведомо дает такую ориентацию.

— Представь себе ученика,— пояснил свою мысль собеседник,— который тратит годы на изучение чужого языка: лексики, грамматики, фонетики. Для чего, ради какой цели? Конечно, не для того, чтобы потом взять в руки ножовку или рубанок. Нет, с первых же школьных дней перед ним маячит другая цель: получив свидетельство об окончании школы, занять место в каком-нибудь «офисе», иметь «чистую» работу и пробиваться на руко-

водящий пост. Об этом же, кстати, ему постоянно твердят домашние.

— Да и сами школьные программы построены так,— продолжал Сембен Усман,— что не готовят ученика ни к какому другому роду деятельности. За исключением редких энтузиастов никто в школе не пытается преодолеть традиционное для африканцев неуважение к ремеслу. Ты ведь знаешь, что у нас каста ремесленников считалась одной из низших.

— Но при чем здесь обучение на иностранном языке? — спросил я.

— А при том,— сказал Сембен Усман,— что азам ремесла, как азбуке, надо обучать детей с молочного возраста, и на родном, а не на чужом языке. Иным путем из прошлого века в нынешний не перешагнешь.

Слушая горячие рассуждения Сембена Усмана, я еще не знал близкого к ним по духу высказывания Альберта Швейцера, на которое наткнулся позже в его «Письма из Ламбарене».

«Как это верно,— писал А. Швейцер,— что культура начинается не с чтения и письма, а с ремесла! Здесь нет ни единого ремесленника, и поэтому никакого движения вперед быть не может. Негры учатся читать и писать,— развивал свою мысль. А. Швейцер,— не обучаясь одновременно еще и ручному труду. Эти познания дают им возможность получать места продавцов и писарей, и они сидят в помещении, одетые во все белое. Ремесла же находятся в пренебрежении». С той поры, когда были написаны эти строки, прошло более полувека, а изменений в системе образования и в психологии почти не произошло.

Все свое свободное время, которое остается в перерывах между съемками фильмов и писательским трудом, Сембен Усман отдает практической работе по разработке транскрипции наиболее распространенных в Сенегале языков и их внедрению в программы начальных школ. Он постоянно и активно участвует в деятельности Дакарского центра прикладной лингвистики, который занимается, в частности, составлением учебников, методических пособий и подготовкой преподавательских кадров.

Но в его рассказах о работе этого центра частенько звучало разочарование, а порой и раздражение. Слов нет, проблемы, с которыми сталкивается это учреждение, невероятно сложны и многообразны, их решение требует и времени, и объединения усилий большого числа специалистов, и просто материальных средств. Но Сембена

Усмана угнетали не трудности, а равнодушие, бюрократизм и даже едва замаскированная враждебность, на которые наталкивались многие рекомендации центра прикладной лингвистики по внедрению местных языков в начальных школах.

— Саботажники! — раздраженно бросил он, вернувшись однажды с очередного бесплодного заседания в каком-то из министерских кабинетов.

— Но кому и зачем нужно саботировать столь важное дело? — удивился я. — Ведь существует же подписанный президентом декрет об обучении на родном языке, об этом без конца пишут газеты, говорят в своих выступлениях ответственные деятели, даже в государственных планах развития есть соответствующий пункт.

— Все есть, — ответил Сембен Усман, — нет лишь главного — дела. А почему нет? — так и не ответив, он лишь махнул рукой. И вместо столь знакомой лукавой смешинки в глазах промелькнула тень усталости и грусти.

Но этот бывший марсельский докер и профсоюзный вожак никогда не был бы тем Сембеном Усманом, которого знает сегодня прогрессивная Африка, если бы впадал в уныние и пасовал перед трудностями и неудачами. Нет, он не из тех, кто может, сложа руки, ожидать отправления поезда, как писал Ж. Ки-Зербо, «к земле обетованной грядущего». Он продолжает действовать.

Вместе с группой таких же, как он, энтузиастов Сембен Усман начал издавать на языке волоф, самом распространенном в Сенегале, журнал «Кадду», который быстро завоевал широкую популярность и стал важным инструментом развития национальной культуры. Вечерами его редко можно застать дома: он дает уроки в школе для взрослых, проверяя на практике разработанные с его участием методики преподавания волоф. А проходит год-другой — и появляются либо новая картина, либо новая книжка Сембена Усмана, которые сразу же заставляют о себе говорить.

Мамаду Траоре Диоп. Встречая сейчас это имя среди известных сенегальских поэтов, я никак не могу отделаться от впечатления, что это какой-то другой Диоп, а не тот еще совсем мальчик в потертых брюках и застиранной до белизны голубой рубашке, который появился однажды в Советском культурном центре. Ведь Диопов в Сенегале, как Ивановых в нашей стране, хоть пруд пруди.

Мне хорошо запомнилась эта первая встреча с ним. «Траоре, поэт», — отрекомендовался посетитель. И я с тоской представил себе предстоящий разговор: сейчас на стол ляжет рукопись — хорошо, если отпечатанная на машинке, — и речь пойдет об оказании помощи для ее публикации.

Но Траоре ничего не попросил, а предложил два приглачительных билета на вечер молодых сенегальских поэтов в дакарском Доме молодежи. «Будем рады, если сможете прийти», — сказал он и распрощался.

На этом вечере Мамаду Траоре Диоп выступал в роли ведущего. Все в той же будничной одежде выходил он на эстраду и читал стихи, но больше даже не свои, а безвременно погибшего соотечественника Давида Диопа — пламенного революционного поэта, беспощадно бичевавшего колониализм и страстно воспевавшего будущую молодую и свободную, исполненную достоинства Африку. Появляясь перед переполненным залом, Траоре как бы задавал тон необычному поэтическому вечеру и связывал воедино его фрагменты. Необычным же вечер был потому, что исполнители не просто декламировали стихи, а разыгрывали выразительные сценки, сопровождавшиеся и музыкой, и пением, и танцами. Зал реагировал на них одобрительными возгласами и то и дело взрывался аплодисментами.

По окончании вечера мы разыскали Траоре за кулисами, от души поздравили его с успехом и поинтересовались, почему он читал стихотворения Давида Диопа, а не свои, как другие участники этого поэтического праздника.

— Я еще не научился писать так, как писал Давид, — ответил он. — Не могу пока с такой силой и страстью выразить в стихах наши боль и гнев, любовь и ненависть. К тому же наша молодежь не очень хорошо знакома с его творчеством: стихотворения Диопа почти не переиздаются, говорят, что они уже «не созвучны» времени. А как их воспринимали, вы видели сами.

— Кстати, — добавил юноша, — свои стихи я пока подписываю именем, а не фамилией. Право ставить под ними фамилию Диоп еще нужно завоевать.

Так завязалась наша прочная и добрая дружба. С активной помощью Мамаду Траоре Диопа в Советском культурном центре проводились поэтические вечера, получавшие доброжелательную оценку в местной печати, он был одним из организаторов нашего литературного

кружка и неизменным участником встреч с приезжавшими в Дакар советскими писателями и поэтами. Этого неутомимого, одержимого поэзией юношу отличало одно качество: проделав огромную работу, обеспечивающую успех очередного мероприятия, он в последний момент умудрялся оказаться в тени, будто в этом и нет никаких его заслуг.

Получив стипендию сенегальского правительства, Мамаду Траоре Диоп отправился на учебу в США. Годы жизни в этой стране не изменили ни его убеждений, ни его характера. Вернувшись на родину, он с прежней энергией включился в работу, смысл которой полнее всего можно было бы выразить словом «просвещение» в том высоком его значении, которое выходит далеко за рамки школы и ее проблем. Траоре много выступает в печати и по радио, активно участвует в работе Африканского культурного центра, стал одним из ведущих деятелей Национальной ассоциации сенегальских писателей.

После поездки в Советский Союз Мамаду Траоре Диоп написал книгу, проникнутую глубоким чувством уважения и признательности к советскому народу, открывшему эру революционного преобразования мира. Назвал он ее просто и выразительно: «В стране Ленина».

Однажды, много времени спустя после знакомства с Диопом, я рассказал ему, с какими нехорошими мыслями встретил его в первый раз. Он рассмеялся:

— Знаете, я ведь этого и опасался. Если бы не Жан Бриер, то, наверное, долго бы еще не решался к вам зайти.

Жан Бриер — это, пожалуй, самая колоритная личность среди его коллег — поэтов и писателей, — живущих в Сенегале. Судьба этого человека необычна даже по самым неординарным меркам. Если бы существовал прибор для графического изображения человеческих судеб, то линия жизни Жана Бриера на таком приборе напоминала бы сейсмограмму нешуточного землетрясения.

Родился он на острове Гаити в 1909 году. Девятнадцатилетним юношей стал директором школы, в двадцать — одним из организаторов общенациональной забастовки против американской оккупации острова, в двадцать один — дипломатическим сотрудником гаитянского посольства в Париже. Впоследствии Ж. Бриер занимал ответственные посты в МИДе, был чрезвычайным и полномочным послом в Аргентине, членом кабинета минист-

ров Гаити. А промежутки между этими назначениями были заполнены тюремными заключениями по политическим мотивам, пытками, моральными и физическими страданиями. Сменяли друг друга правительства острова, и круто менялась судьба Ж. Бриера, бросая его из министерского кабинета в камеру узника.

Вчитываясь в скупые строки его биографии, за которыми стоят все эти драматические перипетии, нельзя не проникнуться глубоким уважением к этому человеку, его стойкости и силе духа. Ведь стоило ему хоть бы раз уступить, отречься от своих идеалов свободы, справедливости, человеческого достоинства, и линия его жизни, уже не ломаясь, устремилась бы вверх. Или, точнее, наверх. Но Ж. Бриер ни разу не отрекся, не уступил приходившим к власти диктаторам и марионеткам — палачам гаитянского народа.

Первая книжка стихов Ж. Бриера — драматическая поэма «Знамя грядущего» — вышла из печати в Порт-о-Прэнсе в 1931 году. Двумя годами позже появился сборник лирических стихотворений «Сокровенные песни». С тех пор, писал о себе Ж. Бриер, я уже не занимался самовыражением, а начал воспевать иные вещи, нежели скорбь и любовь, тоску и страсть. К сказанному можно добавить, что после этого сборника в различных издательствах Латинской Америки, Европы и Африки было опубликовано еще свыше двадцати книг Ж. Бриера.

Самым памятным из многочисленных арестов для поэта оказался тот, который был связан с его неудавшейся поездкой в Советский Союз в 1958 году. Над его родиной уже опустилась кошмарная ночь диктаторского правления «папы Дока» — американского ставленника Франсуа Дювалье. Только что выпущенный на свободу после очередного заключения Ж. Бриер получил приглашение принять участие в первой конференции писателей стран Азии, Африки и Латинской Америки в Ташкенте.

В бюро путешествий, где он должен был получить в день вылета паспорт с визами и билет на самолет, ему сказали, что за паспортом ему необходимо явиться в полицейское управление.

— Я вспомнил, — рассказывает поэт, — как совсем недавно, выпуская меня из тюрьмы, где я без предъявления каких-либо обвинений и постановления суда просидел три месяца, полицейский унтер злобно процедил: «Катись отсюда и больше не попадайся нам на глаза, ясно?!». Мне всё было ясно, — продолжает Ж. Бри-

ер, — не отказываться от шанса побывать в Советском Союзе, на родине Ленина, я не мог, хотя и подозревал, что в полиции получу паспорт не в Ташкент, а в Форт-Диманш — так хорошо мне знакомую тюрьму гаитянской столицы.

Едва переступив порог мрачного здания полицейского управления, он понял, что его подозрения оправдываются. И действительно, полчаса спустя его уже подвергали унижительной процедуре обыска и изъятия личных вещей в тюремной канцелярии.

— Когда захлопнулась дверь камеры и я привычно начал мерить шагами новое «обиталище», — говорит Ж. Бриер, — мое внимание привлек шум моторов. Прислушавшись, я определил, что это режут двигатели самолета, который готовится к взлету: ведь тюрьма находится недалеко от аэропорта, а камера, судя по уровню шума, выходит окном как раз в его сторону. Начинаю лихорадочно соображать, который сейчас может быть час. И получается, что взлетает именно тот самолет, которым я должен был улететь.

В 1961 году подвергавшийся постоянным преследованиям Жан Бриер обратился с просьбой о политическом убежище в бразильское посольство в Порт-о-Прэнсе, где и скрывался долгих одиннадцать месяцев, пока не выбрался на Ямайку. Оттуда по приглашению президента Л. Сенгора он прибыл в Сенегал.

Когда мы познакомились с Ж. Бриером, ему оставалось совсем немного до шестидесятилетия. Но энергии и работоспособности этого человека могли бы позавидовать двадцатилетние. Он, казалось, обладает удивительной способностью быть сразу в нескольких местах. Только что вы расстались с ним в его кабинете начальника департамента искусств и литературы министерства культуры, а он уже выходит из подъезда радиодома, где записывал на пленку свою передачу. Вы заходите к директору Национального театра, а Ж. Бриер уже заканчивает с ним обсуждение репертуара. А потом выясняется, что почти в это же время его видели на другом конце города, в Африканском культурном центре, где он давал последние указания перед открытием выставки сенегальских художников.

Но где бы ни находился Жан Бриер и как бы ни был он перегружен работой, достаточно было сообщить ему, что в Дакар приехала делегация советской общественности или деятелей искусства, как он откладывал все дела,

чтобы незамедлительно встретиться с советскими гостями, обстоятельно побеседовать с ними, показать достопримечательности города и острова Горе, который он и любит, и знает основательнее коренных островитян. И делал он все это так добросердечно и со знанием дела, что встречу с Ж. Бриером, особенно если она была связана с поездкой на Горе, мы всегда приберегали как самое «лакомое блюдо» приезжавшим из Союза делегациям.

У нашей Родины много искренних и преданных друзей в Сенегале. Но, не желая кого-либо из них обидеть, должен сказать, что для Жака Бриера любовь к Стране Советов — это такое же святое и непоколебимое чувство, как и любовь к собственной родине, от которой он оторван вынужденным многолетним изгнанием.

Давняя мечта поэта побывать в Советском Союзе осуществилась через десять лет после того, как вместо Ташкента он попал за решетку. И глубоко символично, что эта поездка привела его именно в столицу Советского Узбекистана на очередную конференцию афро-азиатских писателей.

Возвратился домой он очень взволнованным и возбужденным, переполненным впечатлениями от увиденного, от встреч с Расулом Гамзатовым, Константином Симоновым, Юханом Смуулом, у которого гостил в Таллине, и другими советскими литераторами.

— Ты знаешь, я до последнего момента боялся, что опять со мной что-нибудь случится и я не полечу...

С тех пор он много раз бывал в нашей стране, посвятил ей десятки поэм и стихотворений, а в 1973 году в Дакаре вышла в свет его книга «Другой мир». Это, как говорит сам Ж. Бриер, исповедь поэта и признание его в любви и уважении к народу, который дал миру Ленина, совершил Октябрьскую революцию и спас человечество от угрозы фашистской тирании.

За большой вклад в дело дружбы между народами и развитие советско-сенегальских культурных связей Жан Бриер в 1970 году был награжден юбилейной медалью в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Мы встречали его в дакарском аэропорту, когда он возвращался из Москвы с этой наградой. В толпе пассажиров по залитому солнцем летному полю шел худощавый человек с ярко сиявшей золотом медалью на груди и... плакал. Плакал, как ребенок, не скрывая и не стыдясь своих слез. Мы молча обнялись, будучи не в силах

выдавить из себя слова. Наконец, Жан Бриер срывающимся голосом произнес:

— Я счастлив... Ради этого стоило жить. Теперь я ступил на землю своих предков, африканских рабов, с образом В. И. Ленина на груди. До сих пор я носил его только в сердце, а отныне буду носить и здесь,— и он бережно дотронулся до медали на лацкане пиджака.— У меня нет и не будет награды дороже этой.

И на какой бы официальной церемонии ни появлялся потом Жан Бриер, он неизменно с гордостью носил на груди ленинскую медаль — и только ее одну.

Свои мысли о В. И. Ленине и свои чувства к нему Жан Бриер выразил так:

«Сорок лет я ждал этой встречи с Лениным на его земле, разговора с ним, как с живым. Я мечтал показать ему свои зарубцевавшиеся и свежие раны, простреленные знамена поражений и новой борьбы. И прежде всего скромный сад моих мыслей, издалека освещенный и согретый светом и теплом ленинского учения.

Ленин — зачинатель подлинного Возрождения человечества, которое распространяется все шире по нашей планете. Оно достигло уже сердца обеих Америк. Живительным воздухом свободы дышит Куба, восставшая и победившая, как некогда восставал и народ Гаити, еще ждущий освобождения. Голос Ленина звучит в наших сердцах. Ленин будет жить вечно. Его шаги эхом отдаются в цехах заводов, на пашнях, на мостовых столиц мира. Ибо Ленин был, есть и навсегда останется для людей труда образцом революционного вождя, не склонившегося перед силами реакции и угнетения, примером для новых и новых поколений революционных борцов».

Постоянный эмоциональный накал, которым живет этот пламенный поэт, не перестает поражать даже давно и хорошо знающих его друзей. Он всегда заряжен на творчество, и невозможно предугадать, где, когда и по какому поводу родится новое стихотворение, полное внутреннего огня и экспрессии. В разгар оживленной беседы он вдруг как-то отключается, на мгновение уходит в себя, теряя нить разговора. Потом, смущенно улыбаясь, достает из кармана потрепанный блокнот и что-то быстро в него записывает. А на следующее утро приходит с опечатанным на машинке новым стихотворением.

— Жан, послушай, когда ты успел?!

— Ночью...

Однажды мы пригласили Ж. Бриера на дневное пред-

ставление мастеров советской эстрады в Национальном театре. Концерт шел при полупустом зале и, чего греха таить, ни шатко, ни валко. Артисты устали от бесконечных переездов, непривычного климата, да и зиявший пустыми креслами зал не вдохновлял на творческий порыв. Дошла очередь до выступления артистки, которая вышла на сцену совершенно больной, но номер свой провела тем не менее безупречно. Сидя рядом с Ж. Бриером, я поведал ему об этом.

В вечернем представлении эта артистка уже не участвовала: врач категорически предписал ей постельный режим. Когда по программе она должна была появиться перед публикой, на сцену вдруг вышел Жан Бриер и... прочитал стихотворение, посвященное самоотверженности и высокому чувству долга этой русской женщины. В ее поступке он увидел связь с подвигами советских солдат у стен Сталинграда, с героизмом их жен, сестер и матерей, ковавших в лютые сибирские морозы оружие для победы над фашизмом.

— Мы имеем сегодня возможность аплодировать искусству наших гостей потому, что такие люди были и есть в стране Владимира Ильича Ленина,— сказал он в заключение своего импровизированного выступления.

И весь зал, стоя, приветствовал гаитянского поэта и советских артистов, которые не сразу поняли, что произошло: Ж. Бриер ведь выступал на французском, а о своем намерении никого заранее не предупредил.

Африку, как и Гаити, он считает своей родиной. Здесь нет противоречия: его далекие предки, закованные в цепи вместе с другим таким же «живым товаром», вывозились за океан отсюда, от африканских берегов. Этим и объясняются особые чувства, которые вызывает у поэта остров Горе — некогда основной перевалочный пункт работоторговли на западноафриканском побережье.

Шум волн, устремляющихся в промоины, проделанные морем в береговом базальте, и сегодня напоминает здесь стоны рабов, которых загоняли как скот в чрево работоторгового судна.

— Где бы ни жили мои прародители,— говорит Жан Бриер,— но на своем печальном пути в Америку они почти наверняка прошли через казематы Горе.

Советский поэт Александр Городницкий, побывав на этом острове, посвятил ему такие стихи:

Ах, Черная Африка, остров Горе,
Стена каземата на острой горе,

Обрыв, оборвавшийся в море,
Знакомого слова чужой оборот,
Как будто на местный язык перевод
Привычного русского: горе...

Здесь годы и годы
Не ради идей
Со скал этих в воду
Бросали людей,
Уже непригодных к продаже.

Ах, Черная Африка, остров Горе,
В колодки — одни, а другие — в гарем.
Но каждый умрет неизвестным.
Удары плетей, оборвавшийся крик
И древняя песня: прощай, материк,
На чем-то наречии местном.

Мотором стуча, пароходный баркас
Везет нас на берег, доступный сейчас.
Но в горле непрошенным комом
Останется остров — песок и вода,
Который нам не был знаком никогда,

А кажется странно знакомым.

В дни дакарского фестиваля искусств на острове Горе, на его узких, сохранивших облик минувшего улочках и миниатюрных площадях, которые служили естественной декорацией, был показан впечатляющий спектакль, воспроизводивший всю его трагическую историю. Автором и исполнителем текста театрализованного представления был Жан Бриер. Так поэт вернулся на землю предков. Он пришел, чтобы щедро отдать прародине неиссякаемый запас вдохновения, свои обширные познания и жар большого сердца.

Все эти люди — Сембен Усман и Абубакар Самб, Жан Бриер и Мамаду Траоре Диоп — принадлежат к немногочисленной творческой части интеллигенции Африки. Что касается большинства, которое составляет чиновничество, то о нем принято говорить и писать преимущественно в негативных тонах. В художественной литературе утвердился даже определенный стереотип африканского чиновника: консерватор и взяточник, конформист и ленивый тупица. И надо признать, часто этот образ соответствует действительности. Но часто — это ведь не значит всегда. Если уж справедливо утверждение, что плохо за деревьями не видеть леса, то, очевидно, не менее справедливо и противоположное: плохо, когда в захламленном лесу не замечают деревьев ценных пород.

Вот почему, рассказывая о встречах с африканскими интеллигентами, для которых «быть» неизмеримо важнее, чем «иметь», нельзя обойти молчанием еще одного

человека — простого чиновника сенегальского министерства иностранных дел Мамаду Саджи.

...Приближался апрель 1970 года — столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. О повсеместном праздновании этой годовщины была принята специальная резолюция ЮНЕСКО; торжественно отметить эту дату готовились и в Сенегале. Здесь, как и в других странах, был образован Национальный комитет по проведению ленинского юбилея, который должен был подготовить программу соответствующих мероприятий и совместно с советскими организациями обеспечить их проведение.

Как бы задавая тон приближающимся торжествам, президент Л. Сенгор в одном из выступлений назвал В. И. Ленина «величайшим революционером всех времен и народов».

Все это вселяло в нас, сотрудников советских учреждений в Сенегале, веру в то, что славная дата будет достойно отмечена в стране. Несколько смущало лишь одно обстоятельство: практическое руководство работой Национального подготовительного комитета было возложено на второстепенного чиновника министерства иностранных дел, заведующего отделом культурных связей Мамаду Саджи. Весь его отдел состоял из двух человек, включая заведующего. Да и ступенька, которую он занимал в служебной иерархии, была, как нам представлялось, слишком низкой, чтобы можно было надеяться на успешное решение сложных организационных вопросов.

Вот почему, не слишком уповая на эффективную помощь со стороны М. Саджи и его худосочного отдела, мы поначалу пытались обращаться непосредственно в те ведомства и к тем высокопоставленным лицам, от которых зависело решение того или иного практического вопроса. И везде, разумеется, получали заверения в готовности незамедлительно принять необходимые меры, дать указания и обеспечить все, что нужно. Однако время шло, а дело не двигалось с места. Разработанный совместно с сенегальцами план юбилейных торжеств оставался по-прежнему на бумаге.

С этим неутешительным итогом своих демаршей и пришли мы в маленькую комнату, где работали М. Саджи и его помощник и где едва умещались два стола и два стула. Помощнику, чтобы усадить посетителя, приходилось вставать и выходить в коридор.

Мамаду Саджи достал из ящика стола папку с лаконичной надписью на обложке: «Ленин» и вынул из нее

единственный хранившийся там документ — план юбилейных мероприятий. С карандашом в руках, делая какие-то пометки, выслушал наши вопросы и пообещал тотчас ими заняться, любезно проводив нас до лестницы. Нельзя сказать, чтобы уходили мы преисполненные оптимизма.

А через день-другой раздался телефонный звонок. М. Саджи пригласил посетить его в такой-то час. В кабинете находился еще один посетитель, назвавшийся чиновником министерства связи. За какие-нибудь полчаса были решены все вопросы, связанные с выпуском юбилейной почтовой марки, а также организацией филателистической выставки, посвященной жизни и деятельности В. И. Ленина. Столь же оперативно и четко в последующие дни были решены все другие вопросы. Самое поразительное состояло, пожалуй, в том, что М. Саджи ни разу не обратился в «высшие сферы» администрации, а действовал через таких, как он сам, работников среднего звена. И я не припомню случая, чтобы его просьбы и обращения были оставлены без внимания.

Нет, очевидно, нужды говорить, что празднование ленинского юбилея прошло в Сенегале с большим успехом. В Национальном театре состоялось торжественное заседание, на котором присутствовали президент Л. Сенгор, министры, депутаты Национального собрания, видные общественные деятели, журналисты, а также представительная советская делегация.

Официальная часть завершилась концертом известных мастеров советского искусства, который был встречен с таким энтузиазмом, что его пришлось повторить в Советском культурном центре. Выставкой марок и Недель советского кино, лекциями, литературными вечерами, кинопросмотрами и фотовыставками в столице и других городах было отмечено в Сенегале столетие со дня рождения В. И. Ленина. И за всем этим стояла поистине неоценимая работа, проделанная скромным сенегальским чиновником Мамаду Саджи.

Вместе с Жаном Бриером он был удостоен юбилейной ленинской медали, вместе ездили они в Советский Союз, где получили эти высокие награды, одновременно вернулись домой. Проводив М. Саджи до порога его дома, а жил он в Рюфиске, километрах в тридцати от Дакара, я спросил его, когда мы увидимся, чтобы услышать рассказ о поездке.

— О, у меня есть, что вам рассказать, о чем погово-

ритель, — ответил он. — Имей в виду: одного вечера нам не хватит. Вот передохну денек-другой и позвоню...

Но он не позвонил... Через два дня Мамаду Саджи не стало. Он умер от сердечного приступа.

До сих пор не могу себе простить, что в суете и горячке тех памятных дней так и не нашлось времени, чтобы спокойно, без спешки посидеть и поговорить с ним по душам, хотя встречались мы почти ежедневно. Все казалось, что это никуда не уйдет, успеется... А не успелось.

Поговорить же было о чем. Ведь Мамаду Саджи был родным братом известного сенегальского писателя и просветителя Абдулая Саджи, который, тоже безвременно, скончался в 1961 году, едва успев отметить свое пятидесятилетие. Как и другие сенегальские литераторы, Абдулай Саджи снискал глубокую любовь и уважение своих соотечественников самоотверженным служением благородному делу народного просвещения.

Мамаду Саджи достойно продолжил дело старшего брата, выступив со стихотворениями и рассказами, которые получили признание у читателей. Но он решил отложить, как сам говорил, «до лучших времен» литературное творчество, чтобы целиком посвятить себя политической борьбе и практической работе на благо народа. Это благо он видел в осуществлении социалистических идеалов общественного устройства и потому с искренним интересом относился к достижениям и опыту реального социализма. С недоверием воспринимал он различные теории «африканского социализма», как и утверждения об «исключительности» африканского мира.

— Вы не можете себе представить, — говорил он перед отлетом в Москву, — какое значение имеет для меня эта поездка. Ведь наконец я смогу своими глазами увидеть, что такое социализм, смогу поговорить с простыми людьми, узнать, как они живут. Это важно не только для меня: вы не знаете, сколько друзей, думающих, как я, ждут моего возвращения и рассказов очевидца. Ведь и у вас говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз... прочесть, — смеясь, переиначил он известную поговорку.

С друзьями Саджи, а их у него оказалось действительно много, мы часто потом вспоминали этого удивительно скромного и цельного человека. Многое в его облике предстало в новом свете после этих бесед. И еще более горько становилось на душе от того, что дружба с ним, едва начавшись, так нелепо и непоправимо оборвалась.

Кто из нас хотя бы в детстве не мечтал о путешествиях в далекие и необычные страны! Прочитаешь в книжке сочное описание такой страны, а то и просто зацепишься взглядом за название экзотического острова на карте, и вдруг охватит острое желание попасть туда и увидеть все собственными глазами. Скажите, чье воображение не будоражили такие названия, как Таити или мыс Доброй Надежды, Килиманджаро или остров Рапа-Нуи с его таинственными каменными идолами, ныне прозаически именуемый островом Пасхи!

Конечно, разум — этот недремлющий страж рационального начала в человеке — неумолимо возвращает к действительности, приземляя полет разгулявшейся фантазии. Но где-то в тайниках души остается смутное томление, и нет-нет, оно дает о себе знать, возникая в сознании как некий символ несбыточной мечты.

Для меня таким символом на многие годы стал остров Мадагаскар. Еще с юных лет, когда читалась и перечитывалась новиковская «Цусима», запало в память красочное описание острова Носси-Бэ (современное название Нуси-Бе) у северо-западного побережья Мадагаскара, этой последней длительной стоянки эскадры адмирала Рождественского на ее пути к бесславной гибели в волнах Японского моря.

«Взор, блуждая, не знал, на чем остановиться. Все прельщало своей экзотикой: и просинь между лиловых гор, похожих на вздувшиеся паруса, и холмы, истекающие изумрудом растений, и таинственная тень, залегшая в ущельях, и своеобразные извилины берегов, изрытых фиордами. Бывалые моряки уверяли, что окрестность Носси-Бэ по своей красоте напоминает Неаполитанский залив».

Среди столь же живописных берегов в укромных бухтах Мадагаскара находили надежный и желанный приют лихие корсары, считавшие себя, не без оснований, владыками морей. Здесь, на этом острове, они основали вольную республику «Либерталию», бросив как бы не только военный, но и политический вызов европейскому абсолютизму.

Сюда, к берегам Мадагаскара, обращал свои взоры и предприимчивый Петр Первый, рассчитывая найти здесь нужных ему для службы в российском флоте опытных

мореходов, не связанных присягой или иными узами с настороженно враждебными европейскими дворами. А питались эти надежды доходившими до царя слухами об отважных и дерзких морских баталиях, кои учиняли тамошние рыцари морей.

Тут, у берегов Мадагаскара, прославился набегам на английские торговые пути, ведущие в Индию, уроженец Сен-Мало Робер Сюркуф, чье имя теперь неизменно присваивается флагманскому кораблю французского военного флота.

Конечно, с годами романтические были и легенды, волновавшие юношеское воображение, тускнели, а на их место приходили иные, более прозаические, но и близкие к реальностям сегодняшнего дня представления о Мадагаскаре — Великом острове, как называют его малагасийцы. Однако новые представления не убили давнюю мечту повидать эту страну. Более того, даже укрепили ее.

Но шансов на осуществление этой мечты было, пожалуй, не больше, чем на командировку в космос. Установленный на острове после провозглашения независимости в 1960 году режим во главе с Филибером Цирананой всячески препятствовал контактам своих граждан с Советским Союзом, старался отгородить Мадагаскар от социалистических стран неокOLONиалистским занавесом.

Именно потому, что долгие годы Мадагаскар как бы олицетворял для меня желанную, но недостижимую цель, он и стал символом быстротечности и необратимости революционных перемен в Африке.

В 1972 году вместе с проимпериалистическим режимом Цирананы рухнули искусственно возводившиеся им преграды на пути развития дружественных связей между нашими народами. После установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Демократической республикой Мадагаскар (ДРМ) быстро налажился обмен делегациями, преподавателями, студентами, специалистами в различных областях науки, техники, экономики.

А в 1976 году осуществилась и моя давняя мечта. В составе делегации Советского комитета солидарности стран Азии и Африки я впервые попал на Великий остров. Затем последовали другие поездки, позволившие ближе познакомиться с богатой событиями историей Мадагаскара, его нынешними проблемами и заботами, его впечатляющими планами на будущее. А главное — лучше

узнать малагасийцев — народ необыкновенный, в котором слились воедино такие черты, как гордость и мягкость в обращении, мужество и добросердечие, свободолюбие и внутреннее благородство. Народ этот вписал не одну славную страницу в героическую летопись сопротивления поработителям Африки, и нет сомнения в том, что ему суждено сыграть не менее яркую роль в революционном процессе обновления этого континента.

Как часто случается, реальный Мадагаскар, его природа и люди, его история и сегодняшняя жизнь, оказались куда богаче неповторимым своеобразием, чем это представлялось издали.

Когда самолет пересекает береговую черту острова и однообразная, ослепительная под лучами солнца серебристо-голубая гладь океана сменяется земной твердью, оторвать взгляд от иллюминатора уже нет сил. Внизу, сменяя одна другую, разворачиваются картины захватывающей красоты, достойные кисти взыскательного художника. Подернутые дымкой вершины гор и спускающиеся уступом по их красноватым бокам изумрудные квадраты рисовых полей, разбросанные там и сям домики и фиолетовое кипение раскидистых жакаранд, причудливые нагромождения иссиня-черных скал по берегам желто-бурых рек и прилепившиеся высоко на горных склонах поселки не могут никого оставить равнодушным. Разговоры и предпосадочная суета в салоне авиалайнера как-то сразу стихают, и даже заядлые любители поспать в откиннутом кресле тянутся к иллюминаторам.

Глядя с высоты на это красочное разнообразие ландшафта, начинаешь лучше понимать тех натуралистов, которые называют Мадагаскар «континентом в миниатюре».

Сразу же бросается в глаза разнообразие и внешнего облика малагасийцев. Порой просто трудно поверить, что все они — дети одной страны, родившиеся и выросшие на этом острове. Ученые до сих пор теряются в догадках относительно происхождения малагасийцев. Одна из удивительных тайн истории состоит в том, что на острове не обнаружено никаких материальных следов цивилизации каменного века, хотя природные условия Мадагаскара, его относительная географическая изоляция, казалось бы, обеспечивали необходимое для ее зарождения и развития.

Первые поселенцы, как считают специалисты, появились на Мадагаскаре во II—III веках. Они уже владели

технологией производства и обработки железа, были искусными мореплавателями, поскольку добирались сюда от берегов Малайзии и даже Полинезии. Многие тысячи километров надо было преодолеть этим отважным мореходам на утлых суденышках, прежде чем взору их открылся остров с благодатным климатом, плодородными прибрежными равнинами и плоскогорьями, с густыми лесами, полными различной дичи. С радостью, надо полагать, они обнаруживали отсутствие на острове ядовитых змей и хищных животных.

Конечно, такие переходы осуществлялись не сразу через грозный штормами океан, а поэтапно, вдоль берегов Индии, Аравии и Восточной Африки. Возможно, что еще до высадки на острове, о существовании которого они и не подозревали, морские скитальцы сперва оседали на других берегах, смешиваясь там частично с местным населением. В путях и особенностях этой миграции еще предстоит разбираться специалистам, но на сегодня антропологи и лингвисты считают бесспорным, что свою родословную нынешние малагасийцы ведут от выходцев из Юго-Восточной Азии и восточноафриканской ветви народов банту.

Начиная с VIII века на острове стали появляться арабы. Наиболее активным их проникновение на Мадагаскар было в X—XIV веках в связи с расцветом арабской торговой экспансии в западной части Индийского океана. Народность анталаутр, населяющая северо-западную оконечность Мадагаскара, скорее всего, возникла в результате смешения арабов с банту Восточной Африки.

И все же, сколь бы ни была пестрой мозаика этнического состава малагасийцев, сколь бы ни велики были различия их внешнего облика и многообразны местные традиции, этот народ представляет собой очевидную и во многих отношениях сложившуюся историческую общность. Его материальная и духовная культура вобрала в себя все ценное и целесообразное из того, что занесли на остров последовательные волны миграции.

Связь с континентальной Африкой обнаруживается в сходстве пород домашнего скота и приемов выращивания проса, бобовых и бананов, а в социальной области она прослеживается в сохранившихся до наших дней в некоторых районах традициях и обычаях общинной жизни. Юго-Восточная Азия заявляет о себе устройством рыбацких пирог, архитектурой жилья и своеобразным культом умерших родственников. Арабский Восток дал малага-

сийской культуре название дней недели и месяцев, лунный календарь и алфавит, замененный латинским лишь в начале XIX века. Сам малагасийский язык явился результатом слияния и взаимовлияния языков, привнесенных на остров иммигрантами.

Важным фактором национального сплочения послужило образование единого централизованного государства, которое сложилось на Мадагаскаре на рубеже XVIII и XIX веков. Преодоление феодально-этнической раздробленности и прекращение разорительных междоусобных войн на острове стало делом жизни Андрианампунимерина — молодого и энергичного правителя Амбухимангу, одного из небольших королевств в центральной части Мадагаскара. «Границей моих рисовых полей должно стать только море», — заявил он и добился поставленной цели. В 1810 году, когда умер этот глубоко почитаемый малагасийцами король, Мадагаскар представлял собой единое государство с развитой системой административного управления, юрисдикции и налогообложения.

Королевские дворцы в Амбухимангу и в Антананариву стали ныне музеями. Знакомство с ними дает наглядное представление о том, какого расцвета достигло Мадагаскарское королевство за несколько десятилетий, прежде чем его развитие было прервано колониальной оккупацией.

Амбухимангу, где начинал свою деятельность король-объединитель, — это маленькая деревушка, которая находится недалеко от нынешней столицы острова Антананариву. Резиденция Андрианампунимерина расположена на вершине высокого холма, с которого открывается широкая и на редкость живописная панорама окрестностей. Вдали в голубоватой дымке взбираются на такие же холмы пестрые кварталы столицы.

Чтобы попасть в королевский «дворец», если можно так назвать строение из черного дерева с устремленной ввысь двускатной крышей, надо пересечь обширную ровную площадку, на краю которой сооружено возвышение из камня, укрытое тенью вековых деревьев. Это — «зал заседаний», здесь собирались сановники для обсуждения важнейших государственных дел.

Покои королевского «дворца» состоят из одного просторного помещения, в которое попадаешь прямо с улицы. Окон нет, и свет проникает сюда только через дверной проем. Высоко под крышей к стене прилепились полати — ложе короля, куда он взбирался по приставной

лестнице. Королева укладывалась спать внизу, на обычной кровати. Говорят, властный и энергичный король имел лишь одну слабость: был до крайности ревнив, а потому на ночь предпочитал устраиваться так, чтобы ему «сверху было видно все». Это, разумеется, шутка, но малагасийцы не упустят случая пошутить по поводу строгих правил, по которым король всегда, даже спящий, должен был быть выше всех своих подданных. Если бы не фотографии, развешанные по стенам, и не редкие атрибуты королевской власти, то резиденцию Андрианампунимерина трудно было бы отличить от простого крестьянского жилища.

Совсем иное дело — находящийся здесь же, буквально в нескольких метрах, другой дворец: загородная резиденция наследников короля-объединителя. Рядом с непритязательной хижинкой он воспринимается как символ прогресса мадагаскарского государства. Глядя на дворец, построенный по проекту французского архитектора в стиле барокко, трудно отделаться от впечатления, что он по чьей-то прихоти перенесен сюда прямо из парков Петродворца. Стены его помещений отделаны японскими обоями и тисненой кожей из Кордовы, а мебель доставлена из Англии как дар британской короны. К большому сожалению, колониальный грабеж не обошел стороной и музейные ценности: многие реликвии были вывезены из страны и украшают ныне чужие музеи и частные коллекции.

Внушительное впечатление производит королевский дворец в Антананариву, венчающий высшую точку города. Это монументальное здание всем своим обликом символизирует величие верховной власти государства и непоколебимость его устоев. Но и здесь в экспозиции музея преобладают фотографии, воспроизводящие тексты государственных актов тех времен, и портреты королевских особ, сановников и членов дипломатических миссий, которые направлялись ко дворам августейших монархов Англии, Франции, Испании и других европейских держав.

На учебу в Европу ехали малагасийцы, а на Мадагаскар по приглашению правительства приезжали европейские специалисты: инженеры и врачи, преподаватели и ветеринары. На острове развивалось промышленное и ремесленное производство, сооружались дороги, шла оживленная торговля, способствуя экономической консолидации государства.

В 1876 году был принят королевский указ, объявляв-

ший начальное обучение на всей территории государства бесплатным и всеобщим. И хотя это решение в значительной мере было символическим, ибо средств для его практического осуществления у страны не было, оно свидетельствовало о том внимании, которое уделялось на Мадагаскаре делу просвещения. Десять лет спустя вышла в свет первая газета на малагасийском языке — «Тени-шуа» («Доброе слово»). Еще в 60-е годы прошлого века мадагаскарская монархия стала конституционной, и на государственные дела начала оказывать растущее влияние крепнувшая городская буржуазия.

Успешно развиваться, сохраняя свою независимость, Мадагаскару позволяло длительное англо-французское соперничество в западной части Индийского океана. Тактика искусного лавирования между двумя колониальными державами и использования противоречий между ними вполне оправдывала себя до тех пор, пока они не сочли за лучшее договориться между собой о разделе сфер влияния в этом районе. По соглашению, заключенному 5 августа 1890 года, Франция в обмен на признание английского протектората над Занзибаром получила от Лондона свободу рук на Мадагаскаре. Чем она и не замедлила воспользоваться.

За семь лет до заключения этой постыдной сделки на мадагаскарский престол вступила Раваналуна III — последняя королева Великого острова. Церемония ее коронации была отмечена громом пушек. Но то были залпы не торжественного салюта, а французской эскадры адмирала Пьера, которая подвергла бомбардировке мадагаскарские порты Таматаве и Маджунгу.

В предчувствии надвигающейся национальной и личной трагедии двадцатидвухлетняя королева обратилась к своему народу с проникновенным призывом отстоять независимость государства. «О, мой народ! — говорилось в этом обращении. — Всевышний вручил мне эту землю и это королевство, за что я ему глубоко благодарна. Андрианампуинимерина, Радама I, Раваналуна I, Разухерина и Раваналуна II оставили мне в наследство это государство... И если кто-нибудь вознамерится овладеть частью этой земли, пусть даже ничтожной ее пядью, я выступлю в первых рядах, как если бы была мужчиной, чтобы вместе с вами защищать нашу общую родину».

Малагасийский народ оказал поистине мужественное сопротивление захватчикам. Но силы были неравными: Самой Раваналуне не пришлось братья за оружие, но

под артиллерийским обстрелом она была. В сентябре 1895 года ударная колонна 15-тысячного французского экспедиционного корпуса генерала Дюшена прорвала фронт малагасийских войск и устремилась форсированным маршем к столице. И в тот момент, когда в королевском дворце на заседании государственного совета обсуждался вопрос об эвакуации королевы на юг острова для продолжения сопротивления оккупантам, начался обстрел города. Один из снарядов разнес в щепы крышу дворца.

Так, под дулами пушек, королеве пришлось подписать протокол об установлении французского протектората над Мадагаскаром. А год спустя Париж отбросил и этот фиговый листок, маскировавший его колониальные притязания. По декрету «о вступлении французского правительства во владение островом Мадагаскар» он был включен в состав французской колониальной империи. Королева Раваналуна III была низложена и сослана в Алжир, где и скончалась в 1917 году. Многие ее родственники и сановники познали еще более горькую участь, окончив жизнь на эшафоте.

Но издание декрета «о владении» островом Мадагаскар и жестокая расправа с его государственными деятелями отнюдь не означали, что с сопротивлением малагасийцев покончено. Еще около двадцати лет продолжалась на острове партизанская война, которую вели «меналамба» — «люди в красных одеждах», как называли не сложивших оружие солдат национальной армии и присоединившихся к ним крестьян, носивших пурпурные тунки и красные повязки на лбу. Для их усмирения пришлось вызвать из Тонкина признанного «специалиста» по колониальным войнам генерала Гальени, который сразу же прибег к испытанной тактике массового террора. Под его началом набирался опыта будущий «усмиритель» непокорных марокканцев и алжирцев маршал Франции и член Французской академии Лиотэ. Против малагасийцев он, правда, воевал еще в чине полковника.

Можно без преувеличения сказать, что нигде в Тропической Африке французский империализм не сталкивался со столь упорной и, по существу, непрекращавшейся борьбой против своего господства, как на Мадагаскаре. Только сейчас, когда судьбу Великого острова определяют уже не колонизаторы и их приспешники, а революционно-демократические силы малагасийского народа, здесь по крупицам восстанавливают подлинную историю этой

борьбы и ее беззаветных участников — пламенных патриотов родины.

Многие трагические страницы этой истории еще ждут достойного освещения в литературе, хотя о Мадагаскаре, казалось бы, написано уже немало. А некоторые из этих страниц, как, например, деятельность тайного общества «Ви Вату Сакелика» или общенациональное восстание 1947—1948 годов, подавленное колонизаторами с беспрецедентной жестокостью, умышленно замалчивались или грубо искажались буржуазной историографией.

Еще до первой поездки на Мадагаскар мне доводилось слышать и читать об одном из славных сынов малагасийского народа, профессиональном революционере Жане Ралаймунгу. А во время пребывания на острове случай помог узнать много нового и интересного о жизни этого необыкновенного человека. Было это в доме у Жизель Рабесахалы — женщины, чья популярность на Великом острове не вызывает сомнений. Трудно передать словами, какой преданной любовью и непререкаемым авторитетом пользуется она среди своих друзей, с каким уважением относятся к ней даже ее политические противники.

Друзья и соратники по партии зовут ее просто «товарищ Жизель». И где бы вы ни были на Мадагаскаре — в Антананариву или Таматаве, Маджунге или Анцирабе, всюду можно услышать: «товарищ Жизель сказала...», «товарищ Жизель просила...», в трудных же случаях сразу возникает вопрос: «а как отнесется к этому товарищ Жизель?». Несколько минут общения с ней достаточно для того, чтобы подпасть под обаяние этой невысокой, на редкость душевной и скромной женщины с неизменной мягкой улыбкой на лице.

Одно лишь перечисление занимаемых ею высоких постов дает представление, какой тяжкий груз забот и ответственности лежит на ее хрупких плечах: генеральный секретарь Партии конгресса независимости Мадагаскара, министр революционной культуры в правительстве Демократической Республики Мадагаскар, член руководства малагасийских комитетов защиты мира и афро-азиатской солидарности, малагасийского и международного демократического женского движения. Но высокое положение и многочисленные обязанности не отдалают Жизель от людей: двери ее дома и служебного кабинета всегда открыты для друзей, для молодежи, для простых граждан, нуждающихся в помощи, добром сове-

те или просто слове ободрения. Пассионария Великого острова — так можно назвать эту мужественную и обаятельную женщину. И если именно в ее доме говорили мы о Жане Ралаймунгу, то в этом есть своя закономерность, ибо Жизель Рабесахала — одна из достойных продолжательниц дела всей его жизни: борьбы за свободу и счастье своего народа.

А начался этот разговор с того, что мое внимание привлек небольшой портрет Хо Ши Мина, стоявший на письменном столе Жизель. Она пояснила, что это не просто дань уважения к несгибаемому коммунисту и выдающемуся деятелю международного рабочего и национально-освободительного движения. Вождь вьетнамской революции пользуется особым почетом на Мадагаскаре, ибо именно он стоял у истоков распространения марксистских идей среди малагасийских патриотов. Одним из них, близким другом и соратником Хо Ши Мина, и был Жан Ралаймунгу.

Родился он в семье бывшего раба в 1884 году и по злой иронии судьбы принадлежал к касте «преследуемых». Действительно вся сознательная жизнь Жана Ралаймунгу прошла под знаком постоянных преследований со стороны колониальных властей. Попав во Францию накануне первой мировой войны, Жан Ралаймунгу добровольно отправился на фронт и принимал участие в боях в составе 19-го батальона мальгашских стрелков. Империалистическая бойня стала первым политическим «университетом» для Ж. Ралаймунгу, и, когда из далекой России донеслась весть о Великой Октябрьской социалистической революции, она произвела на него огромное впечатление.

После демобилизации Ж. Ралаймунгу сближается с кругами прогрессивной колониальной эмиграции в Париже и принимает участие в создании журнала «Аксьон колонияль», одним из руководителей которого был Нгуен Ай Куок — будущий основатель компартии Вьетнама и первый президент страны Хо Ши Мин. С тех пор и началась дружба этих людей.

Вместе с Хо Ши Мином Ж. Ралаймунгу участвовал в 1920 году в работе съезда в Туре, от которого ведет свою историю Французская коммунистическая партия. Годом позже оба они выступают инициаторами создания Межколониального союза, призванного объединить революционно настроенных эмигрантов из колоний, и начинают издавать газету «Пария». Учредительный манифест

Союза, проникнутый духом пролетарского интернационализма, был написан Хо Ши Мином, который вплоть до отъезда из Парижа в 1923 году практически руководил деятельностью этой организации. В том же году уже опытным политическим бойцом возвратился на родину и Жан Ралаймунгу.

На Мадагаскаре он решает обосноваться в районе Диего-Суареса, который был одним из центров формирования национального пролетариата, занятого в ремонтных мастерских и арсенале французской военной базы. Не теряя времени, Ж. Ралаймунгу берется за работу по объединению патриотов, готовых включиться в активную борьбу против колониального режима. В его группу тогда вошли Ж. Расета, Ж. Ранайву, Д. Разафиндракату, Ж. Равуаханги и ряд других деятелей, сыгравших впоследствии видную роль в национально-освободительном движении на острове.

Пройдя школу политической борьбы под руководством Хо Ши Мина, Ж. Ралаймунгу оставался последовательным интернационалистом и на родине. Борьбу своего народа за национальную независимость он не представлял в отрыве от антиимпериалистического революционного движения. И потому придавал особое значение тесному сотрудничеству с французскими коммунистами и демократами, находившимися на Мадагаскаре. Активными членами его группы были рабочие-коммунисты Планк и Виттори, разорившийся фермер Дюссак, адвокат Альбертини и ряд других европейцев.

С помощью этих людей группа Ж. Ралаймунгу начала издавать две газеты: «Опиньон» в Диего-Суаресе и «Орор мальгаш» в Тананариве.

В материалах, публиковавшихся этими газетами, разоблачался произвол колониальной администрации, давалась объективная информация о социально-политическом и экономическом положении на острове, бедствиях крестьян и городской бедноты.

Политическая зрелость Ж. Ралаймунгу и его ближайших соратников проявилась и в том, что они не ограничивались выдвижением программы общедемократических реформ системы колониального управления, а постоянно выступали с конкретными требованиями, направленными на улучшение условий жизни трудового народа.

Власти с беспокойством отмечали быстрый рост популярности и влияния в массах этой группы. В мае 1929 года ей было запрещено провести публичную лекцию в

столичном кинотеатре «Эксельсиор». На демонстрацию протеста, проводившуюся по призыву руководителей движения, вышли тысячные толпы жителей города. Собравшись перед резиденцией генерал-губернатора, вся эта масса людей скандировала два слова: «Независимость!» и «Свобода!».

Реакция на это событие не оставляла сомнений в том, что в Париже осознали, какую опасность представляет деятельность группы Ж. Ралаймунгу для устоев колониального режима на Мадагаскаре. Организаторы манифестации Э. Планк, Ф. Виттори, Ж. Ранайву и П. Дюссак были приговорены к полутора годам тюремного заключения каждый, Ж. Ралаймунгу и Ж. Равуаханги оказались в административной ссылке, а материалы газет «Опиньон» и «Орор мальгаш» стали подвергаться жестокой цензуре. Вслед за тем был принят специальный декрет, практически упразднивший остатки свободы печати на острове. Он предусматривал заключение в тюрьму лиц, виновных в публикации статей, «способных вызвать ненависть к французскому правительству».

Чем же объяснить столь нервную реакцию колониальных властей на массовую демонстрацию в Тананариве? Ведь подобных манифестаций происходило немало в разных уголках французской колониальной империи, но далеко не все вызвали в ответ столь крутые репрессивные меры.

Ответ на этот вопрос дали позже французские буржуазные историки. Один из них, Алэн Спасенски, откровенный апологет колониализма, выступление малагасийцев оценил так: «День 19 мая 1929 года надлежит запомнить, поскольку он знаменует решающий момент мальгашской политической истории... Речь теперь шла не о равенстве или интеграции в составе Французской Нации, а об „естественном и неотъемлемом праве на образование свободной и независимой нации“».

К числу бесспорных достижений группы Ж. Ралаймунгу, сыгравшей важную роль в развитии национально-освободительного движения на острове, следует отнести и распространение на малагасийских трудящихся профсоюзных прав и свобод, которых они долгое время были лишены. В канун второй мировой войны на Мадагаскаре насчитывалось 14 малагасийских профсоюзов, входивших в единый профцентр, который поддерживал тесные связи с Всеобщей конфедерацией труда метрополии и издавал газеты «Мунгу» и «Пролетариа мальгаш». Преодолевая

рогатки колониальной цензуры, этим газетам удавалось публиковать статьи, заметки и письма читателей, в которых бичевались капитализм, империализм и расизм, подвергалась критике политика колониальных властей.

Ж. Ралаймунгу не увидел, как посеянные им семена дали всходы, о которых он мечтал, и его родина, обретя полную свободу, встала на путь -борьбы за построение социалистического общества. Смерть настигла его 10 августа 1943 года в Амбаланази — родном ему краю народности бецилео.

Книге о политической истории Мадагаскара упомянувшийся ранее А. Спасенски дал такой подзаголовок: «От Ралаймунгу к Циранане». Однако история развивается по своим законам и не щадит тех, кто хотел бы вернуть ее наизнанку. Политической судьбой Цирананы распорядился малагасийский народ, выбросив его на свалку истории. Он же воздал должное своему преданному сыну и пламенному патриоту Ж. Ралаймунгу — Имунгу, как называли его боевые соратники и друзья. Прах Ж. Ралаймунгу перенесен в столицу Демократической Республики Мадагаскар и помещен в национальном пантеоне героев. А голос его как бы продолжает звучать и сегодня со страниц одной из авторитетных на острове газет, которая так и называется «Имунгу вау вау» — «Голос Имунгу». Газета эта является печатным органом Партии конгресса независимости Мадагаскара (АКФМ).

В деятельности партии воплощается многое из того, что привнес в революционное национально-освободительное движение на Мадагаскаре Ж. Ралаймунгу.

Борьбу малагасийского народа за подлинную независимость, экономический и социальный прогресс АКФМ всегда рассматривала как неотъемлемую часть мирового революционного процесса, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией. А потому стремилась использовать любую возможность, чтобы укрепить узы боевой солидарности с отрядами международного революционного движения, уделяя особое внимание связям с братскими партиями и общественными организациями социалистических стран. При непосредственном участии АКФМ на Мадагаскаре еще в 50-е годы были созданы и развернули большую работу национальные комитеты сторонников мира, афро-азиатской солидарности, а также демократические женские, молодежные и профсоюзные объединения, установившие тесные контакты с международными прогрессивными организациями. Многолетние

традиции активного участия в деятельности этих организаций находят сегодня свое отражение в той заметной роли, которую играет ДРМ в движении неприсоединения, в борьбе антиимпериалистических сил за мир и безопасность на планете. Широкое признание находят инициативы демократического Мадагаскара, направленные на демилитаризацию Индийского океана.

Трудно переоценить вклад АКФМ в распространение на острове идей научного социализма, которые эта партия положила в основу своей идеологической ориентации. Логическим продолжением этой линии явилась программа некапиталистического развития Мадагаскара, выдвинутая партией в 1969 году.

Сейчас, когда многие идейно-политические установки АКФМ-КДРСМ воплощены в Хартии малагасийской социалистической революции, партия ведет последовательную борьбу за сплочение революционных сил Мадагаскара на основе этого важнейшего документа, получившего всенародное одобрение. В составе Национального фронта защиты революции, объединившего в 1976 году прогрессивные партии и движения, она выступает за укрепление его руководящей роли в национально-демократической революции.

За сравнительно короткий срок, прошедший после принятия Хартии, сделано уже немало. Национализированы крупные промышленные и торговые предприятия, банки, страховые компании; развивается кооперативное движение; успешно претворяется в жизнь программа «Образование для народа», имеющая целью обеспечить стопроцентный охват детей школьным обучением. Только в 1980 году в стране построено 1500 школ. Теперь практически каждая из 11 тысяч фукунулуна имеет свою начальную школу. Вступила в строй важная для народного хозяйства ГЭС на реке Намуруна, строятся текстильная фабрика национального общества СОМАТЕКС, заводы по производству цемента и минеральных удобрений.

Большое внимание уделяется в стране модернизации сельского хозяйства — ведущей отрасли экономики острова. Для механизации полевых работ широко используются полученные из СССР тракторы: в 1980 году они обработали свыше 28 тысяч гектаров пашни. Сооружаются современные крупные животноводческие комплексы.

Как-то, возвращаясь в Антананариву из уютного курортного городка Анцирабе, знаменитого целебными источниками, мы заехали на один из таких комплексов.

В просторных стойлах с механизированной подачей кормовой смеси стоят породистые упитанные и столь необычные для Африки красно-бурые коровы. Показывавшие нам свое хозяйство малагасийцы рассказали, что оно полностью обеспечивает себя кормами и наряду с основной продукцией — племенным скотом снабжает рынок продовольственным и фуражным зерном, овощами, а в перспективе намечено выращивание и фруктов.

Но не этой рациональной организацией производства запомнилось посещение животноводческой фермы близ Анцирабе. Подобные островки современности, затерянные в безбрежном море традиционных натуральных или, в лучшем случае, мелкотоварных хозяйств, не раз приходилось видеть в африканских странах. И всякий раз впечатление об их «чужеродности» лишь усиливалось от того, что в роли «хозяев», показывающих гостям свои «владения», выступали, как правило, западные специалисты. В их пояснениях так и сквозило кичливое самолюбование: вот, дескать, как тут можно хозяйничать, если с умом взяться за дело. Сами же африканцы если и попадались на глаза, то держались на почтительном расстоянии, как и подобает подсобным рабочим.

Ничего подобного на этом мадагаскарском животноводческом комплексе мы не увидели, хотя и он был построен с помощью иностранных специалистов, а некоторые из них еще продолжали работать на различных участках, передавая свои знания малагасийцам. Но хозяевами не на словах, а на деле здесь были собственные национальные кадры. И в конторе, и на ферме, и в полях самую различную работу выполняли малагасийцы. Они же с законной гордостью показывали нам результаты своего труда, проявляя в то же время живой интерес к достижениям в этой области в Советском Союзе. Факт, возможно, сам по себе и незначительный, но примечательный. Ведь в нем отразилось одно из важнейших изменений, происшедших на острове в годы существования революционной власти, которая связывает воедино решение экономических проблем с социальным развитием и направляет этот процесс таким образом, чтобы обеспечить постоянный рост сознательности и общественной роли трудящихся масс.

И все же утверждать, что малагасийская революция развивается гладко, без трудностей и острых конфликтов, означало бы погрешить против истины. Время, минувшее после свержения режима Цирананы, было насы-

щено бурными, а порой и трагическими событиями. Страстное стремление подавляющего большинства малагасийцев как можно скорее устранить с пути прогрессивного развития их родины все препятствия, созданные колонизаторами и их приспешниками, натолкнулось на отчаянное сопротивление внутренней реакции и ее империалистических вдохновителей. Острейшая борьба между сторонниками и противниками революционных преобразований проявлялась в смене правительств, убийствах прогрессивных лидеров, вспышках волнений и вооруженных столкновениях в столице и в других городах.

На улицах Антананариву еще и сегодня видны следы этих событий: обгоревшие и полуразрушенные здания в центре города, пробитые снарядами стены тюрьмы, размашистые лозунги различного толка на заборах и стенах университетского городка. Один из неприметных перекрестков, где сходятся три узкие и крутые улочки, отмечен скромным обелиском, у подножия которого всегда лежат свежие цветы. Здесь в феврале 1975 года был убит премьер-министр тогдашнего правительства, известный прогрессивными убеждениями полковник Р. Рацимандрава. Этот акт замышлялся как сигнал к мятежу с целью захвата власти в стране реакционными элементами — последышами свергнутого народом президента Цирананы.

В тот критический момент страна была на пороге гражданской войны. Но мятеж удалось подавить в самом зародыше, а поражение, нанесенное правым, оказалось столь сокрушительным, что они с тех пор предпочитают не проявлять себя открыто, нанося удары по революции исподтишка.

На вершине самого высокого из семи холмов, на которых расположена малагасийская столица, рядом с превращенным в музей королевским дворцом, возвышается импозантное здание — дворец Андафиаваратра, бывшая резиденция премьер-министра. От этого уникального в своем роде творения зодчих остались лишь закопченные стены да пустые глазницы окон: сентябрьской ночью 1976 года дворец был сожжен дотла бандой «ультралевых» радикалов, помешанных на троцкистских идеях. Осуществляя этот акт вандализма, мадагаскарские геростраты помышляли не только о том, чтобы прославиться. Поджог национальной святыни должен был, по их замыслу, послужить сигналом к всеобщей забастовке студентов и учащихся средних школ, которая, в свою очередь,

планировалась как детонатор для более широкого антиправительственного выступления.

Если малагасийские правые выступают против прогрессивных преобразований в стране, то «ультралевые» громко кричат на всех углах о своем недовольстве якобы медленными темпами этих преобразований. По существу же, и те и другие смыкаются в своих попытках использовать любые объективные и субъективные трудности в развитии революционного процесса, чтобы дестабилизировать обстановку, усугубить эти трудности и в конечном итоге сорвать сам процесс.

В условиях растущей поляризации классовых сил на Мадагаскаре контрреволюционные силы прибегают также к тактике экономического и политического саботажа, стремясь создать в стране обстановку анархии. Как отмечало малагасийское национальное информационное агентство Таратра, боясь открыто выступить в поддержку капиталистической системы, они «рядятся в овечью шкуру и входят в наш дом». Поднимая вместе с народом сжатый кулак в знак «преданности революционным идеалам», они другой рукой набивают свои карманы за счет народа.

Буржуазная пропаганда, расписывая перипетии классовой борьбы на Великом острове, не раз уже торжествовала, усматривая в них агонию малагасийской революции. И всякий раз попадала впросак, ибо это была не агония, а неизбежные муки рождения нового, демократического Мадагаскара.

Народ Мадагаскара, избравший путь социалистической ориентации, не свернет с этого пути, несмотря на происки врагов революции, говорил президент республики Дидье Рацирака в своем обращении к нации. Читая уже в Москве эти исполненные уверенности слова, я перебираю в памяти свои встречи с малагасийскими друзьями — закаленными в политических битвах опытными бойцами старшего поколения и совсем молодыми, едва вступающими в жизнь, но уже познавшими и радость первых побед революции, и коварство ее врагов, юношами и девушками. Они и составляют неоценимый капитал трудной и славной истории Мадагаскара — «Красного острова», как еще в незапамятные времена называли его путешественники. В делах этих пламенных патриотов своей родины залог того оптимизма, с которым малагасийский народ, его руководители и друзья смотрят в будущее.

Слов нет, красив и своеобразен Мадагаскар, надолго западают в память его живописные ландшафты, приветливые гостеприимные люди. Но если воспользоваться библейской терминологией, то это еще не рай, а лишь его преддверие. До самого рая от Мадагаскара еще примерно тысяча километров в северо-восточном направлении. Стоит их преодолеть, и перед вами откроются затерянные в безбрежных просторах Индийского океана Сейше-лы — «современный островной рай», соблазнявший своими прелестями, как свидетельствует Тур Хейердал, даже видавших виды участников экспедиции на «Тигресе». Самым прекрасным местом на земле назвал эти острова архиепископ Макариос. А ведь они служили для него местом ссылки, не говоря уже о том, что у будущего президента Кипра было с чем их сравнивать.

Собственно говоря, Сейшельские острова — это лишь один из архипелагов, входящих в состав одноименной республики, возникшей на месте бывшей британской колонии в 1976 году. Остальные — Амирантские, Альдабра, Фаркуар и другие, более мелкие, — разбросаны в северо-западной части Индийского океана на площади около миллиона квадратных километров. Никто точно не знает общего числа островов, островков и атоллов, образующих это государство. Многие из них необитаемы и даже не имеют названий, население других составляет всего десяток-другой жителей.

Общая площадь девяноста двух «учтенных» островов составляет 444 квадратных километра, с населением около 65 тысяч человек. Самым крупным является остров Маэ, вытянувшийся в длину на 27 километров, а в поперечнике едва достигающий восьми. Здесь живут девять из каждых десяти жителей страны и находится ее столица — город Виктория с 14 тысячами обитателей.

Маэ — это, по существу, огромная гранитная глыба, поросшая буйной тропической растительностью и почти на тысячу метров вздымающаяся над уровнем моря. Вокруг разбросан десяток мелких островков, каждый из которых представляет собой вершину подводной горы. Кроме Маэ еще около тридцати островов сложены из твердых гранитных пород.

Другие архипелаги состоят в основном из коралловых атоллов, на которых гнездятся миллионы птиц, а в омы-

вающих их водах водится рыба девятисот различных пород. Поистине бесценную коллекцию ракушек может собрать любитель на песчаных пляжах и отмелях. У берегов и в обширной лагуне самого крупного в мире атолла — Альдабра — обитает около ста тысяч гигантских морских черепах, подобных которым можно встретить только на противоположной стороне земного шара — на Галапагосских островах.

Много чудес на Сейшелах. Здесь никогда не бывает разрушительных циклонов, землетрясений и других стихийных бедствий, от которых часто страдают другие острова Индийского океана. Здесь не водятся ядовитые змеи и хищники. Совершенно неизвестны тропические болезни — малярия, желтая лихорадка, брюшной тиф или холера. Зимой и летом — если можно говорить о «зиме» и «лете» применительно к этим островам — ласковое солнце заливают своими лучами золотистые песчаные пляжи, а температура воздуха остается практически неизменной — 26—27° по Цельсию — при относительно умеренной влажности. Плодородные почвы и благодатный климат позволяют выращивать обильные урожаи экзотических и прихотливых культур: ванили и гвоздики, корицы и какао.

Но, как ни покажется парадоксальным, знакомые мореплавателям еще со времен Васко да Гама «Семь сестер», как называли тогда Сейшелы, еще два с половиной столетия ждали, когда люди обратят на них внимание. Лишь изредка в укромных бухтах бросали якорь корабли под черным пиратским флагом, и притомившиеся в морских набегах флибустьеры позволяли себе недельку-другую отдыха.

И только в середине XVIII века у берегов самого крупного из островов этого архипелага появился корабль французского путешественника Лазара Пико, приплывший с Иль-де-Франса — нынешнего Маврикия. Пораженный великолепием открывшейся перед ним картины, Пико тут же назвал остров «Абонданс», что означает «изобилие». Но, видимо, он поторопился в столь ответственном деле, и уже в следующее посещение тех же мест ему пришлось перекрестить остров в Маэ. Маэ де Ля Бурдоннэ — так звали тогдашнего французского губернатора Иль-де-Франса.

В 1770 году на островах появились первые постоянные жители: группа французских колонистов, прихвативших с собой семерых рабов. Однако обосновались они почему-

то не на Маэ, а на соседнем маленьком и скалистом острове Святая Анна. Тогда же и «Семь сестер» стали называть Сейшелами — по имени другого французского саванника, министра финансов Людовика XV виконта Моро де Сейшела.

А четверть века спустя, в разгар наполеоновских войн, острова перешли под власть британской короны, сохранив не только название, но даже коменданта, назначенного Наполеоном. Кавалер Кэо де Кэнси, лишь слегка изменив написание своей фамилии на английский манер, верой и правдой исполнял свою должность при новых хозяевах еще тринадцать лет вплоть до кончины.

В центре уютной, провинциальной Виктории всего лишь несколько шагов отделяют друг от друга памятники колониального прошлого Сейшел. Рядом с миниатюрной башенкой, увенчанной часами, — точной, но уменьшенной в несколько раз копией лондонского «Биг Бена» — скромный памятник королеве Виктории. До сих пор он выполняет и вполне утилитарные функции: из постаментов в разные стороны бьют струи воды, которой можно наполнить ведра, а можно и умыться. На противоположной стороне узкой улицы, подавляя своей помпезностью королевскую особу, возвышается монумент в честь того самого де Ля Бурдоннэ, который, увековечив свое имя в названии острова, управлял им на расстоянии и ни разу не удосужился ступить на его землю.

Но длинный подхалимский текст на постаменте утверждает, что именно ему обязаны Сейшелы своим процветанием. Будто это он, а не безвестные рабы и колонисты ворочал гранитные глыбы, расчищая землю для посевов, выращивал, поливая их потом, пряности, забирался, обдирая в кровь ладони и колени, на кокосовые пальмы за орехами, из которых добывалось главное богатство островов: копра и масло.

Именно на копре и пряностях основывалось относительное благополучие Сейшел, вернее, тех, кто владел здесь землей. Правда, понятие землевладелец на этих островах, где для земледелия пригодны лишь маленькие и разбросанные среди скал участки, весьма условно. Оно включает в себя и мелких фермеров, чье «владение» можно измерить шагами, и тех, кому на правах частной собственности принадлежат целые острова, входящие в состав республики. Многие из таких «хозяев» наведываются в свои владения лишь для того, чтобы развлечься рыбной ловлей, охотой на черепах и редких птиц, а по-

том вновь удаляются в каменные джунгли Нью-Йорка, Лондона или Сиднея.

До поры до времени жизнь на Сейшелах текла относительно тихо и мирно — от парохода до парохода, которые привозили почту и редких пассажиров, выгружали заморские товары и забирали дары сейшельской земли. Экспортной выручки почти хватало на оплату импорта, состоявшего в основном из промышленных изделий первой необходимости, и экономика колонии не доставляла особых хлопот британским властям.

Позднее, чем до других британских колоний, докатилось до этой заповедной земли грозное эхо национально-освободительного движения. Лишь в 1964 году здесь возникла политическая партия — Сейшельская объединенная народная партия (СОНП), выдвинувшая требование предоставить независимость колонии. Возглавил эту партию вернувшийся на родину после учебы в Европе молодой адвокат Франс Альбер Рене. Он же создал и первый профсоюз на острове.

Верные испытанной политики «разделяй и властвуй», колониальные власти инспирировали образование в противовес СОНП Сейшельской демократической партии, которая собрала под свои знамена местную элиту, заинтересованную в сохранении британского управления. Соглашательская линия этой партии позволила Лондону затянуть на несколько лет решение вопроса о предоставлении независимости Сейшелам.

Трудно сказать, как развивались бы события на островах в дальнейшем, если бы не открытие 4 июля 1971 года международного аэропорта на Маэ. Это событие перевернуло всю жизнь на Сейшелах, направив ее по совершенно иному руслу.

Аэропорт этот — сооружение в своем роде уникальное. На острове не было подходящего участка земли для размещения взлетно-посадочной полосы, отвечающей современным требованиям. И, чтобы ее построить, пришлось... расширить территорию Маэ, соединив его с одним из мелких прибрежных островков. Обои концами бетонная полоса, расположенная на этой перемычке, упирается в океан. Когда самолет, снижаясь, идет на посадку, то до последнего момента кажется, что садиться он будет прямо в море. Земная твердь появляется под крылом лишь в тот момент, когда колеса тяжелой машины касаются бетона. А свой пробег после посадки лайнер заканчивает всего в нескольких десятках метров от про-

тивоположного края взлетной полосы. И когда он разворачивается, чтобы занять место на стоянке, рядом высоко взлетают брызги морского прибоя.

День, когда первый современный воздушный лайнер с сотней пассажиров на борту приземлился на этом аэродроме, и стал поворотным пунктом в судьбе многих островитян. Претерпел изменения даже внешний облик Маэ, Пралэна и других близлежащих островов. На Сейшелах хлынул поток туристов, привлеченных красотами и прелестями труднодоступной до того земли. Теперь всего нескольких часов полета достаточно, чтобы из туманного Лондона, прокопченного Дуисбурга или пропитанного бензиновым смогом Токио попасть в поистине райский уголок, где в густых зарослях щебечут яркие птицы, а золотистые роскошные пляжи и ласковое солнце гарантируют отменный загар.

Легко представить себе нетерпение, с которым туристы ожидают окончания таможенного досмотра в аэропорту: желтые и пурпурные цветы бугенвиллей за его стеклянными стенами, живописные, покрытые бархатистой зеленью склоны горы, вершина которой утопает в свинцовой шапке облаков. Эти виды так и просятся на пленку. И заядлые фото- и кинолюбители пытаются запечатлеть их прямо через стекло, забыв о неизбежных бликах. Но вот формальности позади, и сверкающий лаком микроавтобус фирмы «Мерседес» катит по дороге, опоясывающей остров Маэ. Слева на берег, подступающий к ленте шоссе, лениво накатываются океанские волны, а справа возвышаются склады. Над дорогой порой нависает такая глыба, что душа уходит в пятки: не дай бог рухнет. На некоторых из таких «камушков», как на прочном фундаменте, стоят уютные домики. Один за другим остаются позади отели, каждый из которых неповторим и по архитектуре, и по расположению на местности, с неизменными пляжами, бассейнами и барами, стилизованными под соломенные хижины. Навстречу то и дело попадаются маленькие и верткие автомобильчики типа «багги», без крыши и дверей, окрашенные в яркие цвета. Четыре сотни таких удобных экипажей, которые легко вписываются в самый крутой поворот и протискиваются по едва заметной дорожке, предоставлены в распоряжение тех туристов, кто даже на отдыхе не желает расставаться с рулем. Можно арендовать такой автомобильчик на любой срок и совсем не обязательно пригонять его на определенную стоянку: достаточно, предъявив квитан-

цию об оплате, сдать ключи агенту компании в любом отеле, возле здания аэропорта или в морском порту. Сервис!

Поставлен он на Сейшелах превосходно. Из какой бы страны ни прибыл турист, он не почувствует себя здесь потерянным. Персонал гостиниц говорит на всех основных языках, а «шведский стол» в ресторане позволяет обходиться без языка: бери тарелку и шествуй вдоль уставленных яствами столов, выбирая нужные по твоему вкусу. Четко по графику подаются экскурсионные автобусы, квалифицированные гиды показывают все, что достойно внимания. Наблюдая за этим хорошо отлаженным конвейером, понимаешь, что вовсе не случайно весь этот сервис назвали «индустрией туризма»: для того чтобы он функционировал исправно, необходима промышленная организация дела.

Она и была здесь налажена иностранным капиталом буквально в несколько лет. Если в 1970 году, до открытия аэропорта на Маэ, Сейшелы посетили 1622 человека, то десять лет спустя это число увеличилось в 45 раз, превысив численность коренного населения всех островов.

Какие же последствия имел этот туристский бум для архипелага и его жителей? Произошла резкая переориентация экономики островов, и в первую очередь самых крупных и населенных — Маэ и Пралэна. Доминирующее место в ней теперь прочно заняла индустрия туризма. Как грибы после дождя, стали расти на побережье современные фешенебельные отели с прекрасно оборудованными пляжами, бассейнами, парками, увеселительными заведениями. Построены они и принадлежат крупным международным корпорациям — таким, например, как «Хилтон», «Шератон» и им подобные. А потому и ожидавшая полноводная «река» иностранной валюты обернулась для Сейшел слабым ручейком, ибо подавляющая часть отправляющихся сюда туристов оплачивает поездку в туристических агентствах у себя на родине, на их банковских счетах и оседает основная часть доходов.

Стремительное развитие туристической инфраструктуры вызвало отток рабочей силы из сельского хозяйства — главной отрасли экономики — в сферу обслуживания. Только за первые три года этого бума численность занятого здесь населения возросла втрое; в 1974 году каждый пятый сейшелец работал уже на туристов.

Невиданных размеров достигла и земельная спекуляция. Владельцы участков прекращали их обрабатывать и

ждали случая продать свою землю подороже под строительство новых отелей или иных туристских объектов. А ведь пригодной для обработки земли на островах и без того было, что называется, кот наплакал: всего 2 тыс. акров. В результате сельскохозяйственное производство стало приходить в упадок: добыча копры — основной культуры, на долю которой приходилось около 70 процентов стоимости экспорта, — сократилась на четверть, в то время как мировые цены на нее стремительно росли.

Зато резко пошла вверх кривая дефицита внешнеторгового баланса: с 5 млн. сейшельских рупий в 1961 году она подскочила до 178 миллионов в 1975 году. В основном это было вызвано стремительным ростом ввоза продовольствия, горючего, товаров ширпотреба и сувениров. Да, именно сувениров, ибо в бесчисленных магазинах и лавках, торгующих этим товаром, опытный глаз без труда обнаружит, что произведен он где угодно, только не на Сейшелах. Майки и рубашки с видами островов и надписью «Сейшелы» изготовлены где-нибудь в Манчестере, пластмассовые подносы и стаканы — в Гонконге или Японии, различные брелки — в Западной Германии. И даже причудливые ракушки или изделия из рисовой соломы доставлены сюда предприимчивыми малагасийскими коммерсантами.

Столь однобокое «развитие» большее всего ударило по неимущим слоям населения: мелким фермерам-арендаторам, батракам, рабочим, рыбакам. Быстрыми темпами стала расти безработица, повышаться стоимость жизни, ухудшились жилищные условия: ведь даже жалкие лачуги, в которых ютилась беднота, теперь сносились, чтобы освободить место для строительства новых гостиниц, ресторанов и баров. Рай для богатых туристов оборачивался сущим адом для коренного населения островов, внезапно вовлеченного в орбиту мирового капиталистического бизнеса.

Все это резко изменило политическую обстановку на Сейшелах. Даже марионеточная Демократическая партия не могла больше игнорировать требования широких масс. Наблюдался быстрый рост популярности СОНП, которая вела последовательную борьбу за независимость островов и проведение отвечающей интересам их населения социально-экономической политики. В 1974 году сейшельские «демократы» во главе с лидером Дж. Манчэмом совершили поворот на 180 градусов и тоже высказались за независимость. Лондон предпочел отдать власть

своим приспешникам, нежели ждать, когда ее завоюют подлинные патриоты.

В полночь 29 июня 1976 года британский флаг — «Юнион Джек», на протяжении 182 лет развевавшийся над губернаторским дворцом в Виктории, был спущен. На его месте затрепетал государственный флаг Республики Сейшельские острова. Новое государство возглавил лидер «демократов» Дж. Манчэм.

Однако замена флага и новая конституция, разработанная, кстати сказать, в Лондоне по испытанным рецептам, не изменили ситуации в островной республике. Зависимость ее от Запада все возрастала, экономика приходила в упадок, острее становились социальные конфликты. Чувствуя, как почва уходит у него из-под ног, Дж. Манчэм все откровеннее вел дело к установлению личной диктатуры и к полному устранению с политической арены своих противников.

В такой накаленной обстановке и произошел на Сейшелах переворот. Власть перешла в руки Объединенной народной партии. Ранним утром 5 июня 1977 года радио Виктории известило сейшельцев, что продажное неокOLONиалистское правительство Дж. Манчэма свергнуто группой молодых и решительных патриотов. Обратившись к народу, лидер СОНП Франс Альбер Рене заявил, что «новое правительство Сейшел будет правительством всего народа, а не мизерной кучки привилегированных».

Обычная риторика? Оказалось, что нет! И это подтвердили первые же практические шаги нового руководства. Оно начало с того, что обратилось к трудящимся с призывом обеспечить защиту своей родины и свободы, вступать в ряды народной милиции. «Но хочу вас откровенно предупредить, — говорил Ф. А. Рене, — что никто из вступивших в ее ряды не будет получать жалованье. Свою задачу народная милиция должна будет выполнять без отрыва от основной работы и преимущественно в ночные часы...» Отряды и посты этой милиции, созданные в населенных пунктах, сорвали замыслы реакции, нацеленные на реставрацию старого режима. На их же долю выпала нелегкая миссия противостоять преступным агрессивным акциям международного империализма, который не оставил надежду восстановить свои позиции в этом стратегически важном районе Индийского океана.

Определяя цели нового правительства, А. Рене говорил: «Если через десять лет молодые сейшельцы смогут сказать, что 5 июня 1977 года открыло новую эпоху, ко-

торая дала им возможность получить хорошее образование, преисполниться гордости и достоинства, то мы будем считать, что свою задачу выполнили». И это тоже не было риторикой. Убедиться в этом мы смогли даже в то короткое время, которое провели на Сейшелах.

Усилия нового правительства были сосредоточены на решении кардинальных проблем социально-экономического развития островов в интересах трудящихся масс. Одна из них состояла в том, чтобы поставить заслон на пути безудержной спекуляции землей и нерационального ее использования. Пустующие земельные участки, пригодные для сельского хозяйства или застройки в рамках программы «Жилье для народа», подлежали теперь выкупу у частных владельцев. Только в 1980 году более 1500 гектаров земли перешло в руки государства и было отведено под жилищное строительство. Обширные наделы отошли и государственным фермам, которые обеспечивают высокие урожаи овощей и фруктов, помогая стране сократить расходы на их импорт.

Оригинальное и, как можно судить по первым результатам, эффективное решение было принято относительно лучшего использования природных ресурсов удаленных и мелких островов. Правительство взяло на себя обеспечение регулярной и бесплатной транспортной связи с этими островами, гарантировав минимум шесть морских рейсов в год на каждый из них. Но доставка грузов, почты и пассажиров осуществляется бесплатно лишь в том случае, если экономический потенциал данного острова, будь то сбор кокосовых орехов, рыболовство или выращивание сельскохозяйственных культур, используется в необходимой степени. В противном случае возмещение сумм за транспортные услуги становится обременительным. В Виктории не без оснований считают, что такая система побудит многих снобов, навещающих в свои «владения» раз в год, а то и того реже, продать государству принадлежащие им острова. С другой стороны, новая система стимулирует хозяйственное освоение многих островов, пребывающих и поныне в девственном состоянии из-за отсутствия регулярной связи с Маэ. Контролируемая государством компания «ИДС», созданная в 1980 году, уже провела большую работу по изучению природных условий и возможностей рачительного использования удаленных территорий, в частности разведения кокосовых пальм, которые дают копру для экспорта.

Государство принимает меры и для того, чтобы по-

ставить под свой контроль индустрию туризма, которая, как здесь считают, должна служить средством, а не самоцелью экономического подъема. На основании тщательного анализа были разработаны и установлены на ближайшие годы оптимальные и предельные нормы заезда туристов. Такое регулирование обеспечивает лучший сервис и сохранность уникальной природы архипелага. В 1980 году на Сейшелах побывало 72 тысячи гостей, обслуживали которых 3 тыс. сейшельцев — почти пятая часть всех рабочих и служащих.

Изменение системы налогообложения туристского комплекса позволило существенно повысить доходы государства. Все связанные с обслуживанием туристов предприятия теперь платят налоги не с объявленной ими суммы чистой прибыли, а с общей суммы их денежного оборота. Тем самым любители легкой наживы лишаются возможности скрывать от финансовых органов значительную часть своих реальных доходов, а республика получает в свое распоряжение дополнительные средства в том же, 1980 году — свыше 250 млн. рупий, значительная часть которых расходуется на социальные нужды.

Как раз об этом рассказывал нам заместитель министра народного образования республики Д. Бонлам. Его небольшой, скромно обставленный кабинет был завален свертками с книгами, рулонами географических карт и планшетами наглядных пособий. Во время беседы дверь то и дело распахивалась, и молодые ребята подтаскивали все новые пачки книг. Извинившись за царивший беспорядок, Д. Бонлам пояснил:

— В этом учебном году мы завершаем переход к единой системе начального и среднего школьного обучения, включающей две ступени: с 1-го по 9-й и с 10-го по 12-й класс. Все, кто успешно окончит 9-летнюю начальную школу, могут продолжить учебу или на добровольной основе поступить в Национальную молодежную службу, где юноши и девушки наряду с изучением общеобразовательных дисциплин приобретают трудовые навыки, работая на фермах, в мастерских или в сфере обслуживания. После двух лет пребывания в отрядах этой службы они имеют возможность завершить среднее образование в школе и техническом училище или поступить на работу по избранной специальности. Остается добавить, что образование на Сейшелах, как и медицинское обслуживание, теперь бесплатное.

Хозяин кабинета рассказал нам далее, что на Сейше-

лах теперь не разрешается деятельность частных учебных заведений, пересмотрены учебные программы, переиздаются учебники. Горы книг в его кабинете — это как раз новая учебная литература, которая начала поступать, а хранить ее пока негде.

— Вот мой кабинет и превратился в перевалочную базу,— смеясь, сказал он. И, перейдя на серьезный тон, засыпал нас вопросами о постановке народного образования в Советском Союзе, о системе преподавания языков в национальных школах, о методах планирования при решении вопросов профессиональной ориентации учащихся.

— Наша задача — не просто дать молодежи образование, но и обеспечить возможность применения полученных знаний на благо народа и государства. Решить такую задачу в наших условиях нелегко, поскольку выбор возможных профессий ограничен,— рассказывал Д. Бонлам.— Сейчас мы открываем два профессиональных училища, которые будут готовить кадры для индустрии туризма, где пока работает много иностранцев, и для нужд рыболовства. Действует также школа медицинских сестер. Высшее образование наши юноши и девушки получают пока только за границей. Мы намерены внести необходимые коррективы и здесь: посылать больше студентов в социалистические страны, а не на Запад, как было до сих пор.

Собеседник сообщил нам о большой заботе, которую проявляет государство о самых маленьких гражданах республики. 90 процентов детей в возрасте до 4—5 лет посещают детские сады, где им обеспечен медицинский контроль и подготовка к занятиям в школе.

Подробно расспрашивал нас Д. Бонлам и о том, как Москва готовится к Олимпийским играм, подчеркнув, что сейшельские спортсмены с энтузиазмом тренируются, чтобы принять в них участие. Помогают им в этом советские специалисты, приглашенные правительством республики. Тогда, летом 1979 года, слова «бойкот Олимпиады» еще не сорвались с языка Джимми Картера, а сам бойкот не был возведен им в ранг государственной политики. Год спустя, когда команда Республики Сейшельские Острова первой прибыла в Москву и торжественно разместилась в Олимпийской деревне, я подумал, что этот факт символизирует и позорный провал картеровской политики, и необратимые перемены в мире, где даже крошечное и, казалось бы, беззащитное государство, как

Сейшелы, гордо отвергает имперский диктат некогда всемогущего «дяди Сэма».

Но не только этим молодая республика, затерянная в просторах Индийского океана, бросила исполненный достоинства вызов империализму. Вся ее внешняя политика с момента прихода к власти нынешнего правительства направлена на противодействие усиливающимся империалистическим проискам, на поддержку прогрессивных сил и упрочение мира во всем мире с тем, чтобы «Сейшелы и другие развивающиеся страны,— как подчеркивалось на III съезде Прогрессивного фронта народа Сейшельских островов в июле 1981 года,— могли направить все имеющиеся у них ресурсы на цели развития и процветания своих народов, не опасаясь злобещей угрозы войны, региональных конфликтов и подрывных маневров империализма». На этом съезде была подтверждена солидарность Сейшел с Демократической Республикой Афганистан и Народной Республикой Кампучии, противостоящими натиску внешней и внутренней реакции, с антиимпериалистической борьбой патриотических сил Палестины и Намибии. Решительному осуждению подверглись преступные действия ЮАР и Израиля, опирающихся на всестороннюю поддержку США и агрессивного блока НАТО. Особое внимание руководство островной республики неизменно уделяет борьбе за превращение Индийского океана в зону мира и безопасности, выступая за ликвидацию империалистических военных баз в этом районе.

Продиктованный коренными национальными интересами, независимый курс Сейшел снискал молодой республике признание и авторитет на международной арене. Но он же вызывает и лютую злобу в империалистическом лагере.

Когда ранним утром 26 ноября 1981 года телетайпы ТАСС начали выстукивать экстренные сообщения о драматических событиях, разыгравшихся несколькими часами ранее в аэропорту Пуэнт-Ларю на острове Маэ, я невольно вспомнил дотошность сейшельских таможенников. Ведь благодаря только их бдительности и высокому чувству долга была сорвана попытка группы отпетых головорезов-наемников проникнуть на остров с целью свержения законного правительства и реставрации марионеточного, прозападного режима. Вот как это было.

Над островами опустились сумерки, когда в Пуэнт-Ларю произвел посадку самолет свазилендской авиаком-

пании «Свази эйр», совершавший обычный рейс по установленному маршруту. Из него выгрузилась «команда регбистов» — четыре с половиной десятка дюжих молодцов со спортивными сумками через плечо, предводительствуемых мужчиной, прятавшим лицо за большими темными очками.

На Сейшелах любят и ценят спорт, а потому гостей не стали утруждать излишними формальностями. Тем более что в объемистом багаже, судя по предъявленным таможенным декларациям, они везли рождественские подарки для маленьких пациентов Сейшельского центра помощи детям-калекам. Чье сердце не дрогнет перед таким благородным поступком? И увесистые чемоданы «регбистов» повезли, минуя таможду, прямо к автобусам, где носильщики проворно поднимали их, как здесь водится, на грузовые площадки, установленные на крышах.

Так бы и укатила эта «команда» в отель, где для нее были забронированы места, если бы не бдительность одного из таможенников. Ему показалось, будто из неплотно закрытой сумки влезавшего в автобус «спортсмена» на мгновение высунулся ствол автомата. Чиновник распорядился досмотреть еще не погруженный багаж. Под ворохом дешевых игрушек, леденцов и ярко раскрашенных открыток в каждом чемодане оказалось второе дно, скрывавшее карабины, автоматы, гранаты, патроны.

Видя, что их уловка разоблачена и задуманная операция срывается, наемники открыли стрельбу из оружия, которое прятали в сумках. В завязавшейся перестрелке один из них был убит, двое — ранены, но все же к тому времени, когда в Пуэнт-Ларю подоспели вызванные по телефону силы охраны порядка, бандитам удалось, пользуясь внезапностью нападения, захватить аэропорт вместе с башней командно-диспетчерского пункта управления полетами. В качестве заложников они держали под дулами автоматов в зале ожидания около сотни служащих и пассажиров.

Но положение «рыцарей плаща и кинжала» было безнадежным: заблокированные на окруженном морем пятачке, они очутились в мышеловке, и вряд ли с наступлением рассвета им удалось бы унести ноги, если бы не случай. В 22 часа по местному времени над аэродромом появился и запросил разрешение на посадку рейсовый авиалайнер индийской компании, летевший по маршруту Солсбери-Сейшелы-Бомбей. Пилоты, хотя и заподозрили

неладное — опознавательные огни взлетно-посадочной полосы не горели, да и здание аэровокзала было погружено во тьму, — все же решили садиться, получив по радио «добро» от контрольно-диспетчерского пункта: они подумали, что на земле случилась какая-то авария с освещением. Только когда в самолет, замерший на стоянке, ворвались вооруженные налетчики, экипаж понял, что попал в ловушку. Угрожая взорвать лайнер вместе с пассажирами, бандиты потребовали взять их на борт и доставить в ЮАР. Во имя спасения жизни шестидесяти с лишним человек, летевших этим рейсом, летчикам пришлось подчиниться. Несколькими часами позже «Боинг» с безнадежно проигравшими свой «матч» «регбистами» приземлился в Дурбане, где их уже ожидала местная полиция. Но отнюдь не для того, чтобы передать в руки правосудия, как того требуют международные законы по борьбе с терроризмом и воздушным пиратством, а, наоборот, чтобы укрыть участников неудавшегося бандитского рейда от заслуженной кары.

На этом можно было бы и поставить точку: набег на Сейшелы «собак войны», как окрестили в Африке империалистических ландскнехтов, с треском провалился. Сами же они бежали, поджав хвосты. Но на сей раз бегство было столь паническим, что на месте преступления остались четкие следы, ведущие к тем, кто сколачивал и науськивал эту свору. Зря, прямо скажем, торопилась дурбанская полиция: знай ее шефы о том, что «рыцари удачи», спасая собственную шкуру, побросали в Пуэнт-Ларю не только документы, выданные в США, Англии, ЮАР, но и сообщников, не пришлось бы с такой поспешностью прятать их от дотошных журналистов.

В руки сейшельских властей, предпринявших операцию прочесывания на Маэ, попали семеро участников провалившейся попытки переворота, включая и тех, кто прибыл на остров заблаговременно для подготовки налета. Схваченные с поличным, они выкладывали все, что знали. А знали эти наемники предостаточно, для того чтобы вызвать переполох на взрастившей эту свору «псарне».

Вот некто Мартин Долинчек, он же — Антон Любич, он же — Эдди Смит или Ван Ренсбург, а в Дурбане — Дональдсон. На допросе этот многоликий Янус показал, что является кадровым офицером южноафриканской разведки НИС — «Нэшнл интеллидженс сервис». Задание обеспечить «операцию» на Сейшелах он получил от своих

боссов «на самом высоком уровне». Показания М. Доллинчека подтвердили пассажиры и экипаж индийского самолета. Они рассказали, что бежавшие на его борту наемники пребывали «в хорошем настроении» — да и как было им не радоваться тому, что смогли унести ноги подобру-поздорову — и откровенно бахвалились тем, что «высшие южноафриканские официальные лица знали об их операции и одобрили ее». Прослышав об этих откровениях, американская газета «Вашингтон пост» сочла необходимым проявить свою осведомленность и оповестила читателей, что перед вылетом на Сейшелы наемники получили «послание поддержки» от премьера расистского государства П. Боты.

Естественно, что, прочитав такое, в Претории схватились за голову. Йоханнесбургская газета «Стар» поспешила поставить все точки над «i». «Наемники были завербованы задолго до операции на деньги, полученные от США», — сообщила она и даже указала сумму: по тысяче долларов на брата в виде аванса и еще по 10 тысяч после выполнения задания. Точность этих сведений подтвердил журналистам некий Брукс, схваченный органами безопасности на Сейшелах.

И еще один любопытный факт: в день пиратской высадки на Маэ там, как бы «случайно», оказался ответственный сотрудник ЦРУ Р. Петти, выступающий в роли одного из руководителей пресловутого «корпуса мира».

Таким образом, адреса организаторов этой акции международного бандитизма установлены и документально подтверждены со всей определенностью: Виргиния, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ, США. В роли основного «субподрядчика» ЦРУ подвизалась разведслужба южноафриканских расистов НИС.

Разработанный ими план состоял в том, чтобы к понедельнику 30 ноября 1981 года — день отъезда президента республики в заграничное турне — забросить на Сейшелы под видом «спортсменов» и «туристов» несколько групп диверсантов. В назначенный час они должны были захватить правительственные учреждения и ключевые пункты на Маэ, расправиться с руководителями прогрессивных организаций и объявить о восстановлении власти прозападного экс-президента Дж. Манчэма, нашедшего после изгнания из страны приют в Лондоне. Наемники прихватили даже с собой две пленки с записью его «обращения» к сейшельцам, чтобы прокрутить их по радио Виктории; эти пленки также попали в руки

сейшельских властей. Самоуверенность организаторов и исполнителей этого преступного замысла была такова, что в кенийской столице Найроби Дж. Манчэма уже ждал зафрахтованный самолет, который должен был доставить его на Сейшелы. Но, увы, плакали и эти де-нежки.

Кстати, об исполнителях. Читая ставший достоянием мировой общественности список «регбистов», легко обнаружить в нем знакомые лица. Представительный дядя в темных очках, возглавлявший «команду», — «полковник» Майкл Хор, ирландец по происхождению, бывший кадровый офицер британской армии. Выйдя в отставку, он какое-то время довольствовался в Лондоне скромным заработком бухгалтера. Но вот газеты запестрели сообщениями о том, что в далекой Африке, в бывшем Бельгийском Конго (ныне Заир), только что созданное правительство во главе с Патрисом Лумумбой бросило вызов международным монополиям, распорядившись несметными богатствами страны, и исполнено решимости избавить свой народ от всех форм зависимости, угнетения и неравенства. Монополии всполошились, а лондонский бухгалтер смекнул, что ему пора менять профессию. Так в Лондоне стало одним бухгалтером меньше, а в Африке — одним авантюристом и бандитом больше.

Память о кровавых преступлениях отряда белых наемников, которым командовал Майкл Хор, до сих пор леденит душу тысяч африканцев. «Дикие гуси», как именовала себя его банда, охотились за Лумумбой и его соратниками, жгли мирные селения, не брали пленных, не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. За эти «подвиги» вожак и удостоился клички «Бешеный Майк».

В Африке бывший бухгалтер убедился, что его новая профессия приносит больше барышей, чем старая, и с головой окунулся в наемничество. Оповестив в интервью для печати о наступлении «золотого века» для наемников, он основал в Йоханнесбурге международный вербовочный центр — «Клуб диких гусей», отделения которого, как грибы после дождя, стали плодиться в Боулдерсе, Далласе, Майами и других городах США, где слонялось без дела и без денег немало «ветеранов» грязной войны во Вьетнаме, постигших «науку» грабежей и убийств. Одному из них — некоему Ч. Дьюку — в сейшельской вылазке повезло меньше, чем его отцу-командиру: брошенный на Маэ сообщниками, он попал в плен.

Не повезло и другому «ветерану», только уже конго-

лезской эпопеи, очутившемуся за решеткой на Сейше-лах,— Йеремии Корнелиусу Пюрэну. С южноафриканским паспортом в кармане он отправился свергать законное правительство суверенной республики вместе со своим старым дружкой Хором все из того же Дурбана, где подвизался на ниве торговли автомобилями. А в свое время Йеремиа К. Пюрэн состоял личным пилотом империалистического агента, марионеточного «правителя» Катанги Моиза Чомбе и даже командовал всей его авиацией. На руках этого автомобильного барышника тоже кровь конголезских патриотов, которых он убивал с воздуха.

В сейшельской тюрьме К. Пюрэн прикинулся невинной овечкой: и ведать он, видите ли, ничего не ведал, и на Сейшелы отправился чуть ли не в «увеселительную прогулку» в компании с «Бешеным Майком». Наивная ложь, хотя и не исключено, что этот пиратский рейд действительно представлялся ему «увеселительной прогулкой». Ведь уверял же Майкл Хор, набивая цену себе и таким, как он, головорезам, что «30—40 вооруженных до зубов и беспощадных людей» могут свергнуть любое правительство любой африканской страны. Теперь К. Пюрэн и К° на собственной шкуре убеждаются, что не наступил и никогда не наступит «золотой век» для империалистических ландскнехтов. Тюрьма или позорное бегство под крылышко своих хозяев — таков их истинный удел.

Раскрывая суть преступной акции наемников против сейшельской республики, ее президент Франс Альбер Рене отмечал, что объектом империалистических маневров с целью дестабилизации страна стала потому, что хранит верность своему выбору в пользу социалистического развития и занимает важное стратегическое положение в Индийском океане. Но, подчеркнул он, «успешное отражение агрессии еще больше укрепит решимость народа и правительства страны и впредь следовать избранным курсом, отстаивать завоевания, доставшиеся столь дорогой ценой».

13 МЕСЯЦЕВ СОЛНЦА

Страной 13 месяцев солнечного сияния называют Эфиопию все туристические проспекты. И сразу же возникает вопрос: откуда взялся этот лишний месяц? Эфио-

пия, объяснят вам, осталась единственной страной, сохранившей у себя древний юлианский календарь. Поэтому и остались в эфиопском календаре 12 месяцев по 30 дней каждый и тринадцатый — его так и называют «пагуме», т. е. «дополнительный», — состоящий из пяти или шести оставшихся дней.

От григорианского календаря эфиопский отстает на 7 лет и 8 месяцев, так что новый год здесь начинается не 1 января, а 1 сентября. Золотые медали на Олимпийских играх в Лужниках знаменитый эфиопский бегун Мирус Ифтер завоевал по местному летосчислению не в июле 1980 года, а в декабре 1972-го!

Но если с «лишним» месяцем все более или менее ясно, то этого никак не скажешь о продолжительности солнечного сияния. Вопреки утверждениям рекламных изданий безоблачно ясным эфиопское небо бывает вовсе не 13 месяцев, а куда как меньше. В среднем по стране число солнечных дней в году не превышает 150 и лишь в таких районах, как Огаден или Данакиль, достигает трехсот. Но как раз эти пустынные и засушливые места с редкими пастушескими хижинами и едва приметными тропинками вместо дорог менее всего способны привлечь туристов.

И все же, обещая гостям Эфиопии «13 месяцев солнца», путеводители не слишком преувеличивают. Ведь даже в сезон «больших дождей», как называют эфиопы период с июня по сентябрь, небо после коротких и обильных ливней быстро проясняется, и яркие солнечные лучи заливают землю, отражаясь ослепительными бликами от мокрого асфальта и капель воды, повисших на сочной листве. Как раз в эту пору и прибыли мы в Эфиопию.

Первое, что поражает при выходе из самолета в Аддис-Абебе, — это прохлада. Всего несколько часов назад в Москве, глядя на упорно не желавший подниматься выше 16° по Цельсию столбик термометра, мы сетовали на холодный июль. А здесь оказалось всего 11° тепла, хотя эфиопская столица и расположена ближе к экватору, чем жаркие Дакар, Бамако или Конакри. Встречающие эфиопские друзья одеты в добротные пальто, а у женщин на ногах совсем уж необычные для Африки высокие сапоги.

Зябко поживаясь в слишком легкомысленном для такой погоды одеянии, вспоминаем об оставленных в Москве плащах и об истине, известной каждому прилежному школьнику, а именно: что город Аддис-Абеба распо-

ложен на высоте около 2,5 километра над уровнем моря, и на эту цифру, а не на близость к экватору следовало бы ориентироваться, выбирая перед вылетом экипировку.

Тарахтя разболтанными внутренностями и непрерывно сигналив, машина втискивается в поток автомобилей разных марок, повозок, запряженных мулами и низкорослыми лошадьми, велосипедистов и пешеходов, не признающих разницы между тротуаром и проезжей частью. Улицы эфиопской столицы внешне мало чем отличаются от улиц других африканских городов: та же пестрая и шумная толчея, то же чередование мелких лавчонок и дорогих магазинов с зеркальными витринами, обветшалых невысоких строений и ультрасовременных зданий из дымчатого стекла и бетона. И все же облик их имеет свои, неповторимые черты, наблюдать которые мне в Африке еще не доводилось.

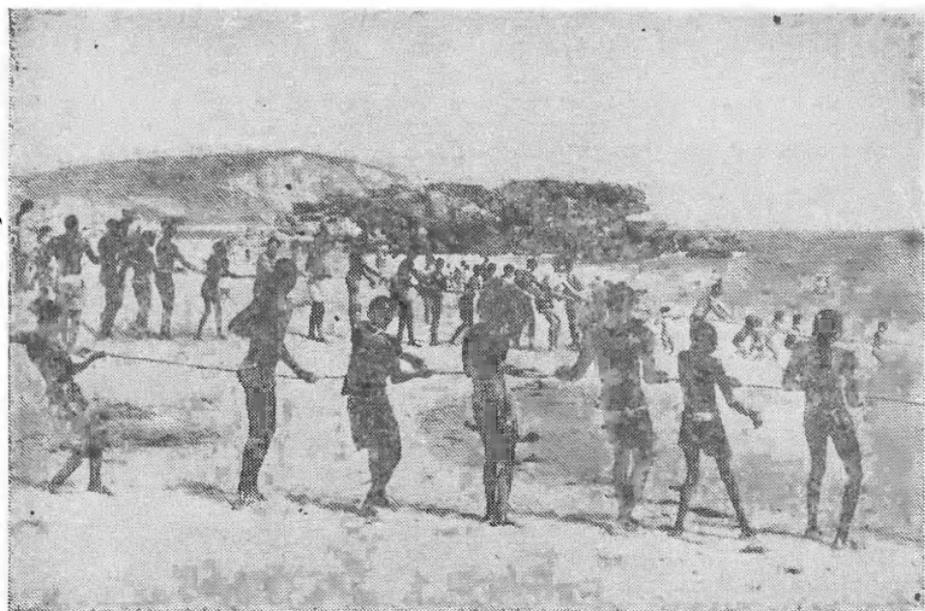
Создают их алые стяги и пятиконечные звезды, которыми украшены мачты уличного освещения, огромные портреты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на фронтонах зданий, протянутые поперек улиц лозунги на амхарском языке. А в центре широкого проспекта возвышается удивительно знакомый силуэт: рабочий и крестьянка высоко взметнули над головами серп и молот. Вся разница с прототипом — знаменитой мухинской скульптурой, которая стала символом Страны Советов на Парижской всемирной выставке 1937 года, — состоит лишь в том, что эфиопские юноша и девушка изображены в национальных одеждах и сделаны не из нержавеющей стали, а из фанеры.

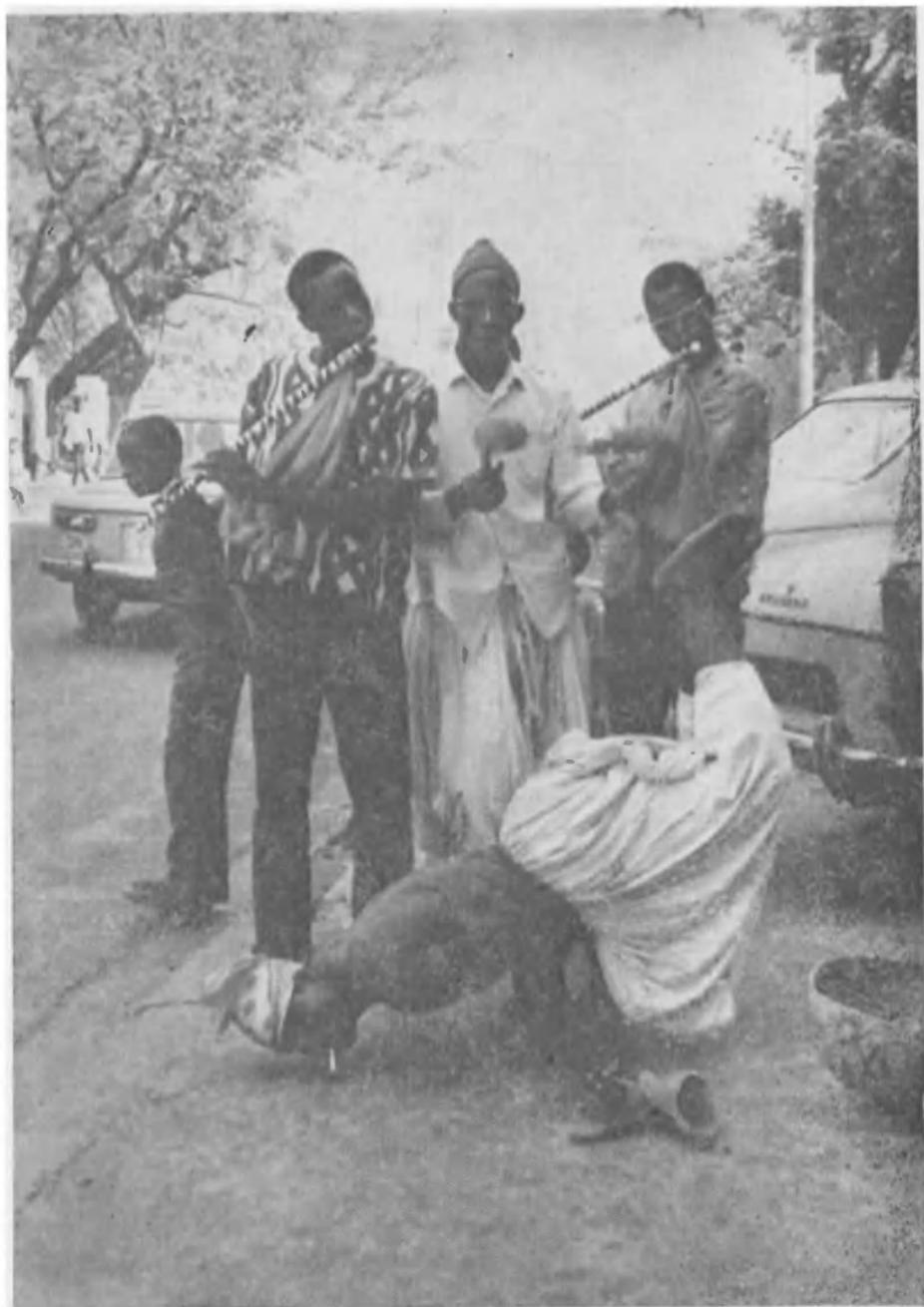
И тем не менее это простенькое панно, установленное по соседству с монументальным бронзовым львом — традиционным атрибутом эфиопской символики, — олицетворяет собой новую, революционную Эфиопию, ее неудержимый порыв вперед.

Все недолгое, но до предела насыщенное интересными встречами и незабываемыми впечатлениями пребывание нашей группы в этой древней стране было проникнуто острым ощущением глубокого и необратимого процесса обновления, с признаками которого мы сталкивались на каждом шагу. И они, разумеется, отнюдь не ограничивались внешним оформлением улиц и площадей эфиопской столицы.

В одном из тихих уголков Аддис-Абебы под сенью окружающих его деревьев приютился небольшой особняк — резиденция Комитета эфиопо-советской дружбы и

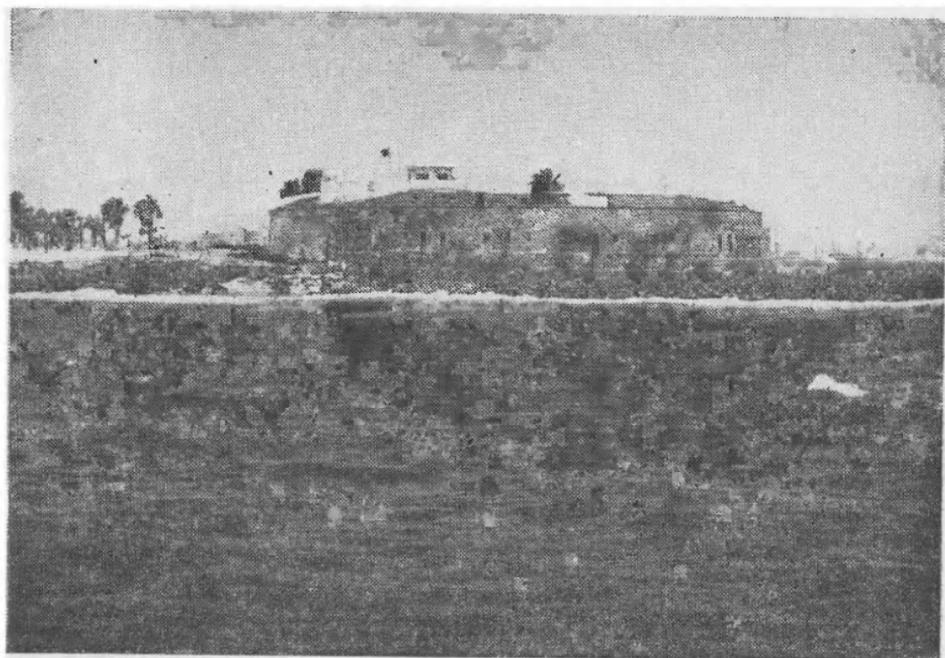

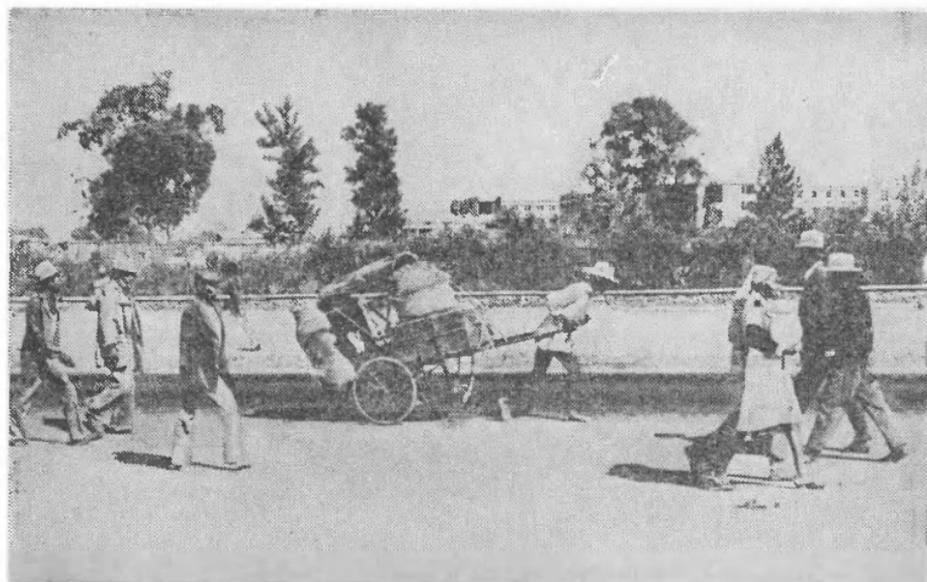

В одном из африканских учебных центров. Урок ведет советский преподаватель

Сенегал. Рыбаки

Сенегал. Уличные артисты

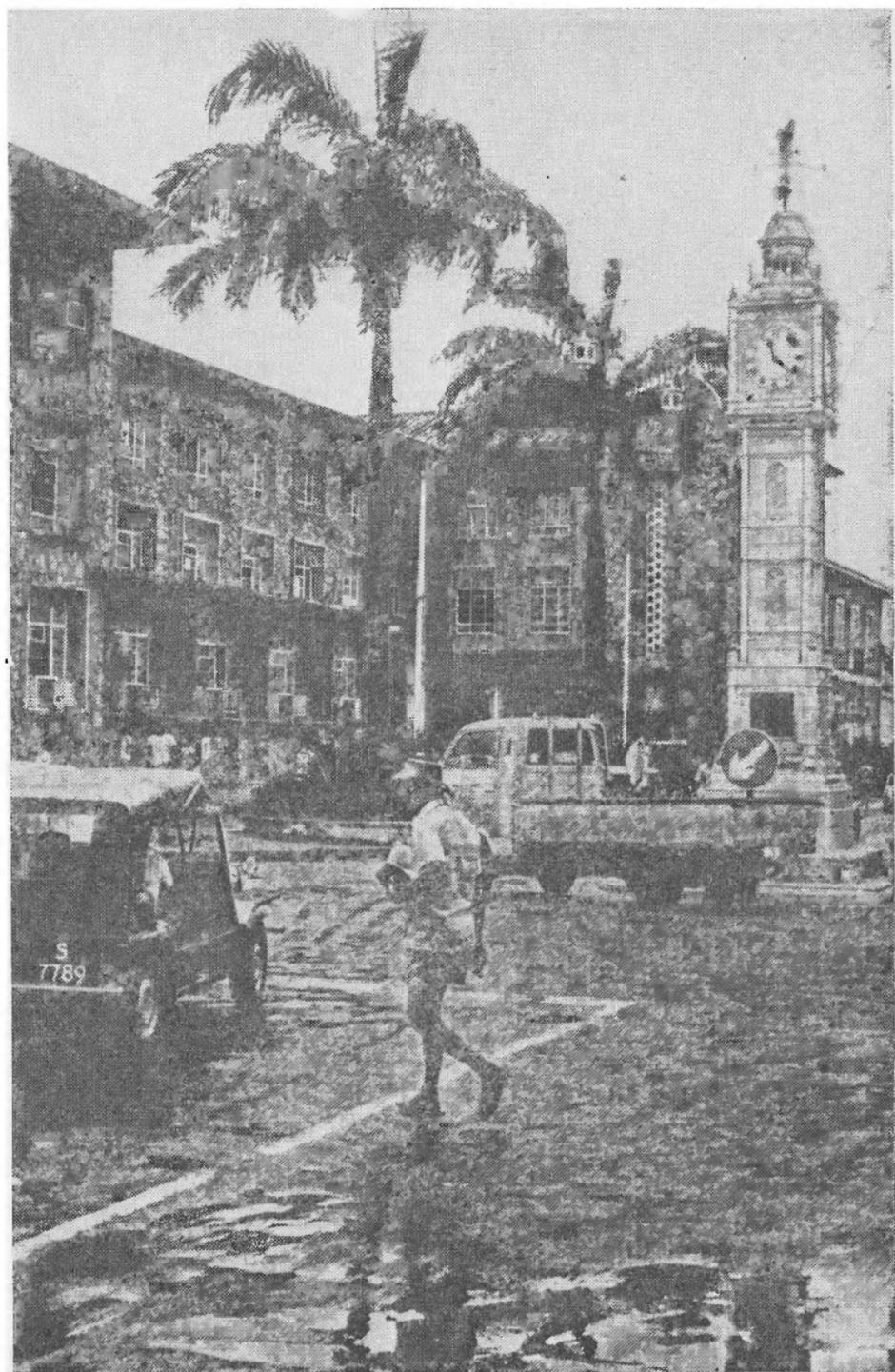

Сенегал. Остров Горе. Старинный форт

Мадагаскар. Дворец короля Андрианампунимерина — основателя малагасийского государства. Ныне — мемориальный музей

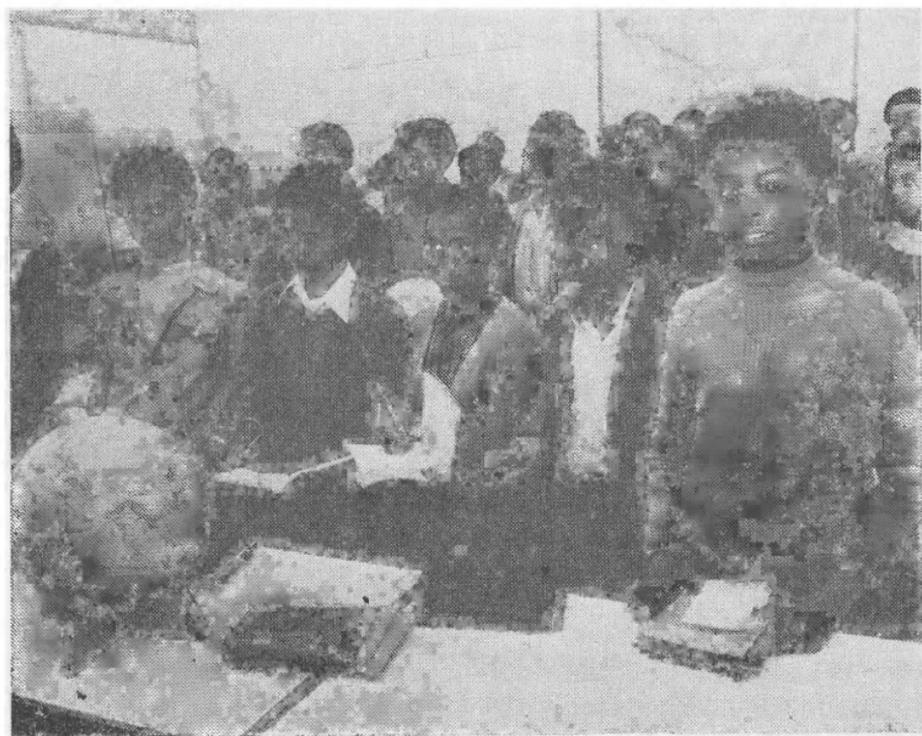
Мадагаскар. Типичные сельские жилища

Мадагаскар. Распространенный способ перевозки грузов

Сейшелы. Центральная площадь столицы

Эфиопия. Революция открыла путь к знаниям взрослым и детям

Эфиопия. Подготовка техники к полевым работам

Эфиопия. Митинг в защиту революции в Аддис-Абебе

солидарности. Здесь и состоялась одна из первых, на редкость сердечных и непринужденных встреч на эфиопской земле с руководителями и активистами этой авторитетной общественной организации. Среди них были такие широко известные деятели культуры, как художник и скульптор Афеверк Текле и писатель Цегле Гебре. Оба они хорошо знакомы советским людям по различным выставкам картин и по переводам художественной литературы.

Завоевавшие признание и популярность еще задолго до революции 1974 года, эти выдающиеся мастера искусства с увлечением рассказывали нам о том, как меняется его содержание и роль в жизни народа, о новых веяниях в культурной жизни революционной Эфиопии.

— За последние полвека, — говорил Афеверк Текле, — в нашем искусстве — будь то живопись, литература или театр — доминировали библейские или исторические сюжеты: легенда о царе Соломоне и царице Савской, победа Менелика II над итальянцами в битве при Адуа в 1896 году и им подобные. Все это служило в конечном счете прославлению императорской власти, народу же в лучшем случае отводилась роль статиста. Сейчас и тематика иная, и связь искусства с народными массами становится все прочнее и многообразнее. Впрочем, вы можете убедиться в этом сами.

И собеседники пригласили нас посмотреть спектакль одного из многочисленных молодежных самодеятельных коллективов, которые стали возникать после революции во многих местах страны.

В битком набитом зале едва нашлось местечко у стены. Занавеса, как и декораций, на сцене не было, что нас, в общем-то, не смутило: многие московские театры давно уже приучили зрителей обходиться и без того, и без другого. Несколько смущало другое: сумеем ли мы понять само содержание спектакля, не зная амхарского языка. Но эти сомнения быстро рассеялись. Во-первых, представление оказалось, по существу, пантомимой, что не снизило его эмоционального воздействия на зрителей. А, во-вторых, сюжет спектакля был настолько ясен и прост, разыгран так выразительно, что понять его не составило никакого труда.

О тяжелой крестьянской доле рассказывал этот спектакль, о беспросветной нужде, рабском труде на помещика, побоях и унижениях. Помещик и жандарм, купец и священник поочередно выходили на авансцену, симво-

лизируя собой темные силы, веками угнетавшие эфиопскую деревню.

Но вот появились молодые офицеры и солдаты, они с треском — под бурные аплодисменты и одобрителный гул зала — выставили вон кровопийц и мироедов, дали землю крестьянам, книги — их детям. Распрянул крестьянин свою согбенную спину, радостно взялся за соху. А когда настало время собирать урожай, из затемненных углов сцены вновь выползли уже знакомые нам «герои»: помещик и жандарм, поп и купец. Они жестоко избили крестьянина, скрутив его по рукам и ногам, забрали зерно, порвали книги, подожгли дом.

Негодующий ропот зрителей прокатился по залу, но на сцене ситуация уже изменилась. Вернувшиеся солдаты и студенты с автоматами и красным знаменем в коротком и жарком бою расправились с бандой контрреволюционеров. Созвав крестьянскую сходку, они вручили земледельцам винтовки, чтобы те могли защищать себя и свои поля. Как святыню приняли крестьяне в свои руки алый стяг революции, укрепив его на самом видном месте и поставив рядом часового.

Шумной овацией встретил зал финал этого бесхитростного спектакля. Но он, отражая революционные победы Эфиопии, как бы перебрасывает мост между ее героическим прошлым и сегодняшним днем, придает этому прошлому новый, глубокий смысл. Действительно, не во славу императора и «восходящей к царю Соломону» монархии вершилось это прошлое, одерживались славные победы над чужеземными захватчиками, а во имя того, чтобы пришел наконец день подлинной свободы и справедливости.

В такой стране, как Эфиопия, где 90 процентов населения составляет беднейшее крестьянство, а сельское хозяйство является основой всей экономики, судьба революции во многом зависит от того, насколько глубоко и прочно прогрессивные преобразования коснутся деревни. За долгие годы знакомства с Африкой и поездок по африканским странам нам не раз приходилось сталкиваться с этой истиной, с горечью наблюдать, как выдыхаются, начинают буксовать и вязнуть в патриархальной деревенской косности смелые революционные порывы и многообещающие начинания. С тем большим нетерпением ожидали мы поездки по эфиопской провинции.

Бесконечной серой лентой стелется под колеса машины дорога. Петля между живописными холмами, она то

приближается к сине-зеленым горным цепям, ограничивающим горизонт, то вновь удаляется от них. А по сторонам дороги течет извечная крестьянская жизнь. Мелькают деревни: тесными группами скучились островерхие тукули, между которыми затесалось несколько каменных строений, неизменная площадь посередине, где проходят деревенские праздники, а по будням играет детвора. В отдалении, построенные, как правило, на возвышенностях, виднеются церкви, увенчанные эфиопскими православными крестами.

Вот, согнувшись в три погибели и увязая по щиколотку во влажной красно-бурой земле, налегает грудью на соху пахарь. Вот женщины, размеренно взмахивая мотыгами, пропалывают зазеленевшие посевы. А там, опершись на длинные посохи, стерегут свое стадо пастиухи.

Но в привычной обыденности этих картин сельской жизни бросались в глаза необычные детали. Почти в любой деревне были видны группы крестьян — мужчин и женщин, юношей и старцев, которые, расположившись в тени раскидистых акаций, внимательно слушали стоявшего перед ними оратора. Подобные собрания, как нам объяснили, стали непременной чертой нынешнего деревенского быта, и назвать их можно, пожалуй, одним словом: «ликбез». Ликбез в самом широком значении столь привычного нам слова: это и обучение крестьян грамоте, и разъяснение им смысла и целей революции, и рассказ о новых приемах агротехники, и обсуждение конкретных проблем жизни деревенской общины. Такие собрания — или занятия — проводят приехавшие из города активисты-добровольцы.

Почти 10 лет — с начала 1975 года — существует это движение, получившее здесь символическое название «развитие через сотрудничество», сотрудничество города и деревни. Шестьдесят тысяч молодых преподавателей, студентов высших учебных заведений и большое число старшеклассников отправились в самые отдаленные уголки страны и развернули там активную борьбу за умы и сердца людей, борьбу против вековых предрассудков, невежества и косности, фатализма и бескультурия. «Шестидесятитысячники» агитировали не только словом, но и делом. Они помогали создавать крестьянские ассоциации, ставшие органами революционной власти на местах, прокладывали дороги и сооружали мосты, рыли колодцы в безводных районах, построили более 150 школ и 200

медицинских пунктов. Свыше 150 тысяч крестьян обязаны этим энтузиастам своим умением читать и писать.

Оказавшись в самой гуще острой классовой схватки в деревне, сотни этих беззаветных полпредов революции пали от рук наемных бандитов. Но ни контрреволюционный террор, ни саботаж, организованный прислужниками эксплуататорских классов, ни трудности и отдельные поражения не поколебали решимость эфиопской молодежи до конца исполнить свой патриотический долг.

Другая приметная деталь, отличающая сегодняшнюю эфиопскую деревню от всего, что доводилось видеть в других местах,— это оружие в руках у крестьян. И у того пахаря, что сгибался над своей сохой, и у пастухов за спиной торчали винтовки, а неподалеку от работавших в поле женщин гордо расхаживал подросток — совсем еще мальчишка,— сжимая в руках допотопное длинноствольное ружье.

Еще до очного знакомства с Эфиопией я слышал, что как птицу не нужно учить летать, так эфиопа нет необходимости учить стрелять: с детства привыкает он к опасностям, подстерегающим мужчину на охоте, и постигает искусство обращения с оружием. Да и многотрудная история этого народа не раз вынуждала его братья за оружие в мрачные годы феодальных междоусобиц и чужеземных нашествий. Но сегодня винтовки у крестьян, занятых повседневным мирным трудом, это не дань традиции и не отголосок истории. Это — примета дня нынешнего, продиктованная им суровая необходимость. О том свидетельствовали и заставы на дорогах, и неизменные вооруженные спутники, которые, коротко поздоровавшись, подсаживались в нашу машину всякий раз, когда требовалось свернуть на проселок и отдалиться от шоссе, и, так же молчаливо кивнув на прощание, расставались с нами при возвращении на магистраль.

Революция передала в распоряжение крестьян земли и пастбищные угодья, отобрав их у феодалов и помещиков, монастырей и спекулянтов. Она призвала их защищать эту землю, оберегать свой труд и потом добытые плоды. И крестьяне откликнулись на этот призыв, взяв в руки оружие. Защита революционных преобразований и охрана порядка в деревне стали одной из важных функций тех 25 тысяч крестьянских ассоциаций, которые созданы и действуют ныне по всей стране.

Деятельность их, разумеется, этим не исчерпывается. Как органы самоуправления на местах, они решают

много неотложных вопросов, связанных с переустройством всего уклада жизни в деревне. В их ведении находятся такие практические дела, как улучшение водоснабжения, строительство больниц, школ, улучшение дорожной сети, приобретение и использование новой сельскохозяйственной техники. Много внимания и сил требуют и проблемы организации снабжения населения продуктами первой необходимости. Сейчас уже в сотнях деревень открыты и успешно работают кооперативные магазины и торговые точки, управляют которыми крестьянские ассоциации. Через них же осуществляется и связь деревни с городом, организуются поставки в город продовольственных товаров.

Много дел и забот у крестьянских ассоциаций, которые в Эфиопии называются опорными пунктами революционного наступления в деревне. И в том, что они успешно справляются с этой ответственной и трудной ролью, немалая заслуга принадлежит тем «шестидесятитысячникам», посланцам революционного города, которые создавали эти опорные пункты и продолжают оказывать им эффективную помощь. Программа «развития через сотрудничество», положившая начало смычке города с деревней, продолжает осуществляться, представляя собой своеобразную форму укрепления классового союза пролетариата, революционной интеллигенции и крестьянства.

Состоявшийся в феврале 1981 года пленум ЦК Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ) дал высокую оценку эффективности этой программы и самоотверженного труда «шестидесятитысячников». Он отметил, что проведение среди тружеников села широкой организационной и политико-воспитательной работы наряду с осуществлением аграрной реформы послужило мощным стимулом для развития производительных сил эфиопской деревни и подготовило условия для перехода к социалистическому кооперированию в сельском хозяйстве. В стране действуют и находятся в стадии формирования около 500 производственных кооперативов. Помимо этого существует более трех тысяч потребительских кооперативов, объединяющих свыше 14 тысяч крестьянских ассоциаций.

Этот успешный старт, отметил пленум ЦК КОПТЭ, позволяет революционному правительству выдвинуть перед крестьянством важнейшую задачу: в кратчайшие сроки добиться полного обеспечения страны продуктами пи-

тания, а промышленности — сырьем. Решение этой задачи позволит, сократив соответственно расходы на импорт, ускорить процесс индустриализации и социалистического строительства в стране.

Другая — не менее приметная — черта охватившего всю страну процесса революционного обновления — это необычайная жажда знаний, глубокий интерес к событиям в мире, философии, истории, искусству. На каждом шагу нас преследовало ощущение, что страна, пробудившись от вековой спячки, спешит наверстать упущенное, познать неведомое, постичь все, что лежало за пределами ее собственного, ограниченного узкими феодальными рамками опыта.

Едва ли нужно говорить, что явной доминантой этого интереса является теория и практика научного социализма. Казалось бы, чего проще удовлетворить нужды страны, где девять жителей из десяти неграмотны, в книгах. Однако потребность в марксистско-ленинской литературе исчисляется миллионами экземпляров, и спрос на нее обгоняет предложение.

Огромным спросом пользуются произведения советских писателей, книги по истории, экономике, искусству первого в мире социалистического государства — Советского Союза.

С чрезвычайно живым и глубоким интересом эфиопов к нашей стране, ее историческому опыту построения социалистического общества мне пришлось столкнуться в первый же день пребывания в этой стране. Еще на аэродроме встречавшие нас друзья сообщили, что времени у меня в обрез: через несколько часов в клубе железнодорожников надо выступить с первой лекцией. Несколько опешив от такой оперативности — ведь позади был утомительный ночной перелет, хотелось отдохнуть, привести себя в порядок, разобрать записи и конспекты, — я поинтересовался, по какой конкретно теме надо будет выступать. И услышал в ответ: «По любой о Советском Союзе, нас интересует все, что связано с родиной Ленина и Октября».

В назначенный час несколько сот рабочих, служащих, учащихся, собравшихся в клубе, с жадным вниманием слушали рассказ о том, как наша партия, наш народ воплощали в жизнь ленинский план строительства социализма. Основываясь на собственном опыте, я полагал, что лекция вместе с ответами на вопросы займет около полутора-двух часов. Исходя из такого расчета и строил

свою дальнейшую программу, надеясь успеть на экскурсию по городу, намеченную для всей группы на вторую половину дня. Но в гостиницу вернулся, когда мои спутники заканчивали ужин: вопросам, которые сыпались со всех сторон после лекции, не было конца. И вопросы были интересные, конкретные. Они показывали, что аудитория довольно хорошо знает историю становления нашего социалистического государства, ищет в ней ответы на волнующие эфиопскую общественность актуальные проблемы национальной революции.

Многие из тех, кто брал слово, не просто задавали тот или иной вопрос, а делились собственными размышлениями и сомнениями, рассказывали о своих достижениях и нерешенных проблемах.

Хочется привести здесь и другой эпизод, свидетельствующий о глубоком и искреннем интересе в Эфиопии к нашей стране. Очередная лекция была намечена в государственном Управлении автомобильного транспорта. В назначенный час приехали эфиопские товарищи, но еще не появился переводчик, который должен был переводить на амхарский язык. Пока его разыскивали, судили да рядили, как быть, прошло более часа. Я был уверен, что лекция уже не состоится: у кого хватит терпения так долго ждать? Тем не менее организаторы, не найдя переводчика, все-таки повезли меня к автомобилистам. Войдя в огромный, переполненный зал, вместивший более тысячи человек, я поразился: люди терпеливо ждали...

После обычной процедуры представления лектора ведущий обратился к собравшимся с вопросом, сможет ли кто-нибудь из присутствующих переводить с французского или русского на амхарский язык. После некоторой заминки из задних рядов поднялся молодой человек с густой курчавой бородой и, смущаясь, сказал, что он может попытаться, если лектор будет говорить не слишком быстро. Это был выпускник Московского автомобильно-дорожного института Волде Селассие Белайнех, и надо сказать, что он блестяще справился с нелегкой задачей. Нелегкой, ибо, увлеченный чутко реагирующей аудиторией, лектор позабыл об обещании говорить медленно. Но и Белайнех позабыл о своих опасениях, продемонстрировав хорошее знание русского языка. Ну, а в остальном повторилась та же история, что и в клубе железнодорожников,— вопросы, вопросы и снова вопросы.

Посещение Высшей политической школы «Йека-

тит-66» позволило получить более полное представление о том, насколько серьезно изучают в Эфиопии марксистско-ленинскую теорию и какое первостепенное значение уделяют этому делу. Директор школы Тадессе Гебре-Эгзиабер, заведующие основными кафедрами и преподаватели — молодые, высокообразованные и хорошо знающие свое дело люди — подробно рассказали о задачах и работе этого единственного в своем роде учебного заведения, готовящего кадры политработников для армии, профсоюзов, государственного аппарата и крестьянских ассоциаций.

Сюда приходят люди разного образовательного уровня, возраста, жизненного опыта. Желающих поступить в школу много, но отбор происходит строгий и осуществляется на местах. Поступающий должен получить рекомендацию коллектива, а следовательно, своей работой и поведением завоевать доверие, авторитет товарищей и доказать преданность идеалам революции.

В зависимости от уровня первоначальной подготовки и характера будущей работы слушатели проходят различный курс обучения — от нескольких недель до года. В число изучаемых дисциплин входят марксистско-ленинская философия, политэкономика, история международного коммунистического и рабочего движения, история Эфиопии. Большое внимание уделяется изучению истории КПСС и Советского государства.

«Текатит-66» — это острое жало, разящее эфиопскую контрреволюцию. И она не раз пыталась расправиться с этим центром подготовки идеологических кадров. Отдельные террористические акты против преподавателей и слушателей школы сменялись бандитскими налетами на ее помещение. Однажды налетчикам удалось взорвать библиотеку, где находился весь книжный фонд школы.

С гордостью показывая нам прекрасно оборудованные классы и заполненные томами стеллажи новой библиотеки, Гебре-Эгзиабер, улыбаясь, говорил: «Они думали, что, уничтожив книги, уничтожат и идеи. Жалкие люди! И ничему не научила их история».

Несколько незабываемых часов, пролетевших, как миг, в оживленной беседе, провели мы в политшколе. Разговор шел о характере и движущих силах эфиопской революции, общих закономерностях и национальных особенностях революционного процесса, об актуальных проблемах международного рабочего и коммунистического движения.

Прощались мы с нашими новыми эфиопскими друзьями, когда в ночном небе над Аддис-Абебой уже ярко горели крупные и казавшиеся такими близкими южные звезды. Глядя на них, невольно думалось, что «Йекатит-66» — это пока лишь первая путеводная звездочка, зажженная эфиопской революцией. За ней засияют ярким светом и другие, указывая людям верный путь в будущее.

Но каждый шаг в это будущее дается здесь, как и всюду в Африке, с невероятным трудом. Поистине в муках поисков, острых конфликтов и упорной, не всегда открытой постороннему взгляду борьбы старого с новым утверждается на этом континенте его завтрашний день. И всякий раз, покидая Африку и вновь возвращаясь к ней, пристально всматриваешься в день сегодняшней, с неугасающим интересом отыскивая в нем ростки нового. И радуешься, когда находишь: ведь так хочется, чтобы древо человеческой жизни, чьи корни, как полагают ученые, лежат в африканской земле, росло здесь стройным и могучим, принося обильные плоды, достойные нашего просвещенного века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почти четверть века отделяет нас от «Года Африки», названного так потому, что именно в том, 1960 году одна за другой 17 африканских стран обрели независимость. Тогда же по инициативе Советского Союза Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Долго накапливавший энергию могучий вал национально-освободительного движения прорвал плотину колониализма и покатился по континенту. Покатился так стремительно, что оставалось лишь изумляться бурным темпам перемен в Африке.

Самые смелые, если не сказать амбициозные, планы выдвигались иными африканскими лидерами. Какими только эпитетами не награждали в те годы Африку журналисты: «Бурлящий континент», «Пылающий континент»... Не отставали и художники-плакатисты: образ африканца, рвущего на себе цепи колониального рабства, стал поистине хрестоматийным.

Четверть века — это такой рубеж, который уже сам по себе вызывает потребность оглянуться на пройденный путь. На первый взгляд может показаться, будто столь стремительно стартовавший в будущее африканский «локомотив» замедлил скорость, а кое-где даже забуксовал. Но это лишь на первый и чаще всего поверхностный взгляд. Неожиданных, вызывающих громкое эхо событий здесь стало, быть может, действительно меньше. Однако говорит это скорее о том, что процесс необратимых перемен в Африке теперь развивается не столько вширь, сколько вглубь.

За это время на Африканском континенте в активную жизнь вступило поколение, сформировавшееся уже в условиях независимости и знакомое с прямым колониальным господством только по книгам и рассказам. Многие из этих молодых людей учились по новым учебникам, в которых более или менее полно воссозда-

ется подлинная история африканских стран и народов. Они не мыслят себе возврата в какой бы то ни было форме к канувшим в Лету временам, когда судьбы Африки определялись в Лондоне или Париже, Брюсселе или Лиссабоне, Риме или Мадриде. Жадно вчитываясь и вслушиваясь в сообщения о событиях в Африке и в остальном мире, о проблемах, волнующих человечество, они ищут ответа на вопросы, которые остро ставит сама жизнь.

И вот тут обнаруживается парадоксальная, казалось бы, ситуация: сплошь и рядом многие африканцы читают и слышат отнюдь не то, что помогло бы им совершить новый, качественный рывок вперед по пути социально-экономического прогресса. Выиграв битву за политическую независимость, добившись бесспорных успехов в таких важных областях, как народное образование, улучшение системы здравоохранения, а в ряде случаев — и в сфере экономики, Африка лицом к лицу столкнулась с необходимостью борьбы за деколонизацию еще в одной важнейшей сфере — духовной. Достаточно сказать, что 90 процентов всей информации, поступающей на континент и попадающей на страницы африканских газет, в передачи радио и телевидения, исходит из западных источников. Трудно поверить, но факт: о событиях не только в соседней, а даже в собственной стране африканец узнает, как правило, из сообщений американских, английских или французских информационных агентств. Из каждых 10 книг на африканском книжном рынке 8 изданы западными буржуазными издательствами. Запад продолжает монополизировать и африканский кинопрокат.

«Информационным империализмом» называют в развивающихся странах положение, сложившееся в этой области. На состоявшейся в марте 1983 г. в Дели VII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран борьба за деколонизацию информации и противодействие тенденциозному освещению событий и пропагандистским кампаниям, направленным против развивающихся стран и национально-освободительных движений, поставлены в ряд важнейших задач движения неприсоединения. Стремление создать новый мировой информационный порядок, говорится в политической декларации конференции, представляет собой неотъемлемую часть борьбы за новый международный экономический порядок.

«Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете,— говорил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов.—И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой борьбы». Фронт ее проходит в Африке, и здесь исход этой борьбы во многом предопределит будущее африканских народов. Созная это, прогрессивные силы Африки уделяют вопросам идеологии все более пристальное внимание и все менее склонны к компромиссам в этой области во имя каких-либо сиюминутных прагматических выгод. В результате, несмотря на подавляющий материально-технический перевес международного империализма и внутренней реакции, опирающейся на его всемерную поддержку, похвастаться успехами в идеологической борьбе они не могут. А вот поражения терпят по многим линиям.

Проваливаются все попытки скомпрометировать прогрессивные режимы в африканских странах, лишить их поддержки населения и подорвать их внешнеполитические позиции. Нам, журналистам-тассовцам, приходится едва ли не повседневно сталкиваться, просматривая телетайпные ленты западных информационных агентств, с мутным потоком дезинформации, злобной клеветы и откровенно подстрекательских сообщений, нацеленных на дестабилизацию обстановки в этих странах.

Но наступает день, когда эти телетайпы будто поперхнулись; они молчат, когда нужно сообщить о результатах всеобщих выборов на Мадагаскаре, где в августе 1983 года за кандидатов, выдвинутых партиями, входящими в Национальный фронт защиты революции, проголосовало более 90 процентов избирателей; когда единодушную поддержку получил глава государства Д. Рацирака, переизбранный в 1982 году на пост президента Демократической Республики Мадагаскар. Помалкивает буржуазная пропаганда и в тех случаях, когда поступают сообщения о провале очередной попытки совершить реакционный переворот на Сейшелах, предпринятой агентами ЮАР в 1982 году.

Одной из первоочередных задач психологической войны, развязанной против СССР и мирового социализма, Вашингтон и его присные считают подрыв авторитета Советского Союза и доверия к нему в разви-

вающихся странах, в том числе африканских. Но терпят провал и эти потуги. Вот лишь один пример.

В начале сентября 1983 года автору этих строк довелось освещать работу очередной сессии Межправительственного совета Международной программы развития коммуникации (МПРК) в Ташкенте. Эта программа, осуществляемая под эгидой ЮНЕСКО, призвана содействовать становлению национальных средств информации и связи в развивающихся странах. Активное участие в реализации целей МПРК принимает и наша страна, признанием чего, в частности, явился сам факт проведения сессии в Советском Союзе.

Прибывшая в Ташкент весьма многочисленная делегация США лезла, что называется, из кожи вон, чтобы раздуть истерическую антисоветскую кампанию вокруг инцидента с южнокорейским самолетом, вторгшимся в воздушное пространство СССР. Демагогические выступления на заседаниях, а в кулуарах шантаж в отношении одних участников сессии, щедрые посулы в адрес других — все средства были пущены в ход американской делегацией, чтобы добиться «осуждения» Советского Союза в документах Совета МПРК. Однако делегации африканских стран в Ташкенте справедливо усмотрели в бурной деятельности американцев стремление не только опорочить СССР, но и увести сессию в сторону от делового обсуждения актуальных проблем установления нового мирового информационного порядка. Этим недостойным усилиям американской делегации был дан решительный отпор со стороны представителей Африканского континента.

Попытки втянуть Африку в русло империалистической политики, столкнуть на путь антисоветизма и тем отвратить от социализма идут и в другом направлении. США и их ведущие партнеры по НАТО развернули в последнее время массивное наступление на движение неприсоединения в целом, участниками которого являются все африканские страны, за исключением, разумеется, ЮАР. Чтобы выхолостить антиимпериалистическое содержание этого движения, ему усердно навязывается тезис о необходимости придерживаться «равноудаленности» от противостоящих общественных систем и военно-политических союзов, т. е. капитализма и социализма, НАТО и Варшавского договора.

Под этой же вывеской «равноудаленности» африканским странам хотят навязать пассивную позицию

в таких архиважных для человечества вопросах, как предотвращение угрозы ядерной катастрофы, прекращение гонки вооружений, упрочение всеобщего мира и международной безопасности. Им настойчиво внушают, будто все это — не их проблемы, будто голос Африки ничего не изменит в решении судеб мира и человечества.

Понятно, что, ставя перед своими пропагандистскими службами такую задачу, США рассчитывают ослабить противодействие на международной арене своему агрессивному, авантюристическому курсу, расширить возможности для вмешательства в дела других стран и народов. Но и на этом участке идеологической борьбы Западу похвалиться нечем. Свидетельств тому более чем достаточно. Ограничимся одним документом — заявлением Национального бюро Сенегальской ассоциации солидарности и дружбы с народами во имя мира. Опубликованное в Дакаре в ноябре 1983 года, оно тем более показательное, что принято в стране, где западная пропаганда практически не встречает препятствий для обработки общественного мнения. «Безумная гонка вооружений, которую ведут США и силы НАТО,— говорится в заявлении,— сочетается с возросшей агрессивностью империализма против народов всех континентов. Жертвами ее уже стали Кампучия, Афганистан, Никарагуа, Чад, Ливан, Ангола, Мозамбик. Последней по времени явилась неслыханная и позорная агрессия американской морской пехоты в Гренаде. Размещение администрацией президента США ракет „Першинг“ и крылатых ракет в Западной Европе,— отмечается далее в том же документе,— приведет к нарушению существующего в настоящее время стратегического равновесия и усилит угрозу ядерной войны, которая явится катастрофой для всего человечества. Именно поэтому,— подчеркивают сенегальские сторонники мира,— массовое движение, которое разворачивается на всем земном шаре против ядерной войны и за мир, касается также и нас. Мы должны сказать „нет“ размещению американских ракет в Западной Европе и потребовать, чтобы США и другие ядерные державы взяли на себя обязательство, как это уже сделал Советский Союз, не применять первыми ядерное оружие. Человечеству угрожает опасность. Голос Сенегала должен прозвучать громко и недвусмысленно: мы выбираем жизнь в противовес силам ядерного апокалипсиса».

Не только голос Сенегала — голос всей Африки громко и недвусмысленно звучит в пользу мира и разрядки, национального и социального освобождения. Африка выбирает жизнь, тогда как цели, которые преследует на этом континенте международный империализм, означают для нее лишь новые муки и страдания, новые жертвы голода и болезней, междоусобных распрей и иностранных военных авантюр. Эти цели противоречат самому существованию и ходу исторического процесса. Потому и не удастся заглушить этот голос, несмотря на огромный, запущенный на полные обороты механизм империалистического давления на африканские государства.

События, которые произошли на этом континенте уже после того, как эта книга была сдана в набор, вновь демонстрируют, насколько сложными и порой запутанными перипетиями насыщена эта борьба. Империалистическим силам и их африканской агентуре удалось на какое-то время парализовать деятельность такого важного инструмента общеафриканского развития, как Организация африканского единства. Продолжается трагедия чадского народа — жертвы империалистического вмешательства, которое вылилось здесь в прямую интервенцию. В «прифронтовых государствах», и прежде всего Анголе, Мозамбике, Замбии и Ботсване, бесчинствуют террористические банды расистских наймитов.

И все же империализм не в силах остановить, а тем более повернуть вспять поступательное движение Африки от колониального прошлого к свободе, демократии и прогрессу. Множатся и углубляются прогрессивные преобразования в странах социалистической ориентации. Патриотические силы взяли в свои руки судьбы таких стран, как Гана и Верхняя Вольта. Терпят провал все попытки южноафриканских расистов и их западных покровителей подавить освободительную борьбу народа Намибии, навязать ему марионеточный режим, расисты Претории мечтают как в осажденной крепости, пытаясь разнузданным террором и фальшивыми «реформами» спасти обреченный режим апартеида.

Четверть века — срок небольшой даже в жизни человека, не говоря уже о народе или целом континенте. А путь за этот срок африканскими народами пройден немалый. Так доброго тебе будущего, Африка!

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ ВЕКА ЭВОЛЮЦИИ	7
В ЗУБАХ У СЕНЕГАЛА	19
УРОКИ ГРАФА ИЗ КАЗАМАНСА	26
АФРИКА НЕ ПЕРЕСТАЕТ УДИВЛЯТЬ	44
ПУДОВЫЕ ГИРИ ПРОШЛОГО	52
ТРАГЕДИЯ САХЕЛЯ	60
АФРИКАНСКИЙ СУББОТНИК	65
«ЧЕРНАЯ ПТИЦА» В ЧУЖОМ ГНЕЗДЕ	69
ОТЕЦ НЕГРИТЮДА	77
НЕГРИТЮД ИЛИ «ТИГРИТЮД»?	99
ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЕ	104
КРАСНЫЙ ОСТРОВ	125
РАЙ ЗЕМНОЙ В ОКЕАНЕ	142
13 МЕСЯЦЕВ СОЛНЦА	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

Борис Александрович Шабаев

Африка: из прошлого в будущее

Редактор *Н. Т. Божко*. Младший редактор *Е. Д. Орлова*. Художник *Н. П. Ларский*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректоры *А. В. Шандер* и *О. Л. Щигорева*.

ИБ № 14910

Сдано в набор 19.09.83. Подписано к печати 26.01.84. А-05263. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 10,33. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5426. Зак. 690. Цена 65 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ К КНИГЕ Б. А. ШАБАЕВА
„АФРИКА ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ“**

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
11	7 св.	и одновременно «закрывает»	и «закрывает»
76	8 сн.	национально-экономических	социально-экономических
89	19 св.	даже с французскими	даже со многими французскими
125	20 сн.	Рождественского	Рождественского
180	7 св.	проходит в Африке	проходит и в Африке

Зак. 690

250 M 110 92

65 к.

Всего в 1911 году

№ п/п	Наименование	Сумма
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50

100